

1906. **Май.** **XI.**

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136. 1906.

Редакція „Миссіонерск. Обозр." Невскій, 153. Телеф. № 5226

Содержаніе майской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1906 годъ.

По общимъ вопросамъ православной вѣры и церковной жизни.

Миссіонерскій отдѣлъ.

По сектовѣдѣнію.

По расколовѣдѣнію.

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

По общимъ вопросамъ вѣры и церковной жизни.

Мѣры къ уничтоженію русской иконописи.

(Матеріалы къ исторіи современнаго иконоборства).

Начало текущаго года вписало двѣ грустныя страницы въ лѣтопись русскаго искусства, вопія о глубокомъ пренебреженіи къ нуждамъ національнаго художественнаго творчества, указывая на полное невниманіе къ одному изъ существенныхъ путей народнаго благосостоянія и развитія, вычеркнувъ изъ намѣченной разработки вопросовъ государственнаго значенія дѣловую возможность обсужденія въ Государственныхъ Думѣ и Совѣтѣ всего того, что касается не только чистаго, но даже и прикладного искусства. По установленнымъ правиламъ выборовъ, въ Думу не могъ попасть ни одинъ представитель искусства. Казалось, могла еще остаться надежда на выборы въ Совѣтъ, но и тутъ упомянутыми были лишь Академія наукъ и университетъ, а *Академія художествъ забыта и лишена права посылки своихъ выборныхъ*. Такое болѣе чѣмъ печальное явленіе явилось слѣдствіемъ полной апатіи членовъ академической корпораціи къ сознанной всѣми насущности всюду назрѣвшихъ реформъ и гражданской молодости дѣятелей нашего художественнаго міра. Забытъ оказался историческій примѣръ, который представленъ Франціей: — Тьеръ, непосредственно вслѣдъ за избраніемъ его „главою исполнительной власти“ новоявленной республики, ранѣе пріема делегацій, явившихся къ нему съ поздравленіями, принялъ только двухъ чиновниковъ: префекта полиціи и главнаго инспектора школъ, и первыя его слова, къ нимъ обращенныя, были высокознаменательны: „мы вернемъ милліарды контрибуціи обновленіемъ нашей художественной промышленности“. Въ Россіи забыли, что послѣдовавшее затѣмъ обновленіе художественной промышленности Франціи было однимъ изъ могучихъ рычаговъ къ созданію ея высокаго матеріальнаго благосостоянія. У насъ забыли так-

Н. В. Покровскаго: — „*Въ церковномъ* употребленіи несомнѣнно должна быть настоящая, хорошая иконопись; сильныхъ затрудненій — здѣсь не было и нѣтъ. Для храма Божія всегда найдутся хорошія иконы, а гравюры, которыя намъ лично доводилось видѣть даже въ нѣкоторыхъ подгородныхъ петербургскихъ храмахъ, здѣсь не должны имѣть мѣста. Другое дѣло — частное, домашнее употребленіе иконъ". Можно ли отнестись съ большимъ легкомысліемъ къ народу, которому, слѣдовательно, по мнѣнію Н. В. Покровскаго, можно позволять всучивать *ненастоящія, дурныя и нерукописныя* иконы. Въ вопросахъ религіи, мы полагали бы, непозволительно дѣлать такія подраздѣленія, а тѣмъ болѣе профессору и члену Комитета *попечительства* о русской иконописи.

Въ своемъ ходатайствѣ иконописцы допустили нѣкоторую ошибку, назвавъ Жако евреемъ. Св. Синодъ указалъ на неправильность этого положенія, сообщивъ, что Жако христіанинъ...

Карелинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Герценъ и наши дни.

I.

„Прощай, отходящій міръ! Прощай, Европа!"

„Святая почва Европы, — благословеніе ей, благословеніе!" (VI, 142).

Такъ писалъ въ своемъ «Дневникѣ» Герценъ въ тѣ годы, когда, въ долгомъ и долго напрасномъ ожиданіи заграничнаго паспорта, онъ мечталъ объ Европѣ по книжкамъ, создавалъ великолѣпныя легенды и красивые миѳы о далекихъ волшебныхъ мірахъ, гдѣ мысль свободна и сильна, гдѣ жизнь построена на правѣ и правдѣ, гдѣ соціализмъ идетъ впередъ въ сапогахъ скороходахъ и стоитъ уже на порогѣ своего осуществленія, гдѣ прогрессъ на коврѣ-самолетѣ несетъ все впередъ и впередъ счастливое человѣчество, гдѣ люди дѣятельны и энергичны и работаютъ только ради общаго блага.

Но въ концѣ концовъ онъ получилъ этотъ заграничный паспортъ, который унесъ всѣ его мечты и надежды. Ему казалось постыднымъ не присутствовать на парижской революціи 1848 г. Онъ отбросилъ счастливыя впечатлѣнія прекрасной Италіи и въ тревожномъ энтузіазмѣ помчался къ всемірному очагу всемірной свободы.

Онъ видѣлъ и зналъ, — близко зналъ, — всѣхъ великихъ дѣятелей революціи и демократической республики, зналъ ихъ не только по книгамъ, но зналъ ихъ по ихъ рѣчамъ и дѣламъ, зналъ, какъ людей своего круга, своихъ близкихъ знакомыхъ, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками. Отъ него эти властители думъ и вожди человѣчества не могли спрятать своей мечтательности и безпочвенности подъ дырявымъ плащемъ бумажнаго періодическаго величія и громкихъ, но безсодержательныхъ фразъ.

„Прощай, отходящій міръ! Прощай Европа!" (V, 247)—съ ужасомъ и отвращеніемъ кричалъ обманутый и разочарованный трубадуръ Европы, подводя итоги своихъ яркихъ и живыхъ наблюденій, своего долгаго и многосторонняго опыта.

„Я пять лѣтъ не видалъ свѣтлаго лица, не слыхалъ простого смѣха, понимающаго взгляда". (III, 263).

„Мудрено теперь сбить ихъ (славянофиловъ) примѣромъ запада, когда достаточно одного нумера любой газеты, чтобы увидѣть страшную болѣзнь, подъ которою ломится Европа. Отворачиваться отъ ея ранъ и поклоняться *не только идеямъ*, которыя она выработала и съ которыми не можетъ сладить ея современная жизнь, но и ей самой,—столько-же невозможно, какъ увѣрить насъ, что фанатически поврежденная умственная дѣятельность поклонниковъ Будды или карпатскихъ раскольниковъ важнѣе и глубже всѣхъ вопросовъ, занимающихъ насъ". (V, 391).

„Міръ европейскій въ той формѣ, въ которой онъ теперь существуетъ, окончилъ свою карьеру. Но намъ кажется, что ему слѣдовало окончить ее торжественнѣе: если не безъ страданій и боли, то, по крайней мѣрѣ, безъ стыда и униженія. Консерваторы, какъ вообще старые скупцы, боятся только наслѣдника и отдаляются отъ него. Ихъ въ ночное время задушатъ и ограбятъ воры и разбойники". (V, 313).

Недуги запада перебросились и къ намъ. И теперь, когда незаконные наслѣдники „отходящаго міра", подлинные воры и разбойники, въ ночное время пришли душить и грабить, можно оцѣнить это пророчество Герцена во всей его полнотѣ и опредѣленности.

„Не любитъ романскій міръ свободы: онъ любитъ только домогаться ея. Силы на *освобожденіе* онъ иногда находитъ, но на *свободу*—никогда". (III, 160).

И это мы видимъ теперь своими глазами. Русскіе революціонеры, плагіаторы и рутинеры по шаблонамъ запада, на зарѣ освобожденія обнаруживаютъ столько деспотизма и тиранніи, что давно уже побили рекордъ злѣйшихъ тиранновъ міра. Западъ передалъ свое роковое наслѣдство русскимъ ренегатамъ и общая болѣзнь вскрылась прежде всего среди младенчески довѣрчиваго и наивнаго поколѣнія подражателей и приспѣшниковъ чужой мудрости.

„Когда я спорилъ въ Москвѣ съ славянофилами (между 1842—1846 годами), мои воззрѣнія въ основахъ были тѣже. Но тогда я не зналъ запада, т. е. зналъ его книжно, теоретически—и еще больше любилъ его всею ненавистью къ петербургскимъ порядкамъ. Видя, какъ Франція смѣло ставитъ соціальный вопросъ, я предполагалъ, что она хоть отчасти разрѣшитъ его,—и отъ того былъ, какъ тогда называли, *западникомъ*. Парижъ въ одинъ годъ отрезвилъ меня,—но за то этотъ годъ былъ 1848. Во имя тѣхъ-же началъ, во имя которыхъ я спорилъ съ славянофилами за западъ, я сталъ спорить съ нимъ самимъ.

„Обличая революцію, я вовсе не былъ обязанъ переходить на сторону ея враговъ. Паденіе февральской республики не могло меня отбросить ни въ католицизмъ, ни въ консерватизмъ; оно меня снова привело *домой*.

„Стоя въ стану побитыхъ, я указывалъ имъ на народъ, носящій въ бытѣ своемъ больше условій къ экономическому перевороту, чѣмъ окончательно сложившіеся западные народы. Я указывалъ на народъ, у котораго нѣтъ тѣхъ нравственныхъ препятствій, о которыя разбивается въ Европѣ всякая новая общественная мысль, а напротивъ есть *земля подъ ногами* и увѣренность, что *она его*.

„И вотъ пятнадцать лѣтъ я проповѣдую это. Слова мои возбуждали смѣхъ и негодованіе, но я шелъ своей дорогой. Пришла крымская война,—смѣхъ смѣнился свистомъ, клеветой... Но я шелъ своей дорогой. По странной ироніи мнѣ пришлось на развалинахъ французской республики проповѣдывать на западѣ часть того, что въ сороковыхъ годахъ проповѣдывали въ Москвѣ Хомяковъ, Кирѣевскіе... и на что я возражалъ". (VI, 284).

II.

Старая ложь.

Повидимому, ясно. Герценъ самъ, своими собственными словами формулируетъ мысль, которую онъ проповѣдывалъ пятнадцать лѣтъ,

которую онъ сохранилъ до конца жизни, въ которой завѣтное его убѣжденіе. Онъ *былъ* западникомъ и пересталъ имъ быть. Но влюбленные—по плохому портрету—и мало освѣдомленные его поклонники изъ лагеря западниковъ никакъ не могутъ съ этимъ примириться. Они хотятъ быть больше строгими Герценами, чѣмъ самъ Герценъ, т. е. послѣдовательными западниками, какимъ Герценъ не былъ.

Это особый видъ партійнаго дальтонизма. Они не хотятъ видѣть того, что у нихъ передъ глазами, и представляются слѣпыми. Чтобы сохранить свою младенческую вѣру въ Герцена, они не вѣрятъ Герцену, а вѣрятъ его тенденціознымъ и невѣжественнымъ комментаторамъ, которые создали изъ его осколковъ западническаго фетиша и поклонялись своей суевѣрной мечтѣ, не считаясь съ дѣйствительностью.

Свою позицію они защищали самыми террористическими средствами, предавая то либеральной, то радикальной, то просто нигилистической анаѳемѣ всякаго, кто имѣлъ мужество говорить правду. Для этой цѣли сфабриковано много мнимо-литературныхъ формъ запугиванья, шуллерства и скоморошества. Пользуясь умственнымъ и теоретическимъ одичаніемъ русской интеллигенціи и такъ называемой „мыслящей Россіи", давно утратившей способность и умѣнье мыслить, литературные кондотьеры подъ угрозою отлученія заставляютъ читателей видѣть то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. И тѣ, по силѣ смиреннаго и всесторонняго невѣжества,—*видятъ*. Эта одна изъ многочисленныхъ формъ умственнаго упадка нашей лѣнивой и праздной, но деспотической въ своемъ безграмотствѣ интеллигенціи.

Но эти полемическіе и публицистическіе фокусы безнаказанно могли сходить съ рукъ только тогда, когда Герценъ былъ подъ спудомъ. Теперь, чтобы, съ прежнею увѣренностью продолжать эту нечистую игру и врать, нужно особое своеобразное мужество. Мы приводили подлинныя слова Герцена, чтобы никакихъ недоразумѣній не было. Если въ томъ, что вышло въ свѣтъ за послѣднее время въ русскомъ изданіи Герцена, или въ томъ, что было исключено цензурою, Герценъ высказывалъ не эти, а другія, противоположныя мысли, пусть ихъ дословно приведутъ поклонники измышленнаго Герцена и только тогда будетъ возможенъ споръ по документамъ, а не по сомнительнымъ тенденціямъ партійной изворотливости. Но такихъ словъ

Герцена они никогда не приведутъ, потому что такихъ словъ нѣтъ. Кромѣ того, рѣшающимъ и послѣднимъ доказательствомъ въ этомъ спорѣ является то, что сущность подлинной „идеологіи" Герцена заключается именно въ этихъ выводахъ, что безъ нихъ Герценъ и не былъ-бы Герценомъ, что именно въ нихъ всѣ его права на самобытность и оригинальность, что безъ нихъ онъ безслѣдно потонулъ бы въ безличномъ стадѣ многоименныхъ, но всѣхъ на одно лицо русскихъ западниковъ.

Стройность и гармоничность воззрѣній Герцена съ логическою необходимостью требуетъ именно этихъ выводовъ, а не какихъ-либо другихъ, потому что только они соотвѣтствуютъ его посылкамъ.

Убѣдиться въ этомъ—нетрудно.

III.

Нищета современной идеологіи.

Почтальоны, которые перестали носить письма, кондуктора и смазчики, которые остановили желѣзнодорожное движеніе, вооруженный и чуть не до-гола обнаженный пролетаріатъ, адвокаты изъ судовъ и фармацевты изъ аптекъ, „сознательные" борцы за свободу изъ матросовъ и слезоточивые трусы изъ офицеровъ, даже члены союза союзовъ, даже члены державной и правящей рабочей организаціи,—знаютъ-ли они, за что они подняли красное знамя, за что они проливаютъ кровь,—чужую, конечно,—чѣмъ они могли-бы оправдать свой произволъ и свое насиліе?

Быть можетъ, они слышали уличные и площадные девизы и усвоили ихъ звуковой обликъ, не зная ихъ содержанія. Быть можетъ, они слышали прихотливыя сказки о рѣкахъ молочныхъ и берегахъ кисельныхъ, которыхъ такъ много въ книжкахъ и которыхъ никогда не было въ дѣйствительности, нѣтъ теперь и не будетъ никогда. Быть можетъ, ихъ соблазняетъ уличная кутерьма и убогая роскошь процессій съ красными знаменами.

Людямъ, дѣйствительно обездоленнымъ, достаточно самаго ничтожнаго повода, чтобы глупо и грозно производить безтолковое движеніе,

если имъ будто-бы „ученые“ люди обѣщаютъ журавля въ небѣ. Они легкомысленны и легковѣрны, потому что опытъ исторіи имъ совершенно неизвѣстенъ, а сулятъ имъ золотой вѣкъ „господа“, которыхъ теперь въ участокъ не тащатъ. Если рабочій, не перевирая иностранныхъ названій, связно скажетъ два членораздѣльныхъ слова,—и то изъ книжки, или съ чужого голоса,—вся передовая пресса приходитъ въ умиленіе отъ его непомѣрной идейности. Вѣдь и пресса наша въ своей идейности и убѣжденности недалеко ушла отъ полуграмотнаго рабочаго.

Нѣтъ нужды давать себѣ отчетъ въ теоретическихъ основаніяхъ движенія и многочисленному классу такъ называемыхъ агитаторовъ и пропагандистовъ. Они бунтуютъ народъ. Въ этомъ вся ихъ цѣль и вся ихъ философія. Они торгуютъ въ розницу и въ разносъ тѣмъ товаромъ, который имъ сбываютъ въ радикальныхъ газетахъ и въ передовыхъ ежемѣсячникахъ.

Какой-же товаръ они получаютъ у этихъ оптовиковъ? Самый гнилой и самый залежалый. На почвѣ нелѣпой теоріи о фатальномъ прогрессѣ и стихійной общественной эволюціи имъ даютъ соблазнительный и произвольный выводъ, будто-бы законы историческаго развитія для всѣхъ народовъ одинаковы, и толкуютъ этотъ выводъ съ самымъ мальчишескимъ легкомысліемъ. На западѣ была конституція, значитъ и у насъ должна быть конституція. Революція была, подавай ее и намъ. Тамъ забастовки, и у насъ забастовки. И все это безъ пониманія дѣла, на авось, съ дикимъ разгуломъ и свирѣпой непреклонностью.

Прогрессъ—знаетъ, куда вести. Онъ ведетъ все впередъ. И самое простое соображеніе никому не приходитъ въ голову. „Идя безъ оглядки впередъ,—говорилъ Герценъ,—можно затесаться, какъ Наполеонъ, въ Москву и погибнуть, отступая отъ нея, не доходя даже до Березины“ (V, 446). Наши Наполеоны не имѣютъ маршрута и географической карты, идутъ впередъ, но не знаютъ, куда и зачѣмъ, въ надеждѣ, что прогрессъ, какъ и всякая кривая, вывезетъ.

Они не знаютъ ни прошедшаго, ни настоящаго, но они удивительно знаютъ будущее, потому что все будетъ точно такъ, какъ было на западѣ. Другихъ доказательствъ нѣтъ и быть не можетъ. Въ этомъ всѣ вѣрованія и убѣжденія нашей интеллигенціи. Кромѣ этого

ничтожнаго и нищенскаго софизма, у нея ничего за душою нѣтъ. И когда кровь перестанетъ литься, когда первобытная одичалость животныхъ страстей уляжется, когда люди поймутъ преступность и омерзительность своего безсмысленнаго движенія и спросятъ у своихъ вожаковъ, во имя чего ихъ завели въ грязное и кровавое болото,—какой отвѣтъ дадутъ тупые властители смутныхъ думъ? Скажутъ-ли они имъ, что это была только схоластическая полемика, защита академической диссертаціи, идейный экспериментъ за счетъ револьвернаго мяса?.. А на самомъ дѣлѣ, это вѣдь такъ. Революція, прежде чѣмъ выйти на улицу, жила въ идейномъ мозговомъ туманѣ доктринеровъ и мечтателей, которымъ страстно хотѣлось, чтобы всѣ люди и народы были лицо въ лицо и шаблонъ въ шаблонъ.

Настоящій терроръ льетъ настоящую живую кровь: меньшинство путемъ кровавой бойни навязываетъ свою волю большинству. Но это меньшинство мыслью, творчествомъ и опытомъ—мертво, книжно и невѣжественно. Его убило убожество его идеологіи. Пока люди далекихъ идеаловъ, непризнанные возстановители правъ разума въ пестрой сказкѣ исторіи, не перестанутъ мѣшать другимъ людямъ жить по своему уму и по своей совѣсти, революція не кончится, потому что въ тиранической свободѣ меньшинства жить нельзя. Нынѣшняя революція, всегда книжная и отвлеченная, начинается съ того момента, когда педанты и рутинеры начинаютъ утверждать, что люди и народы всегда и во всемъ похожи другъ на друга, что исторія постоянно и во всемъ повторяется, что неудержимая эволюція творила чудеса, мѣняя людей во мгновеніе ока въ какую-то совершенно новую породу двуногихъ. А такъ какъ новой породы не является, то подъ ея флагомъ показываютъ на балаганныхъ подмосткахъ нравственные и умственные отбросы здороваго человѣческаго общества.

IV.

Идейный спортъ.

Герценъ не только былъ-бы, какъ онъ и былъ, но и остался-бы, чего къ счастью не случилось, западникомъ, если бы онъ усвоилъ себѣ эту форму теоретическаго помѣшательства. Но онъ былъ слиш-

комъ трезвъ и здоровъ, чтобы опьянѣть на этой безпутной вакханаліи.

„Путь человѣчества неизвѣстенъ",—писалъ онъ въ январѣ 1843 г., писалъ въ „Дневникѣ", т. е. въ ту пору, когда такъ легко отдавался всѣмъ теоріямъ и гипотезамъ, когда весь отъ головы и до пятъ былъ западникомъ. Но эта мысль засѣла глубоко въ его мозгу и осталась тамъ до его смерти.

„Пути исторіи, пути природы отъ того такъ и кажутся намъ неисповѣдимы, что они прокладываются безъ плана, ломаютъ безъ жалости и пользуются всѣмъ по дорогѣ, какъ настоящіе мародеры". (VI, 311).

„Пути развитія очень туги и непросты въ природѣ, въ исторіи: они употребляютъ страшное количество силъ и формъ. Намъ это мало видно, потому что мы всегда находимся лицомъ къ лицу съ результатомъ, съ выработавшимся, съ успѣхомъ. Ряды неудачныхъ формъ были вызваны по дорогѣ, жили не вполнѣ (по сравненію съ послѣдующими) и замѣнялись другими, намъ неизвѣстными. Они не были пожертвованы, потому что они жили для себя, но, отживши, передали свое наслѣдіе не дѣтямъ, а чужимъ. Мамонты и ихтіозавры—слонамъ и крокодиламъ, Египетъ и Индія—Греціи и Риму. Весьма можетъ быть, что вся творческая способность западныхъ народовъ истратилась, истощилась, создавая свой общественный идеалъ, свою науку,—стремясь къ нимъ и осуществляя отдѣльныя, одностороннія фазы ихъ со всею страстностью и увлеченіемъ борьбы, въ которой оттого людямъ такъ легко умирать, что они на всякомъ шагу думаютъ достигнуть *полнаго* идеала своего" (V, 332).

Это легкомысленная ошибка всѣхъ мечтательныхъ оптимистовъ. На нашихъ глазахъ начиналось столько новыхъ эръ и эпохъ, что міръ будто бы за это время вертѣлся волчкомъ и торопился тащить катаклизмами и катастрофами вѣчно юныхъ педантовъ и доктринеровъ. Плохъ тотъ журналистъ, который на своемъ вѣку не отмѣтилъ дюжины новыхъ эпохъ. Все течетъ, все льется, все мѣняется, всюду новыя формы и новыя породы. Это, конечно, характерный признакъ самоувѣреннаго невѣжества. Все ново для того, кто не знаетъ стараго. Для людей этого типа старое такъ-же неинтересно и безразлично, какъ и настоящее. Они всѣ въ будущемъ, потому что мечтать и грезить гораздо легче, чѣмъ познавать и изучать. Таково постоянное свойство лѣниваго мышленія.

Если мышленіе на протяженіи вѣка обнаружило такую легковѣсность и поверхностность, необходимо допустить, что оно надолго останется такимъ-же и долго не измѣнитъ своей старой привычкѣ. Нужны новыя породы людей неистощенныхъ и свѣжихъ, которые могли-бы перестроить всю систему познанія и мышленія. Кровь нашихъ интеллигентныхъ поколѣній такъ испорчена и истощена, что отъ нихъ, не обнаружившихъ творческой способности на протяженіи вѣка, смѣшно было бы ждать личнаго опыта и личной наблюдательности. Съ наслѣдственною привычкою жить чужимъ умомъ, они не носятъ въ себѣ и не передадутъ потомству умѣнья пользоваться своей головой для надобностей личной и общественной жизни. Ихъ мозгъ парализованъ идейнымъ рабствомъ и только это рабство они могутъ передать потомству, какъ свое наслѣдство. Поэтому они не могутъ и не должны дѣлать никакого живаго дѣла и жизнь такъ или иначе устранитъ ихъ съ общественной арены, такъ какъ они здѣсь не только безполезны, но по легковѣрію и легкомыслію прямо вредны.

Не здоровой молодостью, но безсильной, апатичной и застывшей въ узкомъ эгоизмѣ старостью вѣетъ отъ этой закостенѣлой идеологіи. Всѣ пути испробованы и изжиты. Новаго въ мірѣ нѣтъ ничего и никогда не будетъ. Шаблоны исторіи будутъ повторяться изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ. Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, какъ говорилъ ветхозавѣтный когелетъ.

Кто сталъ на эту дорогу, тотъ дряхлъ и немощенъ духомъ, какъ старецъ на краю могилы, хотя бы по годамъ и здоровью это былъ цвѣтущій юноша. Онъ уже несетъ смерть въ себѣ и для жизни не нуженъ. Его дѣло кончено. Онъ не повѣритъ и жизни, когда она развернетъ передъ нимъ пеструю и равнообразную картину своихъ типовъ, своихъ видовъ, своихъ явленій. Онъ наскоро наклеитъ старый ярлыкъ на новое явленіе, хотя бы онъ къ этому явленію совсѣмъ не подходилъ, и пройдетъ мимо. Только самое общее, самое формальное, т. е. безжизненное и безсодержательное въ жизни ему по книжкѣ чуть-чуть знакомо.

Его бѣда въ томъ, что ничто другое его и не интересуетъ. Онъ близорукъ, его кругозоръ тѣсенъ, онъ старецъ, покончившій счеты съ

жизнью и равнодушный по ея кипучей энергіи. Ему кажется, что онъ все знаетъ, когда знаетъ два десятка отвлеченныхъ терминовъ, чтобы ими, какъ пентаграммой, оградить себя отъ живыхъ впечатлѣній и прожить всю жизнь въ душной кельѣ отшельника-мечтателя.

Ему кажется, что его не понимаютъ. Но это только потому, что онъ никого и ничего не понимаетъ. Въ минуты идейнаго изступленія онъ выходитъ на площадь съ бомбой и револьверомъ, чтобы отрицать и разрушать,—прямолинейный и ограниченный, какъ схоластикъ. И какъ-же онъ сердится, когда ни бомба, ни револьверъ ни къ какимъ результатамъ не приводятъ! Кромѣ насилія, у него никакихъ средствъ нѣтъ,—кромѣ идейнаго произвола, нѣтъ никакихъ побужденій. Онъ разрушаетъ, потому что ненавидитъ жизнь и людей,—ненавидитъ за то, что они не подходятъ къ его педантической мѣркѣ. Онъ не ищетъ, потому что онъ все нашелъ.

У него нѣтъ пытливости, потому что онъ, какъ ему кажется, уже владѣетъ всевѣдѣніемъ. У него нѣтъ снисходительности и прощенія, потому что онъ не видитъ и не хочетъ видѣть живыхъ людей, а живетъ въ мірѣ грезъ и фантазій.

Поколѣніе современныхъ революціонеровъ воспитано на книжкахъ и доктринѣ. Теперь въ ихъ безсознательной и безсмысленной дѣятельности мы видимъ всѣ характерные признаки ихъ воспитанія и ихъ дикой идеологіи. Никто не имѣетъ права жить по своему. Всѣ должны жить по произвольной и случайной доктринѣ. Смерть тому, кто захочетъ строить свою жизнь по своему уму. Легкомысленная проповѣдь историческаго монизма, т. е. того, что законы историческаго развитія для всѣхъ народовъ одинаковы, уже таила въ себѣ сѣмена идейной, т. е. самой безсмысленной и нелѣпой революціи, предсказывала револьверы и бомбы, кровь и подлую забастовку.

Результаты революціоннаго эксперимента можно предвидѣть заранѣе. Педанты и доктринеры ошибались, потому что знали свои теоріи и не знали жизни. Новый строй жизни не падаетъ съ неба. Люди останутся людьми и подъ легкими перемѣнами внѣшнихъ формъ сохранятъ основной типъ своей совѣсти и своей мысли. Силою вещей дикіе звѣри и хищники разойдутся по своимъ трущобамъ. Хулиганы не станутъ правителями и царями. Пролетаріи станутъ на свои мѣста, вынужденные всѣмъ строемъ общественной жизни отказаться отъ смѣшной мечтательности, отъ несбыточныхъ утопій. Подлые люди такъ и сохранятъ за собою Каиново клеймо подлости.

Никакой переоцѣнки цѣнностей не произойдетъ. Плохой рабочій такъ и останется плохимъ рабочимъ и за плохой трудъ не получитъ баснословно огромной заработной платы. Дураки не станутъ и не будутъ признаны мудрецами, хотя бы они пролили моря крови. Вожаки революціи съ жиру бѣсятся, а когда придется поголодать и поработать, начнутъ бранить правительство за то, что оно допустило ихъ до революціи. Вѣдь наши революціонеры безъ правительства жить не могутъ: надо-же имъ кого-нибудь обвинять, кому-нибудь дѣлать оппозицію. Русскій революціонеръ безъ правительства не мыслимъ и для него немыслимо объявить себя правительствомъ, потому что онъ неопытенъ, несвѣдущъ, не знаетъ и не понимаетъ дѣла и по привычкѣ долженъ будетъ агитировать противъ самаго себя.

Это идейный спортъ, „безпощадный и безсмысленный",—болѣе безпощадный и безсмысленный, чѣмъ пугачевскій бунтъ.

Надо дивиться тому, что умные и почтенные люди не видѣли, что школы и университеты, газеты и журналы идейной убѣжденности проповѣдывали и проповѣдуютъ постоянную и непрерывную революцію. Единство законовъ историческаго развитія всѣхъ народовъ предполагаетъ уже кровавую и безконечную борьбу съ русскимъ народомъ, потому что онъ дома устроился по своему. Для того, чтобы доказать эту теоретическую догадку, надо извести весь русскій народъ, начиная съ черной сотни, духовенства, донскихъ и другихъ казаковъ, лавочниковъ и торговцевъ, ломовыхъ и дворниковъ, мясниковъ и краснорядцевъ, Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, и кончая самыми низшими слоями „темнаго и невѣжественнаго народа". И никого эта перспектива не пугаетъ. Напротивъ, интеллигенція восторженно привѣтствуетъ эту программу. Проповѣдуя истребленіе русскаго народа, она и не думаетъ о возможности такого же рѣшенія со стороны населенія, обреченнаго ими на упраздненіе.

Слабый и больной умъ, отупѣвшій и малоподвижный отъ постоянной праздности, ищетъ короткихъ путей, слишкомъ общихъ формулъ и всю сложность исторіи хочетъ перевязать тонкой идейной ниточкой, чтобы носить ее, какъ казенный пакетъ, у себя подъ мышкой. Ему кажется, что дорога передъ нимъ пряма и ровна, безъ сучка и задо-

ринки и пройти ее можно даже въ нетрезвомъ видѣ или въ присядку.

V.

Остановка прогресса.

„При отсутствіи плана и срока, аршина и часовъ,—говорилъ Герценъ,—развитіе въ природѣ, въ исторіи не то, что *не можетъ* отклониться, но *должно* безпрестанно отклоняться, слѣдуя всякому вліянію и въ силу своей безпечной страдательности, происходящей отъ отсутствія опредѣленныхъ цѣлей. Въ отдѣльномъ организмѣ иногда отклоненіе даетъ себя знать болью и тутъ часто боль является слишкомъ позднимъ предостереженіемъ. Сложные, сводные организмы сбиваются съ своихъ діагоналей и уносятся по скатамъ, вовсе не замѣчая ни дороги, ни опасности, благодаря смѣнѣ поколѣній. Возможность остановить отклонившееся, удержать набѣжавшее или догнать его очень мала и мало желается; желаніе предполагало-бы всякій разъ сознаніе и цѣль“ (V, 364).

Именно такое отклоненіе мы и видимъ въ исторіи нашей интеллигенціи за послѣдній вѣкъ. Съ половины XIX в. русскіе передовые умы занялись переоцѣнкою цѣнностей, т. е. употребили всѣ усилія подлое представить честнымъ, злое добрымъ, глупое умнымъ. Это „отклоненіе“ завертывалось все круче, скользило внизъ по скату пропасти, а вожди человѣчества говорили, что это-то именно и есть прогрессъ, что каждый новый ущербъ въ скудномъ и безъ того запасѣ ума и совѣсти—огромный шагъ впередъ по пути эволюціи и теперь нестерпимая боль во всемъ общественномъ организмѣ является результатомъ разложенія мозга, отравленнаго винными и идейными парами, алкоголемъ и теоріей. Каждое паденіе внизъ торжественно провозглашается подъемомъ по лѣстницѣ эволюціи и всякое загниваніе—ростомъ то личности, то общества. Паденіе на дно считаютъ движеніемъ впередъ и выше и при общемъ идейномъ восторгѣ справляется тріумфъ крайней реакціи и самаго дремучаго обскурантизма.

Прогрессъ—это щитъ, за которымъ скрывается всякая бездарность и всякое нравственное уродство, хищническіе инстинкты черни и противоестественная порнографія сластолюбивыхъ мистиковъ, грубое невѣжество, прикрывающееся плащемъ мнимой науки, и безграничная алчность мародеровъ, расхищающихъ общее достояніе подъ флагомъ общаго блага.

Въ основѣ этого гнилаго и затхлаго мышленія лежитъ то глупое предположеніе, будто всѣ люди одинаковы, будто бы нѣтъ ни честныхъ, ни подлыхъ, ни умныхъ, ни глупыхъ,—нѣтъ устойчивости въ добрѣ и злѣ, устойчивости типовъ природы и исторіи. Все это „массы“, нули, созданіе стихійной эволюціи, которая съ ловкостью и быстротою шуллера, мѣняетъ формы физической и общественной жизни, мѣняетъ всю поверхность вселенной и каждую секунду творитъ баснословныя чудеса. По общему убѣжденію—стихійная общественная эволюція проворнѣе блохи, быстрѣе и поворотливѣе юлы, перемѣнчивѣе Протея. Она чуть не каждый день создаетъ эры и полагаетъ новыя условія бытія и мышленія.

А исторія движется медленно и природа никуда не торопится.

„Тамъ, гдѣ видъ сложился, *исторія* почти прекращается,—по крайней мѣрѣ, становится скромнѣе, развивается исподволь—въ томъ родѣ, какъ и планета наша. Дозрѣвши до извѣстнаго періода охлажденія, она мѣняетъ свою кору понемногу: есть наводненія, нѣтъ всемірныхъ потоповъ, есть землетрясенія тамъ сямъ, нѣтъ всеобщаго переворота... Виды останавливаются, консолидируется на разныхъ возможностяхъ,—больше или меньше, въ ту или другую сторону, односторонних. Они ихъ удовлетворяютъ, перешагнуть ихъ они почти не могутъ, а если-бъ перешагнули, то въ смыслѣ той-же односторонности. Моллюскъ не домогается сдѣлаться ракомъ, ракъ—форелью, Голландія—Швеціей... Если-бъ можно было предположить животные идеалы, то идеалъ рака былъ бы тоже ракъ, но съ болѣе совершеннымъ организмомъ. Чѣмъ ближе страна къ своему окончательному состоянію, тѣмъ больше она считаетъ себя средоточіемъ просвѣщенія и всѣхъ совершенствъ, какъ Китай, стоящій безъ соперниковъ, какъ Англія и Франція, не сомнѣвающіяся въ своемъ антагонизмѣ, въ своемъ соревнованіи, въ своей взаимной ненависти, что онѣ передовыя страны міра. Пока одни успокаиваются на достигнутомъ, развитіе совершается въ несложившихся видахъ возлѣ, около *готоваго*, совершившаго свой циклъ вида“. (V, 372).

Можно подумать, что это говоритъ не Герценъ, а Н. Я. Данилевскій. Такъ близка ихъ мысль даже по внѣшней формѣ. Очевидно, что наслѣдственный и преемственный прогрессъ самыхъ различныхъ народовъ по одной линіи,—этотъ чудовищный угорь зарапортововавшейся софистики,—не придушилъ живой и свѣжей мысли Герцена и не сдѣлалъ его жалкимъ рабомъ стихійности, т. е. безсознательности и безотвѣтственности.

VI.

Идейная лесть толпѣ.

Забавенъ и поучителенъ тотъ поводъ, который побудилъ Герцена высказать эти азбучныя и простыя истины объ устойчивости типовъ исторіи и природы,—истины, убѣдительныя и доступныя даже для дѣтскаго пониманія, но давно забытыя передовыми умами.

Къ нему зашелъ одинъ изъ тогдашнихъ Милюковыхъ и обрушился на него всею тяжестью идейной декламаціи.

— Вы съ большою чуткостью,—говорилъ онъ,—производите діагнозу современнаго человѣка, да только, разобравши всѣ признаки хронической болѣзни, вы говорите, что все это произошло отъ того, что паціенты—французъ или нѣмецъ. А тѣ, дома у насъ и въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что у нихъ-то и молодость, и будущность. Все, что намъ дорого въ преданіи, въ цивилизаціи, въ исторіи западныхъ народовъ, вы вырѣзываете безъ оглядокъ, безъ жалости, выставляя наружу страшныя язвы. И тутъ вы въ вашей прозекторской роли. Но валандаться вѣчно съ трупами вамъ надоѣло. И вотъ вы, отрекшись отъ всѣхъ идеаловъ въ мірѣ, сотворяете себѣ новый кумиръ,—не золотого тельца, а бараній тулупъ—да и давай ему поклоняться и славословить его: „абсолютный тулупъ, тулупъ будущности, тулупъ общинный, соціальный"! Вы, который сдѣлали себѣ изъ скептицизма должность и занятіе, ждете отъ народа, ничего не сдѣлавшаго, всякую благодать, новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ,—и въ ультра-фанатическомъ экстазѣ затыкаете уши, зажимаете глаза, чтобы не видать, что вашъ богъ въ грубомъ безобразіи не уступаетъ любому японскому кумиру, у котораго животъ въ три яруса, носъ расплюснутъ до скулъ и усы сардинскаго короля. Вамъ, что ни говори, какіе ни приводи факты, вы „въ восторгѣ нѣкомъ пламенномъ" толкуете о весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ, о много обѣщающихъ радугахъ, всходахъ! Чему-же дивиться, что наша молодежь, упившись вашей неперебродившей соціально-славянофильской брагой, бродитъ потомъ, отуманенная и хмѣльная, пока себѣ сломитъ шею или разобьетъ носъ объ *дѣйствительную* дѣйствительность нашу. Разумѣется, что ихъ, какъ васъ, протрезвить трудно: исторія, филологія, статистика, неотразимые факты вамъ обоимъ ни по чемъ.

— Позвольте, однако и я въ свою очередь скажу: надобно знать мѣру. Какіе же это *несомнѣнные* факты?

— Бездна.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, фактъ, что мы, русскіе, принадлежимъ и по языку, и по породѣ къ европейской семьѣ, genus europeum, и слѣдовательно, *по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи должны идти по той-же дорогѣ*. Я не слыхалъ еще объ уткѣ, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами...

— Представьте себѣ, что и я не слыхалъ"... (V, 401).

„Я ненавижу, особенно послѣ бѣдъ 1848 г.,—говорилъ Герценъ въ другомъ мѣстѣ,—демагогическую лесть толпѣ. Но аристократическую клевету на народъ ненавижу еще больше". (II, 24—25).

Нашимъ Милюковымъ никакъ не уйти съ честью изъ этого Кавдинскаго ущелья. Въ мирное время они не находятъ достаточно оскорбительныхъ словъ для „темнаго и невѣжественнаго" народа, во имя своей мнимой культурности всячески бранятъ и поносятъ его. Въ немирное время они ползаютъ передъ нимъ на брюхѣ и „вооруженный народъ" становится ихъ фетишемъ, ихъ послѣднею надеждою, самымъ грознымъ и величавымъ изъ ихъ девизовъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, и въ томъ и другомъ случаѣ донъ-Кихоты научности и революціи въ обоихъ случаяхъ имѣютъ дѣло съ вѣтряными мельницами и въ имени народа воплощаютъ свои домотканныя бредни.

„Ученый другъ мой,—говоритъ Герценъ про своего софиста-собесѣдника,—приходившій возмущать покой моей берлоги, принимаетъ за *несомнѣнный фактъ*, за *несомнѣнный физіологическій законъ*, что, если *русскіе* принадлежатъ къ европейской семьѣ, имъ

предстоитъ таже дорога и тоже развитіе, которое совершено романо-германскими народами. Но въ сводѣ физіологическихъ законовъ такого § не имѣется“ (V, 402).

Такъ изъ мечтательнаго невѣжества создается современная научность! Свои случайныя мечты разные Милюковы выдаютъ за послѣднее слово науки и „мыслящая Россія“, съ наукою незнакомая, вѣритъ имъ на слово.

VII.

Отвѣтственность въ исторіи.

Клиническая картина современнаго мышленія дополняется мечтательнымъ суевѣріемъ о всемогуществѣ стихійнаго общественнаго процесса и о полномъ безсиліи личности. Можетъ быть, именно изъ этого потаеннаго сознанія о ничтожествѣ личности, выброшенной изъ жизни и плавающей въ идейномъ эѳирѣ „безъ руля и безъ вѣтрилъ“, и вызванъ этотъ видъ холопскаго идолопоклонства. Обособленная личность не знаетъ, что надо дѣлать и куда идти, поэтому не сознаетъ отвѣтственности за свою прихотливую блажь, чувствуетъ себя „самодержавной“ для всякой порочности и всякаго преступленія и поэтому въ общественной жизни требуетъ для себя амнистіи, возлагая отвѣтственность за себя на среду, ходъ событій и эволюцію. Если судить по идеологіи, люди еще никогда не были такъ ничтожны, такъ плутоваты и трусливы, такъ лѣнивы и лукавы, какъ въ наши дни.

„Чѣмъ кончилось польское возстаніе, невозможное по несоразмѣрности силъ?

„Каково теперь на совѣсти тѣхъ, которые подталкивали поляковъ?

„На это говорятъ наши противники съ какимъ-то философскимъ фатализмомъ:

„Избраніе путей исторіи не въ личной власти; не событія зависятъ отъ лицъ, а лица отъ событій. Мы только мнимо заправляемъ движеніемъ, но въ сущности плывемъ, куда волна несетъ, не зная, до чего доплывемъ“.

„Пути вовсе не неизмѣнимы. Напротивъ, они-то и измѣняются съ обстоятельствами, съ пониманіемъ, съ личной энергіей. Личность создается средой и событіями, но и событія осуществляются личностями и носятъ на себѣ ихъ печать: тутъ взаимодѣйствіе. Быть страдательнымъ орудіемъ какихъ-то независимыхъ отъ насъ силъ намъ не по росту. Чтобы стать слѣпымъ орудіемъ судебъ, бичомъ, палачомъ божіимъ, надобно наивную вѣру, простоту невѣдѣнія, дикій фанатизмъ и своего рода младенчество мысли. Честно мы не можемъ брать на себя ни роль Аттилы, ни даже роль Антона Петрова. Принимая ихъ, мы должны будемъ обманывать другихъ или самихъ себя. За эту ложь намъ придется отвѣчать передъ своею совѣстью и передъ судомъ близкихъ намъ по духу“. (V, 449—450).

Аттила не боялся отвѣтственности за свои разбойничьи подвиги. Онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы ставить себя выше всякой отвѣтственности. Но Аттилы нашихъ дней — жалкіе трусы. Чтобы не подвергнуться отвѣтственности, они кричатъ, будто бы пакостятъ и безчинствуютъ для блага человѣчества. Если возьметъ верхъ противная партія, они не будутъ каяться даже въ теоретической ошибкѣ: въ жизни и въ исторіи *все* стихійно, т. е. *все* глупо и при универсальной глупости личностей никто за свою собственную глупость не отвѣтчикъ. Тамъ, гдѣ за все отвѣтственность несутъ на себѣ среда и эволюція, нѣтъ цѣлей въ жизни, нѣтъ смысла въ дѣятельности, нѣтъ совѣсти въ сердцѣ, нѣтъ ума въ засохшемъ мозгу.

VIII.

Разбитыя надежды.

Это мертвое механическое мышленіе, эта истощенность анемичнаго мозга, эта ограниченность пониманія—могутъ и должны возбуждать самыя тревожныя опасенія для будущаго. Всѣ передовые умы полны мечтами о счастьи, но все счастье у нихъ сводится только къ сытости. Дальше ихъ фантазія не идетъ. Въ грезахъ объ этомъ „золотомъ вѣкѣ“ интеллигенція живетъ отъ колыбели до могилы.

„Часть образованнаго міра страждетъ стародѣвическою тоской— о счастьи, которое она не утратила, а вовсе не имѣла. И вмѣсто того, чтобы твердо рѣшиться на вдовство безъ замужества, хнычетъ о

томъ, что *идеалъ* молодыхъ лѣтъ не похитилъ, не увезъ ее... Что дѣлать? Не увезъ,—а теперь поздно...

„Люди досадуютъ за то, что у нихъ нѣтъ крыльевъ, и отъ этого не заботятся объ обуви. Тягость европейской жизни въ наиболѣе развитыхъ слояхъ въ прямой зависимости отъ ея ложнаго положенія между несбыточными мечтами и пренебреженіемъ того, что есть" (V, 391).

„Мудрено-ли послѣ этого, что мы не умѣемъ уладить ни внутренняго, ни внѣшняго быта, лишнее требуемъ, лишнее жертвуемъ, пренебрегаемъ возможнымъ и негодуемъ на то, что невозможное нами пренебрегаетъ: возмущаемся противъ естественныхъ формъ жизни и покоряемся произвольному вздору". (V, 177).

Жизнь, которую передовые умы называютъ жизнью, только призрачное существованіе, невеселый монотонный досугъ людей сытыхъ и праздныхъ, платоническій порывъ импотентовъ. А реальная жизнь—внѣ круга ихъ наблюденія, внѣ ихъ контроля, внѣ ихъ вліянія. Они, какъ имъ кажется, ушли слишкомъ высоко, такъ высоко, что дальше и дороги нѣтъ.

„Фанатическія вѣрованія въ осуществимость гармоническаго порядка, общаго блаженства, въ осуществимость истины, *потому что она истина*, это отрѣшеніе отъ всего частнаго, личнаго, эта преданность, переживающая всѣ испытанія, всѣ удары,—это-то и есть *вершина*. Гора окончена. Выше, дальше—холодный воздухъ, мгла, ничего. Опять спускаться? Отчего нельзя продолжать? Отчего Монбланъ не стоитъ на Чимборазо и Гималай не продолжаетъ ихъ? Какова бы была гора"? (V, 369—370).

Какъ бы ни была высока эта гора, но на ней тѣсно и холодно. Съ нея надо спускаться: ни климатъ, ни флора, ни фауна не соотвѣтствуютъ организму жителя долинъ. Эта гора—только мгновеніе, только случайный подъемъ. Ночевать на ней нельзя. *Надо* спускаться и, спускаясь, крѣпко подумать, истина-ли то, что считалось за истину и разумъ-ли то, что привело насъ къ этой туманной и никому не нужной истинѣ. При свѣтѣ этого вопроса горный туманъ пропадаетъ. Горы—для туриста, а не для поля или пастбища.

„Тому, кто прозрѣлъ эту европейскую Майю, которая гораздо прозрачнѣе и безтѣлеснѣе великой Майи индусовъ, скучно и сиротливо живется на свѣтѣ. Безсиліе того, что привыкли называть умомъ, наукой, прогрессомъ, цивилизаціей, искусственность и вымученность модной идейной декламаціи, нелѣпость риторическаго паѳоса, дешевая гниль напускнаго негодованія, дѣтская наивность глупаго восторга, шаблоны проклятій и благословеній—весь пестрый маскарадъ идейнаго балагана—передъ строгимъ испытующимъ взоромъ обнажаетъ все свое духовное ничтожество, свою рыночную продажность, свое уличное фокусничество.

„Мнѣ-же особенно посчастливилось,—говоритъ Герценъ.—Мѣсто въ анатомическомъ театрѣ досталось славное и возлѣ самой клиники. Не стоило смотрѣть въ атласъ, ходить на лекціи парламентской терапіи и метафизической патологіи: болѣзнь, смерть и разложеніе совершались передъ глазами".

„Десять лѣтъ!

„Былъ досугъ всмотрѣться въ эту жизнь,—въ то, что дѣлалось вокругъ. Но мое мнѣніе не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ сорокъ восьмомъ году я осмѣлился, еще съ нѣкоторымъ ужасомъ, разобрать на лбу этихъ людей цицероновское vixerunt!

„Съ каждымъ днемъ я бьюсь болѣе и болѣе объ непониманіе этихъ людей, объ ихъ равнодушіе ко всѣмъ интересамъ, ко всѣмъ истинамъ, объ легкомысленную вѣтряность ихъ стараго ума, объ невозможность растолковать имъ, что рутина не есть безапеляціонный критеріумъ, и привычка—не доказательство. Иногда я пріостанавливаюсь. Мнѣ кажется, что лучшее время пришло. Я стараюсь быть непослѣдовательнымъ: мнѣ кажется, напримѣръ, будто стѣсненное слово во Франціи выростаетъ въ мысль... Я жду, надѣюсь... Бываетъ-же иногда и исключеніе! Будто что-то брезжитъ... Нѣтъ, ничего!" (V, 366).

IX.

Вѣра въ Россію.

Но въ этой безпроглядной ночи вдругъ загорѣлся новый свѣтъ, совсѣмъ неожиданный и даже невидимый для каждаго настоящаго западника. Lux ex oriente! Въ безрадостномъ и безутѣшномъ пессимизмѣ, къ которому привелъ Герцена трезвый и строгій анализъ холодной

интеллигенціи съ ея мечтами и теоріями, пробилась брешь. Въ сознаніе вмѣсто книжной пыли проникла живая, непочатая сила съ инымъ кругомъ понятій, съ иною совѣстью, съ другимъ складомъ жизни. Нашлось что-то такое, что спасло Герцена, какъ отъ барскаго эпикуреизма, такъ и отъ идейнаго омертвѣнія мозга.

Была минута, когда ему было очень тяжело, когда онъ боялся за свою послѣднюю крѣпкую вѣру.

„Гдѣ революція? Гдѣ Грановскій?... Осталась еще вѣра въ Россію. Неужели и отъ нея придется отвыкать?" (II, 394).

Но эта вѣра не измѣнила Герцену. Отъ нея отвыкать не пришлось.

„Начавши съ крика радости при переѣздѣ черезъ границу, я окончилъ моимъ духовнымъ возвращеніемъ на родину.

„Вѣра въ Россію спасла меня на краю нравственной гибели". (V, 2).

Какъ же родина могла сдѣлать то, чего не могли сдѣлать чужіе края?

„Условія, свойства русской жизни, русскаго бытія—иныя, оригинальныя, *свои*. Этого ни признать, ни изслѣдовать никто ни хочетъ. Особенность-же его ставится ему въ преступленіе на томъ основаніи, на которомъ французъ не можетъ простить англичанину, что онъ обѣдаетъ безъ салфетки, а англичанинъ французу, что онъ носитъ бороду. Западная цивилизація срѣзывается на своемъ первомъ слѣдственномъ допросѣ своей собственной нетерпимостью и остается при одномъ негодованіи". (VI, 221).

„Пусть узнаютъ европейцы своего сосѣда. Они его только боятся Надо имъ знать, чего они боятся.

„До сихъ поръ мы были непростительно скромны и, сознавая свое тяжкое положеніе безправія, забывали все хорошее, полное надежды и развитія, что представляетъ наша народная жизнь. Мы дождались нѣмца для того, чтобы рекомендоваться Европѣ. Не стыдно-ли?

„Успѣю-ли я что сдѣлать?.. Не знаю,—надѣюсь". (V, 173).

Нѣмецъ, рекомендовавшій насъ Европѣ, это, конечно, Гакстгаузенъ.

„Народъ русскій, широко раскинувшійся *между* Европой и Азіей, принадлежащій какимъ-то двоюроднымъ братомъ къ общей семьѣ народовъ европейскихъ,—не принималъ почти никакого участія въ семейной хроникѣ запада. Сложившійся туго и поздно, онъ долженъ внести или свою неспособность къ развитію или развить что-нибудь свое подъ вліяніемъ былаго и заимствованнаго, сосѣдняго примѣра и угла отраженія". (V, 403).

„Русскій народъ, милостивый государь, живъ, здоровъ и даже не старъ: напротивъ того, очень молодъ,—писалъ Герценъ И. Мишле („Русскій народъ и соціализмъ").—Умираютъ люди и въ молодости. Это бываетъ. Но это ненормально". (V, 263).

И это совсѣмъ неожиданно? Въ прославленномъ западникѣ вы не предполагали чистокровнаго славянофила? Въ его посылкахъ вы не замѣчали необходимыхъ выводовъ? Вамъ трудно связать начала съ концами? Отъ васъ ускользнули промежуточныя звенья въ стальной цѣпи логическихъ заключеній? Вы еще не вѣрите глазамъ и хотите провѣрить послѣднія станціи пройденной дороги?

Что-же? Можно будетъ сдѣлать и это для школьной наглядности, для тѣхъ умовъ, которые ощупью бродятъ по дорогѣ выводовъ.

X.

Повторять-ли Европу?

Что-же скрывало и скрываетъ отъ запада и западниковъ важный и огромный фактъ яркой самобытности русскаго народа?

„Это одна изъ старческихъ ошибокъ западныхъ народовъ. Они думаютъ, что имѣютъ монополь историческаго бытія и единоспасающую форму образованія. Все самобытное и независимое кажется имъ варварскимъ и крамольнымъ. Все новое обижаетъ ихъ, какъ нелѣпость. Къ тому же они до такой степени привыкли думать и разсуждать по своимъ шаблонамъ, что они не понимаютъ ничего, не подходящаго подъ нихъ. Въ той *неспособности* славянъ, въ которой нѣмцы видятъ низшую, недоразвившуюся *до нихъ* натуру, мы видимъ залогъ *нашего будущаго развитія*"! (VI, 240).

А это главный козырь въ азартной игрѣ интеллигенціи. Внѣ Европы нѣтъ общественной жизни, нѣтъ разума, нѣтъ совѣсти. Творчество – истощено до тла. Единственная задача человѣчества—тащиться по кровавымъ слѣдамъ хищнаго запада и подражать ему во всемъ.

Но это сонъ идейнаго невѣжества. Когда факты дадутъ себя знать и теоріи упадутъ, ненависть и месть народа дадутъ понять интеллигенціи, что она ошиблась, что она спала, выпустивъ изъ рукъ компасъ разума и совѣсти.

„Какъ бы то ни было, но теперь вопросъ собственно вотъ въ чемъ: имѣя западную фасаду и формы безъ лучшей стороны содержанія, что намъ придется,—разбить-ли чужія формы или усвоить чужое содержаніе?

„То, что въ Европѣ есть общечеловѣческое,—т. е. наука и больше ничего,—само собою принадлежитъ всѣмъ, какъ воздухъ принадлежитъ каждому, имѣющему легкія. Стало быть, рѣчь не о наукѣ, а о томъ, могутъ-ли другіе результаты западнаго развитія усвоиться нами, не мѣшая нашему собственному росту или мы разовьемъ какіе-либо иные историческіе элементы“? (VI, 318).

„Серьезный вопросъ не въ томъ, которое состояніе лучше и выше,—европейское, уравновѣшенное, правильное, или наше хаотическое, гдѣ только однѣ рамы какъ-то сколочены, а содержаніе вяло бродитъ или дремлетъ въ какомъ-то допотопномъ растворѣ, въ которомъ едва сдѣлано различіе свѣта и тьмы, добра и зла. Тутъ не можетъ быть двухъ рѣшеній.

„Остановиться на этомъ хаосѣ мы не можемъ. Это тоже ясно. Но для того, чтобы *сознательно* выйти изъ него, намъ предстоитъ другой вопросъ для разрѣшенія: есть-ли путь европейскаго развитія единый возможный, необходимый, такъ что каждому народу, гдѣ-бы онъ ни жилъ, какіе-бы антецеденты ни имѣлъ, должно пройти имъ, какъ младенцу прорѣзываніемъ зубовъ, сростаніемъ черепныхъ костей и проч.? Или оно самобытный случай развитія, имѣющій въ себѣ общечеловѣческую канву, которая сложилась и образовалась подъ вліяніями частными, индивидуальными, вслѣдствіе извѣстныхъ событій, при извѣстныхъ элементахъ, при извѣстныхъ помѣхахъ и отклоненіяхъ? И въ такомъ случаѣ не странно-ли намъ повторять теперь всю длинную метаморфозу западной исторіи, *зная впередъ* le secret de la comédie, т. е. что со всѣмъ этимъ развитіемъ рано или поздно насъ такъ-же причалитъ къ той межѣ, передъ которой вся Европа свернула паруса и, испугавшись, гребетъ назадъ“... (VI, 274).

Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и мы,

и Европа совсѣмъ не тѣ. И мы, и Европа стоимъ у какого-то предѣла. И мы, и она коснулись чертъ, которой оканчивается томъ исторіи.

„Тогда западные люди еще не знали своей границы. Они свой бытъ высокомѣрно принимали за идеалъ всѣхъ народовъ. Они соглашались, что въ немъ надобно кое-что почистить, но въ фондѣ никто не сомнѣвался“...

„Тогда, униженные, забитые, и мы вѣрили въ западный бытъ и мы—тянулись къ нему.

„Теперь—западъ пошатнулся. Мы вышли изъ оцѣпененья. Мы рвемся куда-то, онъ стремится удержаться на мѣстѣ. Черта, до которой мы дошли, значитъ, что мы кончили ученическое подражаніе, что намъ слѣдуетъ изъ Петровской школы становиться на свои ноги и не твердить больше чужихъ задовъ. Въ идеѣ, въ меньшинствѣ мыслящихъ людей, въ литературѣ, въ казематахъ,—мы прожили западную исторію, и будто теперь намъ надобно ее повторять оптомъ“. (VI, 274).

Давно это было сказано. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Но не впрокъ пошло мудрое и вѣрное предсказаніе Герцена. Петры Великіе не переводились среди идейныхъ дикарей. Теперь они разошлись во всю, работаютъ бомбами и дубинами и хотятъ повторить всю исторію запада отъ начала до конца. Надо надѣяться, что это послѣдній опытъ палачей и фанатиковъ. Жизнь не приметъ ихъ теорій и, какъ злокачественную грязь, выброситъ ихъ утопіи. Въ безсильномъ гнѣвѣ имъ придется сознаться, что ни фанатизмъ, ни тираннія не могутъ повернуть жизнь по указкѣ младенческой безграмотности. Когда рабочіе начинаютъ руководить интеллигенціей, это прежде всего свидѣтельствуетъ о первобытномъ невѣжествѣ интеллигенціи.

„Что европейскія гражданскія формы были несравненно выше не только старинныхъ русскихъ, но и теперешнихъ,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. И вопросъ не въ томъ, догнали-ли мы западъ или нѣтъ, а въ томъ, слѣдуетъ-ли его догонять по длинному шоссе его, когда мы можемъ пуститься въ объѣздъ. Намъ кажется, что, пройдя западной дрессировкой, подкованные ей, мы можемъ стать на свои ноги и вмѣсто того, чтобы твердить чужіе зады и прилаживать стоптанные сапоги,—намъ слѣдуетъ подумать, нѣтъ-ли въ народномъ быту, въ народномъ характерѣ нашемъ, въ нашей мысли, въ нашемъ художествѣ чего-нибудь такого, что можетъ имѣть притязаніе на устройство, несрав-

ненно высшее западнаго. Хорошіе ученики часто переводятся черезъ классъ". (VI, 260—261).

XI.

Западъ и славянство.

„Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не видите, въ чемъ дѣло? Историческія формы западной жизни—въ одно и тоже время будучи *несравнимо-выше* политическаго устройства Россіи, не соотвѣтствуютъ больше современной нуждѣ, современному пониманью. Это пониманье развилось на западѣ, но съ той минуты, какъ оно было сознано и высказано, оно сдѣлалось общечеловѣческимъ достояніемъ всѣхъ понимающихъ. Западъ носитъ въ себѣ зародышъ, но желаетъ продолжать свою прежнюю жизнь и дѣлаетъ все, чтобы произвести абортивъ. Кто изъ нихъ останется живъ—мать-ли, ребенокъ-ли, или какъ они примирятся,—этого мы не знаемъ. Но что мать представляетъ больше воспоминаній, а зародышъ больше надеждъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

„Въ виду этой борьбы возникаетъ страна, имѣющая только маску, и то прескверную, западной гражданской жизни, только ея фасадъ, и народный бытъ, неразвитый, полудикій, но нисколько не похожій на народный бытъ европейскихъ народовъ. Онъ въ своей маскѣ такъ-же мало можетъ идти, какъ Европа въ своей кожѣ. Что-же ему дѣлать? Слѣдуетъ-ли ему пройти всѣми фазами западной жизни для того, чтобы дойти въ потѣ лица, съ подгибающимися колѣнами, черезъ рѣки крови—до того-же выхода, до той-же идеи будущаго устройства и невозможности современныхъ формъ, до которыхъ дошла Европа? И притомъ зная впередъ, что все это *не въ самомъ дѣлѣ*, а только для какого-то искуса. Да развѣ вы не видите, что это безумно? Довольно, что мы постоянно играемъ въ маневры и представляемъ мирную борьбу. Зачѣмъ-же еще представлять прошлую исторію цивилизаціи?

„А потому существенный вопросъ въ томъ,—*какъ* относится нынѣ народный бытъ не къ обмирающимъ формамъ Европы, а къ тому новому идеалу ея будущности, передъ которымъ она поблѣднѣла, какъ передъ головой Медузы". (VI, 278—279).

Въ этомъ освѣщеніи Герценъ ставитъ вопросъ и о славянскомъ мірѣ вообще.

„Чего домогается этотъ *нѣмой* міръ, прожившій въ постоянномъ a parte, не раскрывая рта, цѣлый рядъ столѣтій, со времени переселенія народовъ до нашихъ временъ.

„Міръ странный, не имѣющій почти ничего общаго ни съ Европой, ни съ Азіей.

„Европа занята крестовыми походами. Славяне сидятъ спокойно дома.

„Европа развиваетъ феодальную систему, строитъ большіе города, составляетъ законодательства, основанныя на римскомъ правѣ и на германскихъ обычаяхъ; Европа становится послѣдовательно протестантской, либеральной, парламентской, революціонной. Славяне не имѣютъ ни большихъ городовъ, ни аристократическаго дворянства; они не понимаютъ римскаго права, не знаютъ различія между крестьяниномъ и горожаниномъ; они предпочитаютъ жизнь сельскую и сохраняютъ патріархальныя и демократическія учрежденія,—свою сельскую общину и вѣче.

„Часъ этихъ народовъ еще не пробилъ. Они всѣ въ ожиданіи чего-то. Ихъ теперешнее status quo какое-то предварительное состояніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется". (V, 305—306).

„Я не фаталистъ и ни въ какія предопредѣленія не вѣрю, ни даже въ пресловутое „совершенствованіе человѣчества". Природа и исторія плетутся себѣ со дня на день и во вѣки вѣковъ, сбиваясь съ дороги, прокладывая новыя, попадая на старыя, удивляя то быстротой, то медленностью, то умомъ, то глупостью, толкаясь всюду, но идя только туда, гдѣ ворота отперты. Говоря о возможномъ развитіи, я не говорю о его *неминуемой необходимости*. Что изъ возможнаго осуществится, что нѣтъ,—я не знаю, потому что въ жизни народовъ очень много зависитъ отъ лицъ и воли. Я чую сердцемъ и умомъ, что исторія толкается именно въ наши ворота. Если мы безсильны ихъ отворить, а сильные не хотятъ или не умѣютъ, дальнѣйшее развитіе прошедшаго найдетъ болѣе способные органы въ Америкѣ, въ Австраліи, гдѣ гражданственность складывается совсѣмъ на иной ладъ. Можетъ, и сама Европа переработается, встанетъ, возьметъ одръ свой и пойдетъ по святой землѣ, подъ которой лежитъ столько мучениковъ и на которую пало столько поту и столько слезъ. Можетъ быть!" (V, 338).

„О странномъ и независимомъ положеніи русскаго относительно

Европы, этого *своего и чужого*, мы говорили много разъ. Мысль запада легко усвояется нами. У насъ нѣтъ азіатскаго отвращенія отъ науки. Историческій бытъ его для насъ необязателенъ. Для насъ все это одинъ костюмъ. Сверхъ того, на западѣ мы были знакомы съ однимъ образованнымъ слоемъ. Отдѣленные отъ своего народа, мы и съ нимъ потеряли связь. Его *незападный* бытъ былъ непонятенъ намъ, да и не интересовалъ насъ. Можетъ быть, западъ коснулся вопросовъ, несовмѣстныхъ съ его государственными формами, и на первый случай срѣзался. И мы вспомнили тутъ особенно ярко, что подъ внѣшними западными формами русскаго государства, сохранился какой-то *иной* народный бытъ, основанный на *иномъ понятіи* объ отношеніи человѣка *къ землѣ* и *къ ближнему*" (VI, 314).

„Къ землѣ и къ ближнему"... Важно и то, и другое. Отношенія къ ближнему, конечно, еще важнѣе отношеній къ землѣ, хотя они неразрывно связаны между собою. Но Герценъ, смотрѣвшій на русскую деревню изъ дали европейскихъ столицъ, лучше видѣлъ внѣшнюю сторону мужицкаго уклада, т. е. его отношенія къ землѣ, а не духъ жизни, проявляющійся въ отношеніяхъ къ ближнимъ. Тутъ, конечно, серьезной помѣхой былъ духъ матеріализма и эпикурейскій складъ мышленія, отъ котораго Герценъ никогда не могъ освободиться. Въ этомъ объясненіе неполноты и недосказанности его конечныхъ выводовъ.

Н. М. Соколовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ вопросу о смертной казни.

(По поводу сужденій о ней въ періодической печати).

«Царствіе Божіе внутрь васъ есть».

Тревожныя событія нашего времени снова съ особенною силою выдвинули вопросъ о смертной казни. На него горячо откликнулась наша пресса. Въ ней раздались голоса православныхъ пастырей, юристовъ и прочихъ лицъ. Одни высказались за смертную казнь, примѣняемую въ крайнихъ случаяхъ. Другіе негодующе протестовали противъ смертной казни и назвали сторонниковъ ея „палачами" и „убійцами"!.. Очевидно, „Юпитеры", потерявъ душевное равновѣсіе, забыли, что вопросъ о смертной казни имѣетъ свою вѣковую исторію; что онъ является своего рода „Гордіевымъ узломъ", котораго нельзя разсѣчь однимъ взмахомъ пера; что положительно рѣшали его Кантъ, Гегель, Сталь, Тренделенбургъ и другіе *философы и мыслители*.

Насъ въ данномъ случаѣ интересуютъ собственно сужденія православныхъ пастырей, высказавшихся въ прессѣ противъ смертной казни. Что касается другихъ лицъ, преимущественно юристовъ, то о нихъ мы скажемъ коротко.

Въ своемъ отрицаніи смертной казни эти лица исходятъ изъ ложныхъ воззрѣній на сущность права. По установившемуся мнѣнію, подъ правомъ разумѣется организованная защита отношеній гражданъ въ данномъ государствѣ [1]). Тамъ, гдѣ такая защита признана, „сила перестаетъ быть правомъ, а право становится силою" [2]). Сила права заключается въ томъ, что оно въ своемъ сохраненіи и осуществленіи опирается на могущественную государственную власть и является воплощеніемъ идей правды и справедливости. Правдѣ присуща идея возмездія. И право посему требуетъ наказанія. Такъ что право прояв-

---

[1]) См. книгу Іеринга.—Цѣль въ правѣ. Русскій переводъ.

[2]) Проф. Фойницкій. Курсъ уголовн. судопр. Изд. 2; стр. 126.

1906. **Іюнь.** **XI.**

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136.
1906.

Редакція „Миссіонерск. Обозр."
Невскій, 153. Телеф. № 5226.

Содержаніе іюньской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1906 годъ.

По общимъ вопросамъ православной вѣры и церковной жизни.

Миссіонерскій отдѣлъ.

По сектовѣдѣнію.

По расколовѣдѣнію.

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

По общимъ вопросамъ вѣры и церковной жизни.

Мѣры къ уничтоженію русской иконописи [1]).

(Матеріалы къ исторіи современнаго иконоборства).

Въ виду огромнаго историческаго значенія разнородности взглядовъ Государя и Св. Синода на одинъ и тотъ же предметъ—иконописаніе,—для полноты картины, которой посвящена настоящая статья, я приведу полностію указъ и опредѣленіе Св. Синода, чтобы имѣть возможность сдѣлать на него ссылки.

„Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Владимірскому губернскому правленію. По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ **слушали**: 1) три прошенія уполномоченныхъ сельскими обществами, Мстерскимъ, Палеховскимъ, Вязниковскаго уѣзда, крестьянъ: Александра Купчихина, Петра Бороздина и учителя иконописной школы Михаила Цѣпкова, изъ коихъ одно, отъ 19 мая сего года на имя первенствующаго члена Святѣйшаго Синода преосвященнаго митрополита кіевскаго, и два отъ 16-го того же мая и 12 августа сего года, на имя Святѣйшаго Синода,—съ жалобою на выдѣлку московскими фабрикантами Жако и Бонакеръ иконъ на жести и съ просьбою или совсѣмъ запретить изготовленіе означенныхъ иконъ, или не дозволять духовнымъ учрежденіямъ пріобрѣтеніе и продажу этихъ иконъ, а также иконъ на бумагѣ, набитыхъ или наклеенныхъ на доски; 2) прошенія по тому же предмету крестьянъ-иконописцевъ

1) См. „Миссіонерское Обозрѣніе“, № 5.

разной художественной культуры не представляютъ высокой государственной цѣнности. И эта народная сила обрекается на упраздненіе...

Въ заключеніе нельзя не остановиться на положеніи, высказанномъ въ пунктѣ 4-мъ Указа. Оный гласитъ, что вопросъ „объ устраненіи экономическихъ затрудненій кустарей иконописцевъ, происходящій отъ распространенія издѣлій вышеупомянутыхъ фабрикъ, *не можетъ быть предметомъ заботы духовнаго вѣдомства*". Такое положеніе никакъ нельзя признать глубокимъ и основательнымъ. Въ самой этой фразѣ уже *указаніе на зло*, причиняющее матерьяльный ущербъ иконописцамъ, говоритъ *за необходимость* заботы. Кому же, какъ не духовному вѣдомству интересоваться и пещись *о качественности* молельной иконы? Ясно, что качественность иконы стоитъ въ прямой зависимости отъ матерьяльной обезпеченности художника.

Для относительной полноты этихъ матерьяловъ по исторіи современнаго иконоборства необходимо добавить, что главное зло упадка нашей иконописи кроется въ полной некомпетентности въ распознаваніи качественности иконы, со стороны канонической, подлинника и художественной, и въ абсолютной непросвѣщенности въ этой области православныхъ священнослужителей. Религіозная живопись и иконопись въ Россіи охватываютъ *неизмѣримо большую часть* всего національнаго художественно-живописнаго творчества. Оцѣнка пригодности для молитвы православныхъ иконъ должна быть обязанностью и священнослужителя, освящающаго икону. Только при его просвѣщенности и при достаточномъ пониманіи въ области иконографіи невозможны будутъ случаи помѣщеній въ церкви и въ домахъ фальсифицированныхъ и кощунственныхъ иконъ. Одной изъ коренныхъ мѣръ должно быть введеніе иконографіи въ курсъ духовныхъ учебныхъ заведеній.

Еще разъ напомнимъ первоначальное мнѣніе Комитета попечительства о русской иконописи: „поддѣльная икона вызоветъ неуваженіе къ образу и нарушитъ вѣковые обычаи и преданія греко-русской церкви". Съ своей стороны я присоединяюсь къ мнѣнію графа С. Д. Шереметева и къ убѣжденію ста шестидесяти тысячъ русскихъ иконописцевъ, что въ рѣшеніи настоящаго иконоборческаго вопроса „не можетъ быть средняго мнѣнія и не можетъ быть недомолвокъ".

А. А. Карелинъ,

Императорской Академіи Художествъ Почетный Общникъ.

Герценъ и наши дни [1]).

XII.

Человѣкъ будущаго въ Россіи—мужикъ.

Туманы хаоса расходятся. Это уже не хаосъ, когда не въ книжкѣ, не на бумагѣ, а въ жизни и въ дѣлѣ есть иныя понятія объ отношеніяхъ человѣка къ землѣ и къ ближнему. Это новый огромный и сложный типъ исторической психологіи, новый строй общественной правды. Разъ это такъ, всѣ рѣчи о хаосѣ и океанидахъ становятся только риторическимъ украшеніемъ слога.

Почему-же Герценъ, формулируя такіе серьезные, полные такого огромнаго значенія выводы, такъ нерѣшителенъ и не твердъ въ словѣ? Зачѣмъ онъ простую и глубокую мысль завертываетъ въ дѣтскія идейныя пеленки? Отвѣтъ яcенъ. Западъ умеръ. Но когда-то Герценъ любилъ Западъ и тѣни прежней любви стояли надъ его сознаніемъ, когда онъ издалека и съ помощью телескопа присматривался къ чуднымъ очертаніямъ новой красоты.

И онъ самъ зналъ это и много разъ мучился этимъ.

Вотъ одинъ любопытный отрывокъ изъ его исповѣди, о побужденіяхъ остаться навсегда заграницей.

„Зачѣмъ-же я остаюсь?

„Остаюсь затѣмъ, что борьба *здѣсь*, что, не смотря на кровь и слезы, здѣсь разрѣшаются общественные вопросы, что здѣсь страданія болѣзненны, жгучи, но *гласны*, борьба открытая, никто не прячется. За эту открытую борьбу, за эту рѣчь, за эту гласность—я остаюсь здѣсь. За нее я отдамъ все,—я отдаю за нее часть своего достоянія;

---

1) См. «Миссіонерское Обозрѣніе», № 5.

а, можетъ, отдамъ и жизнь въ рядахъ энергическаго меньшинства „гонимыхъ, но не низлагаемыхъ“.

„За эту рѣчь я переломилъ или, лучше сказать, заглушилъ на время свою кровную связь съ народомъ, въ которомъ находилъ такъ много отзвуковъ на свѣтлыя и темныя стороны моей души, котораго пѣснь и языкъ—моя пѣснь и мой языкъ, и остаюсь съ народомъ, въ жизни котораго я глубоко сочувствую одному горькому плачу пролетарія и отчаянному мужеству его друзей.

„Дорого мнѣ стоило рѣшиться... Вы знаете меня... и повѣрите. Я заглушилъ внутренюю боль, я перестрадалъ борьбу, и рѣшился, не какъ негодующій юноша, а какъ человѣкъ, обдумавшій, что дѣлаетъ, сколько теряетъ... Мѣсяцы цѣлые взвѣшивалъ я, колебался, и, наконецъ принесъ все на жертву:

„Человѣческому достоинству,

„Свободной рѣчи“. (V, 170).

Это одна изъ сказокъ неопытной молодости, когда самъ Герценъ не зналъ своего сердца. Внѣшней красотой манили чужія формы. Кровная связь съ народомъ порвалась не только на время. Она порвалась навсегда. Когда чары Запада разсѣялись и Герценъ, какъ ему казалось, „вернулся на родину“, на самомъ дѣлѣ онъ не только тѣломъ, но душой оставался на „странѣ далече“. Онъ видѣлъ только самыя общія очертанія, внѣшнюю сторону жизни.

Лживую сказку запада онъ возненавидѣлъ всѣми силами своей души. Онъ понялъ, что даже человѣческое достоинство тамъ можно сохранить, только удалившись въ тѣсный кругъ семьи и закрывъ двери для идейныхъ болтуновъ и мечтателей. Онъ понялъ, что тамъ честнаго и кровнаго дѣла нѣтъ, а гдѣ нѣтъ честнаго общественнаго дѣла, тамъ нѣтъ и человѣческаго достоинства. Блудный сынъ, онъ понялъ, что ему приходится ѣсть съ одного корыта со свиньями и тосковалъ объ отцовскомъ домѣ. Западное корыто онъ опрокинулъ презрительнымъ и гнѣвнымъ пинкомъ, но домой воротиться ему не пришлось.

А разрывъ съ сказочнымъ міромъ чахлой идейности—былъ полонъ и безповоротенъ. Герценъ перестал вѣрить въ пролетарія.

„Человѣкъ будущаго въ Россіи—*мужикъ*,—точно такъ-же, какъ во Франціи работникъ“ (V, 275).

„Здѣсь Герценъ перешагнулъ тотъ порогъ, вернуться съ котораго

нельзя. „Образованное меньшинство“, т. е. интеллигенція, какъ на Западѣ, такъ и у насъ, мужика совсѣмъ не знаетъ, а поэтому и вѣрить въ него—не можетъ. Мужикъ и пролетарій—эта два полюса, которые никогда и ни въ какой точкѣ сойтись не могутъ. Это два міра, чуждыхъ и враждебныхъ другъ другу. У пролетарія нѣтъ и не можетъ быть здоровыхъ основъ общественнаго уклада. У него нѣтъ нравственныхъ основъ для обузданія своего эгоизма. У него нѣтъ прочныхъ традицій и устойчивыхъ навыковъ, потому что малѣйшая перемѣна въ техникѣ производства опрокидываетъ всѣ устои его жизни. Его побѣды случайны и временны. Онъ герой только на одну битву, на одинъ историческій моментъ. Онъ явился въ міръ такъ-же случайно, какъ и исчезнетъ. Онъ необходимый членъ общества только до тѣхъ поръ, пока тотъ или другой народъ признаетъ формулы германо-романской психологіи всеобщими законами историческаго развитія.

Это въ извѣстномъ смыслѣ эфемерида, которая чувствуетъ себя въ мірѣ недолговѣчнымъ фантомомъ. Онъ чувствуетъ, что его существованіе нельзя обезпечить на вѣка и поэтому весь цѣликомъ отдается моменту, порыву. Онъ знаетъ, что все, что строитъ онъ и что строятъ для него, по минованіи надобности будетъ упразднено и поэтому онъ легко поддается страсти разрушать то, что раньше или позже должно само погибнуть.

У него нѣтъ широкаго мышленія людей дѣйствительно образованныхъ, какъ нѣтъ и наслѣдственнаго опыта мужика, никогда не разрывающаго съ прошлымъ и цѣликомъ поглощеннаго работами настоящаго. По самому положенію своему, онъ мечтатель, а мужику мечтателемъ быть нельзя. Въ дни случайнаго торжества, онъ жестокъ и безпощаденъ, какъ звѣрь, потому что у него нѣтъ никакихъ побужденій, кромѣ личныхъ. Полуграмотный и невѣжественный, онъ считаетъ себя признаннымъ цѣнителемъ науки и искусства. Свою личную и маленькую волю онъ считаетъ единственною нормою жизни и проливаетъ чужую кровь, потому что ему недорога своя. Онъ всегда быстръ, тороплив и безпощаденъ, потому что видитъ недалеко. Его будущее такъ-же темно и туманно, какъ и его прошлое. Историческіе моменты, отпущенные ему судьбою для кратковременнаго существованія, онъ хочетъ сдѣлать годами своего господства и своей тиранніи.

Онъ страшенъ своимъ невѣжествомъ и своею безпочвенностью.

Этотъ вопросъ уже давно раскололъ всю Европу на двѣ половины. У насъ этотъ расколъ—не ко двору. Во всѣ счеты проникаетъ третья половина—мужикъ. Надо быть большимъ соціалъ-демократомъ, чтобы мечтать объ единствѣ интересовъ рабочаго и мужика. Наша интеллигенція стоитъ за пролетарія и поэтому стоять за мужика ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

Для Герцена этотъ вопросъ всегда былъ ясенъ. „Между селомъ, и городомъ,—говорилъ онъ,—вѣка. Иныя понятія, другая религія, другіе нравы, часто другой языкъ". (VI, 270).

А на западѣ деревни меньше, чѣмъ у насъ, и деревня тамъ строится на городской ладъ. А нашу деревню въ городъ не перетянешь. Она еще достаточно сильна для того, чтобы перетянуть городъ.

Пролетарій ни къ какой странѣ и ни къ какому племенному типу не принадлежитъ. У него нѣтъ характера. Онъ космополитъ по профессіи. Онъ такъ-же внѣ времени, какъ и внѣ пространства. Это полное отраженіе нашей безформенной и безпочвенной интеллигенціи.

XIII.

Мужикъ и пролетарій.

Роковая ошибка нашей интеллигенціи въ томъ именно и состоитъ, что на мужика смотрятъ, какъ на пролетарія, какъ на фабричнаго рабочаго, какъ на батрака, который живъ и уменъ только поденнымъ заработкомъ. На самомъ-же дѣлѣ не только представители свободныхъ профессій, но и бюрократія, и вся интеллигенція, и вся буржуазія по духовному и нравственному смыслу своего заработка и своего пропитанія гораздо ближе къ рабочему, чѣмъ къ мужику.

Мужикъ живетъ не изо дня въ день, а съ жатвы до жатвы. И даже не изъ году въ годъ, а долженъ принять въ счетъ и возможные неурожаи въ будущемъ. И ему приходится подсчитывать приходы и расходы не только для себя и своего поколѣнія, но не истощать почвы и не тратить всѣхъ запасовъ до тла, потому что вѣдь и внуки ѣсть захотятъ.

При каждомъ новомъ волненіи или возстаніи рабочихъ—интеллигенція вспыхиваетъ, какъ порохъ. Она сама – праздничный и многоцвѣтный фейерверкъ, и поэтому любитъ фейерверки. Вспыхнувъ, она сгораетъ до тла, какъ всякій порохъ. Это просто взрывчатое вещество, единственное назначеніе котораго разрушить и сгорѣть. Ея жизнь—не жизнь рабочаго,—отъ субботы до субботы, до полученія разсчета. Весь режимъ жизни разсчитанъ на болѣе короткій срокъ.

Выражаясь бездарнымъ языкомъ историческаго матеріализма, все остальное только идейныя надстройки надъ экономическимъ базисомъ недѣльнаго заработка и недѣльной получки. Богъ при такой жизни нуженъ только отъ субботы до субботы. Разсчетъ полученъ и—шабашъ. Послѣ получки—новый счетъ: все вали на новую.

Этого не хотѣли замѣчать, хотя факты были на лицо и мы въ свое время на это указывали. Фабричная философія охватила всю нашу литературу. Всѣ наши поэты воспѣвали мечту и моментъ. Возьмите томики стиховъ нашихъ идейныхъ поэтиковъ. Всѣ они поютъ мечту, красивую, радужную, непремѣнно и обязательно несбыточную,—какъ несбыточны мечты рабочаго о мѣсячномъ или годовомъ обезпеченіи.

Если мечта остается въ предѣлахъ возможнаго, она не по душѣ нашей интеллигенціи. Съ нелегкой руки Надсона, всѣ поэты и идейные мечтатели алчутъ „нечеловѣчески-величественныхъ дѣлъ,—нечеловѣчески-великаго страданія". Это, конечно, очень смѣшно, но все-же не такъ дико, какъ это кажется съ перваго взгляда. Рабочій все-же реальнѣе интеллигента: онъ умѣетъ предвидѣть на недѣлю. Интеллигентъ, побивая рабочій рекордъ сокращенія сроковъ, все совмѣстилъ въ одинъ моментъ. Пусть сгорю, только бы вспыхнуть, только бы ослѣпить.

Вся литература послѣдняго времени является яркою иллюстраціею къ этому общему выводу. Новые христіане, мистики-порнографы по формуламъ отнынѣ незабвеннаго кружка религіозно-философскаго содомизма, готовы были все отдать—и синодъ, и сенатъ, рясы и бороды, догматы и соборы, честь и приличія, церковь и религію,—за мигъ одинъ плотскаго и духовнаго обновленія въ вонючей миквѣ, какъ г. Розановъ, или за одинъ опытъ изнасилованія жены-христіанки, распростертой передъ распятіемъ, мужемъ-язычникомъ, утончающимъ развратъ мистическою противоестественностью, какъ Юліанъ у г. Мережковскаго.

Дамы - романистки изощряютъ всю свою—удивительную по настойчивости—фантазію, чтобы найти такой субъектъ и создать такой моментъ, чтобы ради него навѣкъ осквернить и опоганить святыню женской чести, испортить семейную жизнь и поднять завѣсу ужаснаго и загадочнаго. Конечно, въ этой области ничего новаго нѣтъ. „Всякое бывало",—говаривалъ у Гуцкова Акиба. И все это грязно, пошло и цинично. Но вопросъ—не въ томъ. Былъ—*моментъ*. Пусть послѣ него омерзѣніе, отвращеніе и скука. Но его ожиданіе—неодолимыя чары короткихъ сроковъ.

Идейные писатели и беллетристы всю свою поэзію находили только въ этомъ. Развѣ не герои момента всѣ эти босяки Горькаго, прокаженные и сифилитики Андреева, окостенѣвшіе въ элефантіазисѣ, идейные трупы идейнаго творчества?

Теперь революціонные поэты и революціонные романисты воспѣваютъ политическія убійства съ огромнымъ подъемомъ міровой и гражданской скорби. Опять дѣло момента. Вѣдь нельзя-же возвести убійство въ норму жизни и убивать всегда. „Товарищи" по приговору невѣдомаго трибунала приходятъ убивать сторонника стараго режима. Поэты и художники увѣнчиваютъ эти подвиги лаврами нетлѣнной, вѣчной красоты и сверхъ-человѣческаго величія. Но вѣдь это герои—на моментъ. Черезъ моментъ это будутъ палачи и убійцы.

Если завѣтнѣйшая мечта идейнаго рабочаго состоитъ въ великомъ желаніи—нажраться такъ, чтобы потомъ всю жизнь не хотѣть ѣсть, то завѣтнѣйшая мечта интеллигента—наскандалить и набезобразничать такъ, чтобы отъ зависти перевернулись въ гробу Аретино и маркизъ де-Садъ, чтобы обезьяна отъ стыда покраснѣла, чтобы всѣ добрые люди сказали: каковъ прохвостъ и мерзавецъ!

XIV.

Мужикъ и рабочій—не одно и тоже.

Итакъ, по лѣстницѣ срочнаго прокормленія и сокращенія сроковъ— отъ „момента" идейной интеллигенціи мы поднялись до субботней получки мастероваго. Далѣе слѣдуютъ, конечно, люди двадцатаго числа. Тутъ логика и психологія реальнѣе, устойчивѣе и прочнѣе уже въ четыре раза. Правда, и этотъ срокъ не великъ и оставляетъ мѣсто для размышленія о преходящей славѣ вѣка сего, о мимолетности всего земнаго, о суетности человѣческой жизни и о прочихъ невеселыхъ предметахъ.

Но мѣсяцъ—все же срокъ достаточно длинный для того, чтобы до нѣкоторой степени возстановить равновѣсіе духа и обновить способность приспособляемости. За мѣсяцъ можно почуять, откуда вѣтеръ дуетъ и соотвѣтственно примѣниться. Безъ пера и чернилъ все равно ни одно правительство существовать не можетъ, а что писать и какъ писать—не все-ли равно? Перечитайте въ Библіи книгу царствъ. Сколько смѣнялось іудейскихъ и израильскихъ царей! Но при этомъ лѣтопись педантически замѣчаетъ, что при каждомъ изъ нихъ—такой-то и такой-то—„былъ писецъ его".

Бюрократическій мѣсяцъ—срокъ въ милліонъ разъ большій, чѣмъ „моментъ" интеллигента и въ четыре слишкомъ раза большій, чѣмъ получка заработной платы на фабрикѣ. Но по степени мечтательности и неопредѣленности въ виду всевозможныхъ вѣяній и теченій не больше содѣйствуетъ устойчивости, широтѣ и дальновидности мышленія на общественныя темы, чѣмъ ветхозавѣтная суббота пролетаріата въ лонѣ капитализма.

Другое дѣло буржуазія. Не говорю о побѣдителяхъ и рантьерахъ. Для нихъ никакихъ сроковъ не существуетъ и они отдыхаютъ на лаврахъ своихъ. Но воинствующая буржуазія, еще добивающаяся побѣды и лавровъ, имѣетъ свои сроки. Полагаю срокъ въ шесть мѣсяцевъ. Болѣе долгосрочные векселя теперь не въ ходу. Буржуазія по своей собственной расцѣнкѣ опредѣлила для себя шестимѣсячный аршинъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ—можетъ произойти полная перемѣна декорацій и первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми.

Но шесть мѣсяцевъ—все-таки передышка. Можно подготовиться къ неожиданностямъ и принять мѣры. Пусть за этой чертой—бури и ураганы, но до нея миръ и покой.

Если вы всмотритесь въ эту градацію короткихъ сроковъ, вы сквозь бьющее въ глаза различіе, увидите общія и родственныя черты. Съ перваго взгляда кажется, что общаго по логикѣ и психологіи пропитанія и обезпеченія между капиталистомъ и рабочимъ, между бюрократомъ и интеллигентомъ? Но стоитъ только каждаго изъ нихъ

порознь и всѣхъ ихъ вмѣстѣ сопоставить съ мужикомъ, сразу-же бросится въ глаза поразительное сходство, такъ что всѣмъ становится очевидно: одна семья.

Что такое мужикъ? У него нѣтъ сроковъ и все на срокъ. Онъ не можетъ забастовать ни на моментъ, ни на недѣлю, ни на мѣсяцъ, ни на шесть мѣсяцевъ. Ему никакъ нельзя опустить ни одной упряжки, а все его существованiе—безсрочное. Землю нельзя истощить однимъ хищническимъ посѣвомъ, чтобы попробовать счастья въ Монте-Карло. Землю нельзя поставить на карту подъ шестимѣсячный срокъ. Тутъ и ждать нельзя, и торопиться нѣтъ смысла. Кромѣ срочныхъ разсчетовъ, необходимо—стихiйно необходимо—имѣть и безсрочные. И тутъ, конечно, возможны инстинкты—беречь и холить землю, или истощить ее по мѣрѣ возможной скорости. Но это уже характеръ народа, а не срочная банковская операцiя.

Понятiе о пролетарiатѣ на нашихъ глазахъ растетъ. Тѣни и оттѣнки его уже ложатся на всю интеллигенцiю, на всю бюрократiю и буржуазiю, даже на земцевъ. Всѣ почувствовали случайность и неустойчивость промышленнаго и профессiональнаго заработка и съ этою цѣлью случайныя и временныя условiя жизни, результатъ случайной экономической побѣды, хотятъ увѣковѣчить, гарантировать закономъ. Къ примѣру, адвокаты, еще недавно получавшiе баснословные гонорары, хотѣли бы перестроить все общество такъ, чтобы для нихъ никогда не проходили эти дни счастья. Инженеры готовы и на забастовку, и на вооруженное возстанiе, чтобы навѣки гарантировать себѣ огромные проценты съ строительной горячки правительства. Словомъ, каждая профессiя, по аналогiи съ пролетарiатомъ, хочетъ придать вѣчную обязательность и вѣчную неизмѣнность преходящимъ и измѣнчивымъ экономическимъ отношенiямъ.

Въ промышленномъ государствѣ эти инстинкты имѣютъ свое оправданiе: барыши отъ предпрiятiя надо дѣлить болѣе равномѣрно. Но въ государствѣ земледѣльческомъ эта устойчивость и опредѣленность промышленнаго заработка и барыша получается не за счетъ внѣшняго рынка, торговаго и экономическаго порабощенiя чужихъ странъ и далекихъ народовъ, а за счетъ своей-же деревенской требухи. Это скорпiонъ, который въ минуту опасности убиваетъ самъ себя. Промышленныя государства жирѣютъ и богатѣютъ за чужой счетъ. Земледѣльческое государство съ капиталистическими замашками, цѣлое приноситъ въ жертву части.

Въ рабочемъ пролетарiатѣ мы получаемъ новый типъ, типъ экспропрiатора мужицкой собственности. Лучшiя условiя жизни онъ добываетъ себѣ за счетъ обѣднѣнiя и истощенiя мужика и деревни.

И если всѣ слои общества проникаются моралью и психологiей пролетарiата, мужикъ попадаетъ въ новыя формы крѣпостной зависимости.

Все это я говорилъ собственно къ тому, чтобы отмѣтить мѣткость и справедливость замѣчанiя Герцена о томъ, что мужикъ и рабочiй—не одно и тоже.

Впрочемъ, можетъ быть, при такой постановкѣ дѣла, самъ собою напрашивается тотъ выводъ, что земледѣльческое государство не можетъ вылиться въ формы государства промышленнаго, дѣйствительно капиталистическаго.

При этомъ не невѣроятнымъ кажется и то предположенiе, что если путемъ компромиссовъ и такъ называемой классовой борьбы все городское населенiе, т. е. буржуазiя и бюрократiя, интеллигенцiя и пролетарiатъ, какъ-нибудь придутъ къ какому-нибудь соглашенiю, мужицкая Россiя совсѣмъ останется внѣ счета. Другими словами, какъ во всякой настоящей борьбѣ обнаружатся только *двѣ* стороны.

Чтобы бороться и драться, нужно не меньше и не больше двухъ сторонъ. Третiй всегда будетъ только радоваться. Римляне не спроста же говорили: tertius gaudet. Если-же такая борьба начнется, по всѣмъ разумнымъ соображенiямъ и по всѣмъ показанiямъ здраваго смысла, она будетъ безконечна. Если же ей какой-нибудь конецъ и будетъ, то совершенно особенный—вопреки всякому разуму и всякому здравому смыслу.

Девизъ данъ. Вѣрѣ мужика противопоставлена вѣра пролетарiя. Всѣ силы мобилизуются. Уже и въ оффицiальномъ органѣ святѣйшаго синода встрѣчаются въ ущербъ его достоинству, слишкомъ часто и демонстративно поются—акаѳисты пролетарiату. Несомнѣнно, этотъ примѣръ производитъ свое впечатлѣнiе на духовенство. Недаромъ его въ консервативной печати не разъ и сурово упрекали въ двоедушiи. Новая и большая сила станетъ противъ мужика.

Но что дѣлать, если не всѣ окажутся малодушными? Одинъ смѣ-

лый и мужественный голосъ можетъ смутить всеобщее соглашеніе властей и интеллигенціи на общепролетарской точкѣ зрѣнія.

Освободительное движеніе не выдвинуло ни одного пророка и ни одного героя. Это понятно. Въ борьбѣ за экономическое преобладаніе— ничего героическаго нѣтъ. Героизмъ—всегда въ отстаиваніи своихъ правъ противъ тиранніи и террора большинства, въ борьбѣ слабаго противъ внѣшней давящей силы.

Величайшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ всего освободительнаго движенія былъ бы новый Сергій Радонежскій или митрополитъ, который въ ореолѣ святости поднялъ бы простой и мужественный голосъ противъ соціальной неправды за весь народъ и всю землю. Только тогда *двѣ* враждующія стороны—стали-бы на свои позиціи и не стали бы упражняться въ усобицѣ по типамъ прежнихъ удѣльныхъ усобицъ...

Но святой, чтимый всей землей и всѣмъ народомъ—Божье чудо, которое стоитъ внѣ всякаго человѣческаго ученія.

По земнымъ и житейскимъ разсчетамъ, дѣло представляется проще и печальнѣе. Не въ первый разъ зовутъ народъ на новыя дороги. Мужикъ не шелъ. И это Герценъ отлично зналъ.

„Трудно,—говорилъ онъ,—своротить русскій народъ съ его родной дороги. Онъ упрется, ляжетъ на ней, вростетъ въ землю и притворится спящимъ, мертвымъ“. (VI, 287).

По многимъ признакамъ и въ оффиціальной церкви надо опасаться уклона не къ религіи мужика, а пролетаріата,—чтобы не увлекъ ее суетный духъ суетной интеллигентности. Допустимъ, что она перейдетъ этотъ роковой порогъ, не утративъ своего догматическаго наслѣдства, не станетъ еретическою, не будетъ подобно Ѳеофану Прокоповичу и его сподвижникамъ, искоренять православіе и вводить протестантизмъ. Все-же она рискуетъ быть при такомъ уклонѣ по логикѣ вещей чужою народу и возбудить новые толки объ антихристовой печати.

Будетъ тоже, что предсказывалъ когда-то Хомяковъ на случай оффиціальнаго окатоличенія православной русской церкви.

„Пусть,—говорилъ Хомяковъ,—русскій народъ подпадетъ обольщенію (хотя это внѣ всякаго правдоподобія); пусть духовенство измѣнитъ (хотя такое предположеніе выходитъ изъ предѣловъ возможнаго);—и тогда милліоны душъ останутся непоколебимыми въ истинѣ, милліоны рукъ поднимутъ непобѣдимую хоругвь церкви и образуютъ

чинъ мірянъ. Найдутся-же въ неизмѣримомъ восточномъ мірѣ два или три епископа, которые не измѣнятъ Богу. Они благословятъ низшіе чины и составятъ изъ себя епископство— и церковь ничего не потеряетъ ни въ силѣ, ни въ единствѣ. Она останется каѳолической церковью, какою была и во времена апостоловъ“.

XV.

Что такое мужикъ?

Герценъ, противопоставивъ мужика рабочему, вышелъ на ту дорогу, на которой всѣ его взгляды получали и должны были получить совершенно другой характеръ.

Онъ остался съ мужикомъ. Но что такое мужикъ по его представленію?

О мужикѣ Герцену пришлось говорить въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ. Вполнѣ естественно, что въ молодые годы онъ раздѣлялъ сантиментальныя и платонически-восторженныя рѣчи о мужикѣ филантроповъ крѣпостной эпохи. Говорилъ онъ о мужикѣ и въ „Дневникѣ“. Чтобы тонъ его рѣчи не показался слащавымъ и приторнымъ, надо помнить, что „Дневникъ“ одно изъ самыхъ раннихъ произведеній Герцена. Здѣсь онъ типичный представитель не только своего времени, но и вообще русской интеллигенціи. Здѣсь онъ бьетъ челомъ каждому теоретическому западному идолу, не замѣчая, что эти идолы отнюдь не изъ одного капища, что стоять рядомъ имъ невмѣстно. Здѣсь онъ отдается всѣмъ капризнымъ настроеніямъ праздной и несобранной молодости и пишетъ казеннымъ языкомъ модной идейности. Вотъ одинъ яркій примѣръ.

1843 годъ, декабрь. „Съ 29 на 30, ночь. Ни вѣры нѣтъ, ни надежды... Я себя какъ-то ненавижу... Хотѣлось-бы, чтобъ тутъ былъ Грановскій и вино хотѣлъ-бы пить... Этого не должно-бы быть“... (VI, 96).

Мечтательны и его сужденія о мужикѣ, хотя и въ нихъ звучитъ живая трезвая нотка.

„Грустно въ мірѣ Чичикова,—такъ, какъ грустно намъ въ самомъ дѣлѣ. И тамъ и тутъ одно утѣшеніе въ вѣрѣ и упованіи на буду-

щее. Но вѣру эту отрицать нельзя—и она не просто романтическое упованіе ins Blaue, а имѣетъ реалистическую основу: кровь какъ-то хорошо обращается у русскаго въ груди. Я часто смотрю изъ окна на бурлаковъ,—особенно въ праздничный день, когда, подгулявши, съ бубнами и пѣніемъ, они ѣдутъ на лодкѣ. Крикъ, свистъ, шумъ. Нѣмцу во снѣ не пригрезится такого гулянья. И потомъ—въ бурю. Какая дерзость, смѣлость! Летитъ себѣ, а что будетъ, ни будетъ. Взглянулъ-бы на тебя, дитя, юношею. Но мнѣ не дождаться. Благословляю-же тебя хоть изъ могилы.

„Но все это ни одной іотой не уменьшаетъ горечи жизни. Сверхъ всего, повтореннаго много разъ,—отдѣльность, несимпатія со всѣхъ сторонъ тягостна. Барству, чиновничеству мы не хотимъ протянуть руки. Да и они на нашего брата смотрятъ, какъ на безумнаго. А православный народъ, которому, для котораго, за который всякій благородный человѣкъ готовъ Богъ знаетъ что сдѣлать, если не въ открытой борьбѣ, гдѣ онъ насъ опутываетъ сѣтью мошенничества, то онъ молчитъ и не довѣряетъ, нисколько не довѣряетъ. Я это испытываю очень часто. Когда онъ видитъ простой разсчетъ, дѣло другое. Но, когда не изъ разсчета, а просто изъ доброжелательства что-нибудь сдѣлать,—онъ качаетъ головой и боится быть обманутымъ". (VI, 14).

Мечта и жизнь, сказка и правда—мѣшаются въ этой тирадѣ съ простодушной наивностью. Если мужикъ не довѣряетъ, значитъ онъ имѣетъ право не довѣрять. Если онъ мошенничаетъ, значитъ всѣ прямые пути ему закрыты. Юноша - Герценъ съ высоты барства старчески качаетъ головой надъ мужикомъ и называетъ его „дитя", когда по годамъ, уму и опыту это дитя много старше и зрѣлѣе своего мечтательнаго печальника.

„In potentia много въ русской душѣ", (VI, 16)—говорилъ Герценъ, не замѣчая, что еще больше in facto, поскольку дѣло касается мужицкой души.

Съ испанскимъ „плебеемъ" Герценъ познакомился по произведеніямъ Кальдерона. „Великъ испанскій плебей, если въ немъ есть такое понятіе о законности. Вотъ онъ, элементъ, вовсе не развитой у насъ не токмо у мужика, но и у всѣхъ. У насъ оскорбленный или снесетъ, какъ рабъ, или отомститъ, какъ взбунтовавшійся холопъ. Я смотрю здѣсь безпрерывно на низшій классъ во всегдашнемъ соприкосновеніи съ нами. Чего недостаетъ ему, чтобы выйти изъ жалкой апатіи? Умъ блеститъ въ глазахъ. Вообще на десять мужиковъ навѣрное восемь не глупы и пятеро положительно умны, смѣтливы и знающіе люди. На нихъ много клевещутъ съ нравственной стороны. Они лукавы и готовы мошенничать, но это тогда, когда становятся въ противоположность намъ. Иначе не можетъ быть. Мы явно и законно грабили ихъ: сила неодинаковая. Но, когда они убѣдятся въ человѣкѣ (и я имѣю гордость включать себя въ это очень и очень ограниченное изъятіе), тогда они поступаютъ просто, даже наивно. Они не трусы, каждый пойдетъ на волка, готовъ въ дракѣ положить жизнь, согласенъ на всякую ненужную удаль, плыть въ омутѣ, ходить по льду, когда онъ ломается, etc. Но видно,—какъ Чаадаевъ говоритъ въ своей статьѣ,—чего-то недостаетъ въ головѣ: мы не умѣемъ сдѣлать силлогизмъ европейскій. Эта община, понимающая всю беззаконность нелѣпаго требованія, не признающая въ душѣ неограниченной власти помѣщика, трепещетъ и валяется въ ногахъ его при первомъ словѣ". (VI, 128).

Странно, что остроумный сибаритъ и тонкій эпикуреецъ Герценъ держитъ ключъ отъ загадки въ рукахъ и не понимаетъ сущности дѣла. За крѣпостнымъ правомъ стояли всѣ силы государства и мужикъ отлично понималъ, что бороться съ нимъ ему не подъ силу. Лукавство и плутоватость—его единственное орудіе сократить лѣниваго и ненаблюдательнаго барина. Да онъ терпѣливъ и по натурѣ. Стенька Разинъ и Пугачевъ нашли отголосокъ въ его памяти, но не воспитали въ немъ революціоннаго духа. Онъ терпитъ, пока можно терпѣть, а вытерпѣть онъ можетъ много.

Революціонный характеръ онъ принимаетъ только тогда, когда поднимается на строеніе земли. Самое яркое и поучительное дѣло—это возстаніе всѣмъ міромъ на строеніе земли. Когда передъ 1612 годомъ тогдашняя интеллигенція, т. е. бояре, кокетничавшіе съ поляками, лисовчики и польскіе наѣздники, стрѣлецкіе головы и казацкіе атаманы, шпыни и воры, вооруженные всѣми послѣдними словами науки того времени и самою угодливою идейностью, сдѣлали опытъ разорить и испакостить землю, народъ всталъ, прогналъ идейныхъ воровъ, выбралъ царя и умиротворилъ страну.

Это революція въ русскомъ изданіи. У насъ почему-то знамена-

тельны двѣнадцатые годы столѣтій. Но нужно думать, что на этотъ разъ не будетъ ждать такъ долго и раньше провиденціальнаго срока умиротворитъ страну, потому что никому другому это не подъ силу.

XVI.

Крещеная собственность.

Опредѣленнѣе высказывается о мужикѣ Герценъ въ статьѣ „Крещеная собственность".

„Съ дѣтскихъ лѣтъ я безконечно любилъ наши села и деревни. Я готовъ былъ цѣлые часы, лежа гдѣ-нибудь подъ березой или липой, смотрѣть на почернѣлый рядъ скромныхъ, бревенчатыхъ избъ, тѣсно прислоненныхъ другъ къ другу, лучше готовыхъ вмѣстѣ сгорѣть, нежели распасться; слушать заунывныя пѣсни, раздающіяся во всякое время дня вблизи, вдали... Съ полей несетъ сытнымъ дымомъ овиновъ, свѣжимъ сѣномъ; изъ лѣсу вѣетъ смолистой хвоей; и скрипитъ запрещенный колодецъ, опуская бадью,—и гремитъ по мосту порожняя телѣга, подгоняемая молодецкимъ окрикомъ...

„Въ нашей бѣдной сѣверной долинной природѣ есть трогательная прелесть, особенно близкая нашему сердцу. Сельскіе виды наши не задвинулись въ моей памяти ни видомъ Сорренто, ни римской Кампаніей, ни насупившимися Альпами, ни богато воздѣланными фермами Англіи. Наши безконечные луга, покрытые ровной зеленью, успокоительно хороши. Въ нашей стелящейся природѣ что-то мирное, довѣрчивое, раскрытое, беззащитное и кротко грустное... Что-то такое, что поется въ русской пѣснѣ, что кровно отзывается въ русскомъ сердцѣ.

„И какой славный народъ живетъ въ этихъ селахъ! Мнѣ не случалось еще встрѣчать такихъ крестьянъ, какъ наши великоруссы и украинцы.

„Оно и не мудрено. Жизнь европейская пренебрегала деревней. Она бойко шла въ замкѣ, потомъ въ городѣ. Деревня служила пастбищемъ, кормомъ. Западный крестьянинъ, выродившійся кельтъ, побѣжденный галлъ, германецъ, побитый другимъ германцемъ. По городамъ побѣдители мѣшались съ побѣжденными. Съ земледѣльцами никто не мѣшался, пока они оставались земледѣльцами. Тамъ, гдѣ побѣда пронеслась надъ головой мѣстнаго населенія, не осѣла на немъ или не могла до него добраться, тамъ крестьяне и не таковы, напримѣръ, въ Романьи, въ Калабріи, въ Испаніи, въ горахъ Швейцаріи, Шотландіи, Норвегіи.

„Крестьянинъ на западѣ вообще однодворецъ. Если онъ богатѣетъ, то онъ дѣлается полевымъ мѣщаниномъ—такъ, какъ, наоборотъ, въ прежнее время русскіе купцы, пріобрѣтая милліоны, оставались по нравамъ и обычаямъ тѣми-же крестьянами". (V, 286).

„Мы государство сельское. Наши города—большія деревни. Тотъже народъ живетъ въ селахъ и городахъ. Разница между мѣщанами и крестьянами выдумана петербургскими нѣмцами. У насъ нѣтъ потомства побѣдителей, завоевавшихъ насъ,—ни раздробленія полей на частную собственность, ни сельскаго пролетаріата. Крестьянинъ нашъ не дичаетъ въ одиночествѣ. Онъ вѣчно на міру и съ міромъ. Коммунизмъ его общиннаго устройства, его сельское самоуправленіе дѣлаютъ его сообщительнымъ и развязнымъ". (VI, 287).

За послѣднее время городъ дальше отошелъ отъ деревни, но въ главныхъ чертахъ схема Герцена сохраняетъ всю свою силу. Русскій городъ, кромѣ столичныхъ и крупно-промышленныхъ центровъ, сохранилъ и навсегда сохранитъ черты сельскаго быта, постояннаго общенія съ деревней. Самостоятельнаго значенія онъ добивается только въ исключительныхъ случаяхъ. Психологія города никогда не проникнетъ въ деревню и городскому пролетарію никогда не задушить деревенской морали и совѣсти, деревенскаго отношенія „къ ближнимъ".

Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія въ русскомъ мужикѣ заслуживаетъ одна характерная черта, только отмѣченная Герценомъ.

„Крестьянинъ средней Италіи такъ-же мало похожъ на задавленную чернь, какъ русскій мужикъ—на собственность. Нигдѣ не видалъ я, кромѣ Италіи и Россіи, чтобъ бѣдность и тяжелая работа такъ безнаказанно проходили по лицу человѣка, не исказивъ ничего въ благородныхъ и мужественныхъ чертахъ. У такихъ народовъ есть затаенная мысль или, лучше сказать, не мысль, а *непочатая сила*, непонятная имъ самимъ до поры, до времени, которая даетъ возможность переносить самыя подавляющія несчастія, какъ крѣпостное состояніе". (VI, 76).

Теперь, когда у порога русской жизни стоитъ болѣе свирѣпый и

безпощадный врагъ, чѣмъ печальной памяти крѣпостные помѣщики, когда домогается тираннической власти и господства идейный и уличный пролетаріатъ, люди вчерашняго дня, люди мстительнаго и ожесточеннаго невѣжества, люди, въ личномъ эгоизмѣ потопившіе совѣсть, люди преступленій и насилія, люди крови и убійства, люди амнистіи и безотвѣтственности, палачи по убѣжденію и профессіи, насильники по инстинкту и влеченію,—только вѣра въ здоровый мужицкій умъ и даетъ нѣкоторую надежду на возможность спасенія отъ конечной гибели. Безграмотный, безкровный и голодный мужикъ оказывается единственнымъ носителемъ общественной правды, общественной устойчивости и дѣйствительно человѣческой, а не скотской жизни. Если Герценъ былъ правъ,—а мы убѣждены, что въ данномъ случаѣ онъ былъ правъ,—если „благородныя и мужественныя черты“ русскаго мужика, теперь не крѣпостнаго, проявятся во всей своей красотѣ и силѣ, всѣ площадные и академическіе пролетаріи превратятся въ камень, какъ отъ лица Медузы.

„Сверхъ колоссальнаго горизонта и неустановившейся атмосферы, вы забыли еще одинъ элементъ,—говорилъ Герценъ въ статьѣ „Россія и Польша“,-дающій огромную свободу мысли, а именно нашу привычку, тоже „отъ самыхъ пеленокъ“, вовсе не думать о политической независимости, о государственной самобытности. Мы не доказываемъ нашу народность, мы не боимся за нее, nous ne la faisons par valoir. Она такой незыблемый, неопровергаемый, очевидный фактъ, что мы забыли ее, какъ дыханіе, какъ біеніе сердца“ (VI, 292).

Эти бы слова да Богу въ уши: очередь за Миниными и Пожарскими.

XVII.

Русскіе нѣмцы.

Но правда-ли это? Вѣдь мы имѣемъ дѣло съ „темнымъ и невѣжественнымъ“ народомъ, холопомъ и смердомъ отъ вѣка, вьючнымъ скотомъ, который не различаетъ тьмы отъ свѣта, зла отъ добра, который, какъ неуклюжая океанида, копается гдѣ-то въ грязи, на прокормъ и пропой интеллигенціи. Вѣдь именно таково завѣтнѣйшее вѣрованіе и убѣжденіе нашей интеллигенціи „съ ея добросовѣстною вѣрою въ несбыточныя вещи“ (V, 198), которая „смотритъ съ отвращеніемъ стыдящагося родственника на народъ“ (VI, 256).

Наша интеллигенція въ погонѣ за благомъ всего человѣчества, имѣла самыя смутныя представленія о своей странѣ и, по суду мужика, вся поголовно перешла въ „нѣмцы“.

„Вступивъ однажды въ нѣмцы, выйти изъ нихъ очень трудно, какъ свидѣтельствуетъ весь петербургскій періодъ. Какой-то нервъ портится, какой-то уголъ отшибается и въ силу этого теряется всякая возможность понимать что-нибудь русское,—по крайней мѣрѣ, то русское, которое составляетъ народную особность.

„Дѣло-то въ томъ, что жизнь русскую, неустановившуюся, задержанную и искаженную, вообще трудно понимать безъ особеннаго сочувствія, но во сто разъ труднѣе въ *нѣмецкомъ переводѣ*; а мы ее только въ немъ и читаемъ. Она ускользаетъ отъ чужихъ опредѣленій, а сама не достигла того устоявшагося полнаго сознанія и отчета, которое является у старыхъ народовъ вмѣстѣ съ сѣдиною и печальнымъ припѣвомъ: si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!

„Вмѣсто статистическихъ, юридическихъ, историческихъ торныхъ дорогъ, по которымъ мы ѣздимъ во всѣ стороны на западѣ, у насъ вездѣ лѣсъ, проселки, дичь... Стремленія, способности, огромный ростъ, въ ужасъ приводящее молчаніе и какой-то народный бытъ, засыпанный мусоромъ... Вотъ и все. Есть признаки, *примѣты*, звуки, симпатіи, по которымъ многое дѣлается понятнымъ для простаго ума, т. е. не предупрежденнаго, для простаго сердца, для кровной связи. Это чутье совершенно притупляется нѣмецкой дрессировкой.

„Кто не видалъ въ свою жизнь истаго городскаго жителя, какъ онъ теряется въ полѣ, въ лѣсу, въ горахъ?.. Ни будочника, чтобы спросить дорогу, ни номеровъ, ни фонарей. А крестьянскій мальчикъ попѣваетъ пѣсни, щелкаетъ орѣхи и преспокойно идетъ домой.

„Той ясности, той легкости, къ которой насъ пріучаетъ чтеніе духовныхъ завѣщаній, надгробныхъ надписей, оконченныхъ процессовъ, мы не находимъ и, обращаясь къ хаосу русской жизни, ломаемъ и гнемъ непонятные факты въ чужую мѣру“. (VI, 258).

Герценъ, конечно, не такой безпомощный туристъ, какъ наши интеллигенты подъ нѣмца, которымъ безъ будочника чистый зарѣзъ. Но онъ все еще видитъ хаосъ тамъ, гдѣ крестьянскій мальчикъ преспо-

койно идетъ домой. Онъ все еще чужой въ этой мѣстности, хотя лучше другихъ находитъ дорогу.

„Европа послѣ всѣхъ реформъ и революцій, остановилась на грудахъ труповъ, по колѣна въ крови передъ страшнымъ, неразрѣшимымъ сфинксомъ—поземельной собственности и пролетаріата, капитала и работника. Ни французскій дѣлежъ земли на атомы, ни паразитная жизнь англійскаго фермерства—ничего не устраняютъ, ничего не предупреждаютъ. Земли становится меньше и меньше, владѣлецъ губитъ пахаря, капиталъ работника—и хоръ пролетаріевъ изъ мастерскихъ, изъ фабрикъ, съ полей, все сильнѣе и сильнѣе поетъ ліонскій припѣвъ: „свинецъ или хлѣбъ! смерть или работу"!

„Говорятъ, что возлѣ есть народъ, у котораго совсѣмъ другое отношеніе къ поземельной собственности, у котораго на дѣлѣ существуютъ вѣками уцѣлѣвшіе разные виды коммунистическаго владѣнія землею—отъ ежегоднаго дѣлежа полей между общинниками до полной собственности. Правда-ли, нѣтъ-ли, но согласитесь, что при настоящемъ положеніи экономическаго вопроса нельзя не изслѣдовать такого важнаго факта. Изученіе его можетъ-же дать столько-же наблюденія, какъ микрометрическіе опыты фаланги и икарійцевъ?

„Что же вы думаете? Обратились-ли люди на эти факты, изучили ихъ, опровергли, подтверждали? Нѣтъ. Они осмѣяли тѣхъ, которые говорили". (VI, 222—223).

Соціализмъ и коммунизмъ здѣсь, конечно, ни къ чему. Это остатки идейнаго жупела. Внѣшнее сходство въ отношеніяхъ къ землѣ еще не сглаживаетъ глубокой разницы въ отношеніяхъ къ ближнему. А въ этомъ вся суть. Тѣмъ не менѣе Герценъ глубоко правъ, когда смѣется надъ идейными педантами, которые боятся найти то, чего такъ ищутъ.

XVIII.

„Мы господскіе, а земля наша".

„Представьте себѣ то удивленіе, которымъ было поражено наше образованное меньшинство, когда оно, обращая съ отчаяніемъ взглядъ свой средь этого кораблекрушенія въ эту темную ночь и не находя нигдѣ ни совѣта, ни помощи, ни указанія, ни маяка, увидѣло какой-

то тусклый свѣтъ и этотъ свѣтъ мерцалъ отъ лучины, зажженной въ избѣ русскаго мужика!

„...Этотъ дикій, этотъ пьяный, въ бараньемъ тулупѣ, въ лаптяхъ, ограбленный, безграмотный, этотъ парій, котораго лучшіе изъ насъ хотѣли изъ милосердія оболванить, а худшіе продавали на своз и покупали по счету головъ, этотъ нѣмой, который въ сто лѣтъ не вымолвилъ ни слова и теперь молчитъ,—будто онъ можетъ что-нибудь внести въ тотъ великій споръ, въ тотъ нерѣшенный вопросъ, передъ которымъ остановилась Европа, политическая экономія, экстраординарные и ординарные профессора и государственные люди?

„Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ онъ внести, кромѣ продымленнаго запаха черной избы и дегтя?

„Вотъ подите тутъ и ищите справедливости въ исторіи: мужикъ нашъ вноситъ не только запахъ дегтя, но еще какое-то допотопное понятіе о *правѣ каждаго работника на даровую землю*. Какъ вамъ нравится это? Положимъ, что еще можно допустить *право на работу*. Но—*право на землю*?

„А между тѣмъ оно у насъ больше, чѣмъ право: оно фактъ. Оно больше, чѣмъ признано: оно существуетъ. Крестьянинъ на немъ стоитъ. Онъ его мѣритъ десятинами и для него его право на землю послѣдствіе *рожденія* и *работы*. Оно такъ-же несомнѣнно въ народномъ сознаніи, такъ-же логически вытекаетъ изъ его понятія родины и необходимости существованія возлѣ отца, какъ право на *воздухъ*, пріобрѣтаемое дыханіемъ, вслѣдъ за отдѣленіемъ отъ матери.

„Право каждаго на пожизненное обладаніе землею до того вросло въ понятія народа русскаго, что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленнаго въ крѣпость, оно выразилось повидимому—безсмысленной поговоркой: *мы господскіе, а земля наша*". (VI, 283—284).

Тутъ, конечно, своя логика. Долго и про себя мужикъ таилъ одну завѣтную думу. Если бы онъ умѣлъ говорить по нашему, онъ сказалъ бы, что господа—одна изъ равновидностей пролетаріата, что они не прочно сидятъ на землѣ, что они со временемъ „пройдутъ", какъ проходятъ другія формы пролетарской притязательности и въ сущности болѣзненнаго безволія. Оторвавшись отъ земли и работы, люди всегда не знаютъ, чего хотѣть, раскидываются на всѣ стороны разомъ

и разсѣиваются, какъ пыль, когда угомонится вѣтеръ. И теперь на землѣ ничего, кромѣ деревни, прочнаго нѣтъ.

„Сверхъ признанія права каждаго на землю, въ народномъ бытѣ нашемъ есть другое начало, необходимо пополняющее первое, безъ котораго оно никогда не имѣло-бы своего полнаго развитія. Это начало состоитъ въ томъ, что земля на пользованіе которой каждый имѣетъ право, съ тѣмъ вмѣстѣ никому не принадлежитъ *лично и потомственно*.

„Далѣе, *право на землю* и *общинное владѣніе* ею предполагаютъ сильное *мірское устройство*, какъ родоначальную базу всего государственнаго зданія, долженствующаго развиться на этихъ началахъ. Мірское управленіе уцѣлѣло подъ гнетомъ иностраннаго правительства и помѣщичьей власти—такъ, какъ въ Мореѣ уцѣлѣло коммунальныя и городскія права подъ властью Османлисовъ. Этотъ характеръ мірскаго управленія русскихъ деревень поразилъ Гакстгаузена, потомъ разныхъ американскихъ путешественниковъ и въ томъ числѣ извѣстнаго экономиста Кэри, который мнѣ самъ говорилъ, возвратясь изъ Россіи въ нынѣшнемъ году, что „въ мірскомъ началѣ нашихъ коммунъ лежитъ великая основа самоуправленія“.

„Итакъ, элементы, вносимые русскимъ крестьянскимъ міромъ, элементы стародавніе, но теперь приходящіе къ сознанью и встрѣчающіеся съ западнымъ стремленьемъ экономическаго переворота, состоятъ изъ трехъ началъ, изъ:

1. *права каждаго на землю,*
2. *общиннаго владѣнія ею,*
3. *мірскаго управленія.*

„На этихъ началахъ и *только на нихъ* можетъ развиться будущая Русь“. (VI, 184—285).

Всѣ элементы формулы русской общинности на лицо, но сама формула поставлена вверхъ ногами: слѣдствія поставлены на мѣсто причинъ, а причины на мѣсто слѣдствій. Прежде всего, мірское самоуправленіе въ той формѣ, въ которой оно существуетъ, возможно только на почвѣ христіанскихъ понятій въ ихъ православномъ пониманіи. Только поэтому и возможно общинное владѣніе ею, а отсюда и права на землю.

„Община спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства, отъ

выкрашенныхъ по-европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хотя и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательствъ власти; она благополучно дожила *до развитія соціализма въ Европѣ*.

„Это обстоятельство безконечно важно для Россіи“. (V, 274).

„Народъ русскій все вынесъ, но спасъ общину. Община спасла народъ русскій. Уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи. И коснуться до нея въ то время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому-нибудь общинному устройству“! (V, 295—296).

„Скорость, съ которою часть населенія покорилась европейскимъ обычаямъ, отрекшись отъ своихъ старыхъ привычекъ, ясное доказательство того, что московское государство никогда не было полнымъ выраженіемъ жизни народной и что существованіе его было только временное. Одни крестьяне противодѣйствовали, когда перемѣны касались ихъ быта и, страдательно уклоняясь, не приняли преобразованій Петра I. Они остались вѣрнымъ хранителемъ народности, основанной (по выраженію Мишле) на *коммунизмѣ*, т. е. на постоянномъ раздѣлѣ полей по числу работающихъ и на отсутствіи личнаго обладанія землею“. (V, 307—308).

XIX.

Община и земля.

Община и общинное владѣніе землею—несомнѣнный и, конечно, очень крупный фактъ въ жизни русскаго народа. Это одна изъ внѣшнихъ оболочекъ, которыя прикрываютъ тайны русской народной психологіи и поэтому будущей русской философіи. Если онъ не ускользнулъ отъ вниманія нѣмца Гакстгаузена, заѣзжаго туриста, то конечно, Герцену, когда онъ откладывалъ идейные телескопы и микроскопы, было гораздо ближе это характерное явленіе русской жизни. Но объяснить его онъ не могъ. Его мысль дальше внѣшности и поверхности не проникала.

Правда, онъ бросалъ намеки, которые доказываютъ, что и ему извѣстна тайна удивительнаго и для чужихъ непонятнаго строя жизни. Онъ говорилъ, что у мужика не только иныя, чѣмъ на Западѣ, от-

ношенія къ землѣ, но и иныя отношенія къ ближнимъ. На этой точкѣ ему слѣдовало-бы остановиться. Не стоятъ-ли тѣ и другія отношенія въ взаимной связи?—Не обусловливаютъ-ли они другъ друга? А если такъ, то что ставить въ первую голову —землю или ближнихъ? Землю,—говорилъ Герценъ. Ближнихъ,—говорятъ славянофилы.

Здравый смыслъ и логика здѣсь, конечно, не на сторонѣ Герцена. Отношенія къ землѣ въ русской общинѣ являются отношеніями не къ землѣ собственно, а къ тѣмъ-же ближнимъ. Отношенія къ землѣ, какъ—по теперешней пролетарской терминологіи—мертвому орудію производства, никакого нравственнаго начала въ себѣ не заключаютъ и заключать не могутъ. Они окрашиваются бытовою, моральною и духовною радугою только на почвѣ отношеній къ ближнимъ.

Это, можно было бы сказать, азбучная истина. Но плохо ученымъ и особенно идейнымъ людямъ—она совершенно недоступна. Чѣмъ ученѣе по современной научности человѣкъ, тѣмъ онъ простоватѣе, доверчивѣе, наивнѣе и тупѣе. Онъ вѣритъ книжкѣ и претендуетъ понимать только непонимаемое. Поэтому все простое и ясное для него совершенно не существуетъ.

Слѣды идейной ограниченности замѣчены и на отношеніяхъ Герцена къ общинѣ. Иногда онъ бьетъ совсѣмъ не въ тотъ колоколъ. Вмѣсто трезвона иногда начинаетъ бить въ набатъ, возвѣщая пожаръ или мятежъ, когда все просто, мирно и спокойно. Сюда относятся всѣ его рѣчи о соціализмѣ и коммунизмѣ. Не на русской почвѣ создались эти понятія и къ русской почвѣ никогда не подходили и не подойдутъ. Въ нихъ совсѣмъ другая психологія и именно поэтому они не примѣнимы къ русской жизни. Западный коммунизмъ на русской почвѣ перестаетъ быть коммунизмомъ. На западной почвѣ онъ возникъ изъ началъ эгоизма, утилитаризма, классовой борьбы, борьбы за существованіе,—изъ началъ, которыхъ нѣтъ въ русской совѣсти. Коммунизмъ и соціализмъ носятъ признаки принужденія, насильственности, тираніи. Общинное землепользованіе смѣшно и безсмысленно внѣ общаго добровольнаго соглашенія.

Соціалистическая коммуна имѣетъ въ виду землю, только какъ орудіе производства, и во всемъ преслѣдуетъ только матеріальныя цѣли. Русская община прежде всего и самымъ существеннымъ образомъ институтъ моральный. Коммунистическая община—какъ всякая отвлеченная доктрина, какъ всякая идейная утопія—стоитъ внѣ времени и пространства, пріобрѣтаетъ абсолютное значеніе, т. е. для каждаго народа и каждой эпохи. Поэтому она неподвижна, неуклюжа, стѣсняетъ свободу совѣсти и личности, т. е. попросту мертва уже въ зародышѣ, какъ всѣ мечты и грезы пролетаріата.

Русская община зорко смотритъ на давно и хорошо знакомую среду, видитъ каждую перемѣну въ личностяхъ и обстоятельствахъ, приспособляется ко всякимъ перемѣнамъ, каждую минуту живетъ и творитъ, нуждается въ догадкѣ и вдохновеніи, находчивости и смѣтливости, нуждается въ каждомъ умѣ и каждой способности. Рѣшеніе общины—плодъ личныхъ способностей и личной находчивости каждаго отдѣльнаго члена, оформленный и сглаженный авторитетомъ общаго согласія и одобренія. Эта автономная семья, съ которой всѣ до одного члены безусловно автономны въ своихъ мнѣніяхъ и рѣшеніяхъ, но ради общаго блага въ дѣятельности ближайшей и непосредственной добровольно подчиняются общему соглашенію и приговору.

До такой общины и коммунизму, и коллективизму далеко. Это мертвецы съ людныхъ улицъ Запада, гдѣ каждый живетъ для себя. На просторѣ полей сильнѣе и слышнѣе запахъ ихъ разложенія и гніенія. Въ русской деревнѣ онъ не ко двору: тамъ несравненно выше, цѣльнѣе, справедливѣе и умнѣе строй общественной жизни. Ни коммунизмъ, ни соціализмъ съ христіанствомъ не совмѣстимы. Это языческій режимъ поголовной сытости, по мнѣнію сторонниковъ,—полунищеты и полусытости на самомъ дѣлѣ. Это начала стадной, почти скотской жизни, что бы ни болтали мечтатели и педанты. Русская община состоитъ изъ людей, изъ которыхъ каждый имѣетъ голосъ и право рѣшенія.

Н. М. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Т 24/10

1906. Іюль—Августъ. XI.

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№№ 7—8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136. 1906.

Редакція „Миссіонерск. Обозр.“ Невскій, 153. Телеф. № 5226.

Содержаніе іюль-августовской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1906 годъ.

По общимъ вопросамъ православной вѣры церковной жизни.

Миссіонерскій отдѣлъ.

По сектовѣдѣнію.

По расколовѣдѣнію.

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

1906. **XI.**

Іюль—Августъ.

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№№ 7—8.

...ссіонерск. Обозр.“

1906.

...Невскій, ... Телеф. № 5226.

Герценъ и наши дни.

XX.

Разумъ утренній и разумъ вечерній.

Герцену приходилось подходить къ русской общинѣ—этому загадочному для него сфинксу почти вплотную. Отмѣтимъ нѣкоторые характерные намеки.

„Утвердилось русское государство страшными средствами: рабствомъ, кнутомъ, казнями гнали народъ русскій къ образованію огромной имперіи. Сквозь строй шелъ онъ на совершеніе судебъ своихъ. Сердиться на прошедшее—дѣло праздное. Живой взглядъ состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться всѣми силами, хорошо-ли онѣ пріобрѣтены или дурно, кровью-ли достались или мирнымъ путемъ. Военныя поселенія, какъ я сказалъ, проходятъ, но села остаются. На нашей движущейся, не сложившейся почвѣ только и есть консервативнаго, что сельская община, т. е. только то, что слѣдуетъ сохранить.

„Читалъ я ваши споры объ общинѣ. Они очень любопытны, но меньше, чѣмъ кажется, идутъ къ дѣлу. Родовое-ли начало сельской общины или государственное, была-ли земля общинная, помѣщичья, или великокняжеская, скрѣпило-ли крѣпостное право общину или нѣтъ,—все это надо привести въ ясность. Но для насъ всего важнѣе настоящее положеніе дѣлъ. Фактъ, отклонившійся или нѣтъ, вѣрный или невѣрный, втѣсняетъ себя, какъ онъ есть. Государство и крѣпостное право по своему сохранили родовую общину. Постоянное, *зимующее* начало, оставшееся въ ней отъ патріархализма, вовсе не утратилось. Общинное владѣніе землею, міръ и выборы составляютъ почву, на которой легко можетъ вырости новая общественная жизнь — почву, которой, какъ нашего чернозема, почти нѣтъ въ Европѣ.

„Вотъ почему, любезный другъ, я середь мрачнаго, раздирающаго душу реквіема, середь темной ночи, которая падаетъ на усталый, больной западъ, отворачиваюсь отъ предсмертнаго стона великаго бойца, котораго уважаю, но которому помочь нельзя, и съ упованіемъ смотрю на нашъ родной востокъ, внутри радуясь, что я русскій". (V, 336—337).

Какъ увидимъ ниже, Герценъ иногда и иначе—проще и яснѣе—объяснялъ утвержденіе русскаго государства. Здѣсь мы видимъ, что Герценъ считается только съ наличною жизнью общины, игнорируя ея историческій и психологическій смыслъ. Но пока намъ важна его вѣра въ будущность общины.

Герценъ, какъ извѣстно, больше всего боялся „ученыхъ друзей нашихъ, западныхъ доктринеровъ, донашивающихъ старое платье съ плечъ политической экономіи, правовѣдѣнія и проч., централизаторовъ по-французски и бюрократовъ по-прусски" (VI, 286).

„Завися, какъ католическое духовенство отъ чужой власти, они должны по стопамъ своихъ учителей питать зубъ противъ всего соціальнаго, а тутъ, какъ нарочно, на самомъ порогѣ „право на землю", „общинное владѣніе". Вотъ почему мы думаемъ, что, если они одолѣютъ, они помѣшаютъ взойти тѣмъ всходамъ чисто народнаго устройства, которому стоитъ не мѣшать, чтобы урожай былъ хорошъ. А улучшенія, которыя они принесутъ намъ, хотя и будутъ улучшенія, но съ ними развѣ можемъ надѣяться, что вѣка черезъ полтора, дойти до того состоянія, изъ котораго Пруссія стремится теперь выйти". (VI, 287),

Здѣсь любопытна одна черта общественной психологіи образованнаго меньшинства, занимающаго даровую квартиру надъ русскимъ народомъ. Правительствующіе нѣмцы всегда, конечно, были противъ общины. Но они были слишкомъ трусливы и осторожны. Нужно много идейной пролетарности, чтобы поднять руку надъ глубокоукоренившимся и неистребимымъ строемъ народной жизни. На помощь бюрократамъ пришли литераторы и передовые умы. Смѣлости и отрицанія у нихъ было больше, потому что рѣшительно никакой отвѣтственности они не несли за свою идейную болтовню. Къ нимъ скоро примкнула вся интеллигенція. Показателемъ новой перемѣры фронта, какъ всегда, явилась уличная пресса. Такъ возникло идейное теченіе противъ общины,

т. е. противъ народа, рука объ руку съ значительною частью бюрократiи.

Вообще, чтобы хоть сколько-нибудь уяснить текущую путаницу понятiй, надо помнить, что наша интеллигенцiя до мозга костей бюрократична, что всякiй Носарь-Хрусталевъ хочетъ такъ же *управлять*, какъ и графъ Витте, что делегаты рабочихъ союзовъ прежде всего присвоиваютъ себѣ всѣ функцiи полицейскаго участка. Вопросъ идетъ не о самоуправленiи страны, а о правѣ управленiя страною той или другой фракцiи меньшинства. Отсюда тупость идейности и варварство такъ называемой „сознательности".

Отмѣтимъ еще рядъ замѣтокъ Герцена, опредѣляющихъ его отношенiе къ мужику и деревнѣ.

„Западные публицисты съ тѣмъ несокрушимымъ упрямствомъ, которое имъ даетъ ненависть къ Россiи и невѣжество, смѣются, когда мы говоримъ о великомъ историческомъ значенiи нашего освобожденiя крестьянъ съ землею. А намъ кажется вопросъ этотъ до того важнымъ, что одно постановленiе его ставитъ насъ на совсѣмъ другую ногу съ Европой и даетъ Александру II мѣсто въ числѣ величайшихъ государственныхъ дѣятелей нашего времени". (VI, 281—282).

„Первый актъ возмущенiя противъ западно-историческаго ига сдѣланъ *образомъ постановленiя* вопроса объ освобожденiи крестьянъ. Тутъ правительство сорвалось съ битой западной колеи, взявъ въ основу *нелѣпость* общиннаго владѣнiя и *предразсудокъ* освобожденiя *съ землею*. Надобно, чтобы правительство нашло мужество независимости передъ *порицанiемъ мудрыхъ мiра сего*—такъ, какъ его имѣлъ апостолъ Павелъ, сознаваясь, что *истина*—сумасбродство для эллиновъ" (VI, 241).

Этотъ шагъ кажется настолько важнымъ для Герцена, что онъ именно по этому поводу сдѣлалъ одно характерное замѣчанiе.

„...Разумъ не *одинъ*. Ихъ *два*. Разумъ мiра *садящагося, вечерняго* не совпадаетъ съ разумомъ мiра *восходящаго, утренняго*" (VI, 241).

Пока—совсѣмъ напротивъ. Торжествуетъ „садящiйся, вечернiй разумъ" русскихъ иноземцевъ. Но—сбудется и это пророчество Герцена, хотя его осуществленiе не дешево обойдется русской интеллигенцiи.

„Россiя является совсѣмъ особеннымъ мiромъ, съ *своимъ* естественнымъ бытомъ, съ *своимъ* физiологическимъ характеромъ,—не европейскимъ, не азiатскимъ, но славянскимъ. Она участвуетъ въ судьбахъ Европы, не имѣя ея историческихъ преданiй, свободная отъ ея обязательствъ прошедшему.

— Какое счастье,—сказалъ Бентамъ Александру I, когда онъ былъ въ Лондонѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ,—что русскому законодателю не приходится бороться на каждомъ шагу съ римскимъ правомъ.

„А мы прибавимъ—ни съ феодализмомъ, ни съ католицизмомъ, ни съ протестантизмомъ. Кормчая книга и Уложенiе не захватываютъ всѣ проявленiя жизни, не заправляютъ всякимъ дѣйствiемъ. Остальныя учрежденiя введены насилiемъ и держатся насилiемъ.

„У насъ нигдѣ нѣтъ этихъ наглухо заколоченныхъ предразсудковъ, которые у западнаго человѣка, какъ параличъ, отбиваютъ цѣлую половину органовъ. Въ основѣ народной жизни лежитъ сельская община —съ раздѣленiемъ полей, съ коммунистическимъ владѣнiемъ землею, съ выборнымъ управленiемъ, съ правомѣрностью каждаго работника (тягла). Все это находится въ состоянiи подавленномъ, искаженномъ, но все это живо и пережило худшую эпоху.

„Если это сколько-нибудь такъ, то надобно быть русскимъ для того, чтобы именно въ эти черные дни Европы обратить на Россiю особенное вниманiе. Оно, впрочемъ, такъ и дѣлается. Россiя занимаетъ многiе сильные умы. Мнѣ самому приходилось говорить объ Россiи съ серьезными людьми, какъ Прудонъ и Маццини... И я увѣряю, что взглядъ ненависти и страха замѣняется раздумьемъ и желанiемъ поближе узнать это новое явленiе, котораго *силу и право* на будущее отрицать нельзя; да они этого и не хотятъ" (V, 335—336).

И Герцену казалось, что „восходящiй, утреннiй разумъ" мужицкой общины и мужицкой совѣсти будетъ развиваться быстро и скоро принесетъ свои плоды.

„Конечно, послѣднее тридцатилѣтiе было тяжко и все историческое развитiе наше шло труднымъ и мудренымъ путемъ. Но развѣ оно не дало своихъ залоговъ? Развѣ мы остановились, устали? Развѣ Русь раздробилась на части, подпала чужому владычеству? Нѣтъ, мы сто-

имъ цѣлы и невредимы, полные силъ, связанные единствомъ передъ новымъ путемъ.

„Насъ пугаетъ ужасное и отсталое состояніе народа, его привычка къ безправію, бѣдность, подавляющая его. Все это неоспоримо затрудняетъ развитіе. Но, въ противоположность Бюргеровой баллады, мы скажемъ: *живые ходятъ быстро*, - и шагъ народныхъ массъ, когда онѣ принимаются двигаться, необычайно великъ. У насъ-же не къ новой жизни надо ихъ вести, а отнять то, что подавляетъ ихъ собственный стародавній бытъ“ (VI, 172).

Событія шли медленнѣе, чѣмъ думалъ Герценъ. Только теперь, на нашихъ глазахъ сошлись и столкнулись два разума,—разумъ мужицкой совѣсти и разумъ дряхлаго, истощеннаго и безплоднаго схоластическаго пролетаріата. Близкое будущее покажетъ перипетіи борьбы. Но мы съ Герценомъ вѣримъ, что будущее не за книжниками и фарисеями, не за паразитами въ чужомъ дому, не за ренегатами русской жизни.

XXI.

Община и свобода личности.

Въ мнѣніяхъ Герцена объ общинѣ есть одна характерная черта,—по нашему мнѣнію, объясняющая все дѣло. Ему казалось, что въ общинѣ нѣтъ свободы личности.

„Свобода лица—величайшее дѣло. На ней и *только на ней* можетъ выросги дѣйствительная воля народа. Въ себѣ самомъ долженъ человѣкъ уважать свою свободу и чтить ее не менѣе, какъ въ ближнемъ, какъ въ цѣломъ народѣ“. (V, 170—171).

Нельзя не привѣтствовать этихъ мудрыхъ и благородныхъ словъ. Но надо помнить, что по немощности человѣческой природы уважать свободу въ цѣломъ народѣ, а особенно въ другомъ, гораздо труднѣе, чѣмъ уважать свободу въ себѣ и для себя. Это обычный промахъ всѣхъ эгоистическихъ натуръ. А ихъ вѣдь, если не ошибаемся, въ природѣ не мало. Изъ этого-то и возникаетъ вопросъ величайшей важности для всякаго государства, для всякаго общества, для всякаго народа,—какъ установить грань между нашею личною свободою, свободою другихъ и свободою общины и народа. Чтобы осуществить свою

свободу, нельзя насиловать и угнетать другихъ. А какъ это сдѣлать? Кто знаетъ? Кто это сказалъ и даже кто объ этомъ думалъ?—Только русскій мужикъ. И этотъ вопросъ онъ вполнѣ и до конца разрѣшилъ въ своей общинѣ.

„Русскій народъ, подавленный рабствомъ, не можетъ идти по колеѣ европейскихъ народовъ, повторяя ихъ прошлыя революціи, исключительно городскія, и которыя тотчасъ пошатнули бы основанія его общинной организаціи.

„Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self-goverпemeпt по городамъ и по всему государству, сохраняя народное единство,—вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи, т. е. вопросъ той-же соціальной антиноміи, которой рѣшеніе занимаетъ и волнуетъ умы запада.

„Государство и отдѣльная личность, власть и свобода, коммунизмъ и эгоизмъ (въ обширномъ смыслѣ слова)—вотъ геркулесовы столбы великой борьбы, великой революціонной эпопеи.

„Европа даетъ рѣшеніе изуродованное и отвлеченное.

„Россія изуродованное и дикое.

„Будущее никогда не формируется прежде своего осуществленія.

„Народы англосаксонскіе освободили лицо на счетъ общественной и круговой поруки, обособляя человѣка. Русскій народъ сохранилъ общинное устройство, отрицая личность, поглощая человѣка“. (V, 320).

„Задача новой эпохи, въ которую мы входимъ, состоитъ въ томъ, чтобы на основаніяхъ науки, сознательно развить элементъ нашего общиннаго самоуправленія до полной свободы лица, минуя тѣ промежуточныя формы, которыми по необходимости шло, плутаясь по неизвѣстнымъ путямъ, развитіе Запада. Новая жизнь наша должна такъ заткать въ одну ткань эти два наслѣдства, чтобы у свободной личности *земля осталась подъ ногами*, чтобы общинникъ былъ совершенно свободное лицо“. (VI, 285).

XXII.

Свобода и амнистія.

Къ главной задачѣ устройства народной жизни Герценъ подошелъ такъ близко, какъ къ ней не подходилъ еще ни одинъ западникъ.

Надо было сдѣлать одинъ только и небольшой шагъ, чтобы перейти „въ восходящій, утренній“ міръ. Но онъ этого шага не сдѣлалъ.

Правъ онъ въ томъ, что это „главная задача“ нашего времени, которую сознательно и добросовѣстно, хотя бы только для себя, долженъ рѣшить каждый человѣкъ, который беретъ на себя отвѣтственность за любое общественное и политическое дѣло. Здѣсь главный узелъ всѣхъ и всякихъ политическихъ споровъ. Это камень многимъ на паденіе и очень немногимъ на возстаніе. Это поворотный моментъ въ философіи и совѣсти каждаго человѣка. Это девизъ, который рѣзко разграничиваетъ партіи, отдѣляетъ мечтательныхъ насильниковъ отъ свободныхъ и не стѣсняющихъ чужой свободы членовъ свободнаго общества.

Герценъ не замѣтилъ того, что свобода лица осуществляется во всей той полнотѣ, въ которой она возможна въ разумномъ и нравственно-воспитанномъ обществѣ, въ общинѣ, вѣрной завѣтамъ Христовой любви къ ближнему. Самыя гордыя мечты о самодержавной независимости личности, о кантовской автономіи каждаго отдѣльнаго лица вполнѣ совмѣстимы съ общиннымъ строемъ и внѣ его теряютъ всякій смыслъ, становятся безпочвенными утопіями, фатальными движеніями сомнамбулизма.

Говоримъ о принципіальной сторонѣ дѣла, а не о практическихъ формахъ осуществленія. Россія даетъ „рѣшеніе изуродованное и дикое“? Что это значитъ? Въ основахъ общинной жизни Герценъ видѣлъ болѣе высокія и чистыя нравственныя начала, чѣмъ тѣ, которые лежатъ въ основѣ западнаго эгоизма и западной борьбы. Что-же въ нихъ дикаго? Если-же они изуродованы, народъ не виноватъ. Община въ Россіи давно уже лишена свободы. Она долго пряталась и теперь прячется отъ идейныхъ глазъ начальства и интеллигенціи и жила, таясь отъ „свѣта“ мнимой научности и идейнаго изувѣрства. Но она жила и живетъ, потому что это единственная форма жизни и въ золотые дни свободы, и въ особенности въ дни гнуснаго рабства, когда верхній слой пытается расшатать и съ корнемъ вырвать общественное сознаніе низшаго слоя, замѣнивъ его буйными инстинктами пролетаріата.

Два вѣка подъ помѣщиками и полъ-вѣка подъ интеллигентами, людьми омертвѣвшей совѣсти и мертваго знанія, вооруженными для борьбы съ народомъ всѣми послѣдними словами науки и всѣми средствами идейнаго и экономическаго угнетенія, не сломили общины, но крѣпко ее помяли, притиснули къ землѣ и скрутили гужами и веревками. Вотъ откуда идутъ слѣды уродства. Они не изъ общины, а извнѣ. Ее калѣчила рука идейныхъ палачей и тупицъ, ее давила дѣйствительно уродливая оболочка чужихъ формъ. Внѣ этого вѣковаго гнета, за общимъ дѣломъ въ большихъ размѣрахъ она заявить себя не могла, хотя существенныя стороны ея уклада видны и подъ этой искаженной внѣшностью.

Противопоставлять общину и свободу личности—это значитъ говорить не о свободѣ личности, а о правѣ ея на тираннію, хотя бы большинство было не на сторонѣ единичнаго или партійнаго мнѣнія.

Кто можетъ стѣснить свободу въ области мнѣнія, въ области личныхъ убѣжденій, въ привычкахъ мышленія и въ самобытномъ строѣ ума? Община состоитъ изъ живыхъ и свободныхъ людей и каждый имѣетъ всѣ права личнаго самоопредѣленія,—но только до той черты, за которою начинается насиліе надъ чужой свободой. Когда рѣшается не личное, но общее дѣло и одинъ человѣкъ не путемъ убѣжденія, но путемъ принужденія стремится къ торжеству и успѣху своей личной мысли, онъ, сохраняя свободу только для себя, этимъ самымъ перестаетъ быть свободнымъ и переходитъ если не въ станъ рабовъ, то въ лагерь деспотовъ и насильниковъ. Въ общемъ дѣлѣ тотъ не признаетъ чужой свободы, кто не подчиняется общему рѣшенію. Онъ уходитъ изъ семьи свободныхъ людей, свободно рѣшающихъ судьбы общаго дѣла, если, даже сохраняя свои мнѣнія и убѣжденія, не примкнетъ къ общему голосу своей среды.

Говорить о свободѣ на необитаемомъ островѣ—риторическій фокусъ. Рѣчь о свободѣ понятна только тамъ, гдѣ говорятъ о свободномъ общеніи людей. И здѣсь нравственный судъ ближнихъ получаетъ всю свою силу. Противоестественно за чужую ошибку или за чужую испорченность отвѣчать своими боками. При всей, даже неограниченной свободѣ личности, даже въ томъ случаѣ, когда человѣкъ устраиваетъ свои будто-бы собственныя дѣла, онъ не можетъ отказаться отъ отвѣтственности передъ общественнымъ судомъ, который судитъ его отношенія къ ближнимъ нравственнымъ судомъ, по разуму и совѣсти всей общины. Теперь, когда говорятъ о свободѣ личности, всегда и по логикѣ ходячихъ понятій, говорятъ о безотвѣтственности, о невмѣ-

няемости, объ амнистіи. Предполагается, что каждый человѣкъ можетъ дѣлать, что хочетъ, даже тамъ, гдѣ всѣ права имѣютъ отнюдь не его личные интересы. Безотвѣтственность—счастливая принадлежность звѣря, дикаря, раба, которые живутъ подъ принужденіемъ, должны выполнять чужую волю и не имѣютъ ни сознательности, ни свободы. Тамъ, гдѣ кончается отвѣтственность и начинается амнистія,—мы входимъ въ область безсознательности и рабства. Свобода только тамъ, гдѣ всѣ одинаково свободны, гдѣ каждый имѣетъ свою волю и принудительно не поставленъ въ невозможность проявлять ее. Но свобода—не въ мечтахъ, а въ жизни—предполагаетъ единеніе всѣхъ членовъ общества въ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ вопросахъ общественной жизни. Люди враждебныхъ общественныхъ инстинктовъ вмѣстѣ ужиться не могутъ. И свобода общины была бы нарушена, если бы ея отдѣльные члены стали нарушать общепризнанные законы общежитія. И люди неодинаковой общественной совѣсти не могутъ жить вмѣстѣ и рѣшать одно дѣло, какъ общее имъ. Поэтому самыя свободолюбивыя общины всегда оставляли за собою право выбрасывать изъ своей среды тѣхъ членовъ, которые не были проникнуты общимъ духомъ. Лишеніе этого права повело бы къ возможности насилія надъ общиною, къ принудительному господству немногихъ и къ рабству остальныхъ.

То не свобода, что покупается цѣною общаго страданія и несчастія. Это произволъ, источникъ рабства и разслоенія. Вотъ почему въ такой общинѣ и большинство не имѣетъ внѣшняго авторитета. Отдѣльныя явленія реальной жизни не сразу и не всегда подходятъ подъ обычныя нормы установившагося быта. Чтобы освѣтить ихъ свѣтомъ того духа, который собралъ людей въ общину и далъ общинѣ опредѣленный характеръ и типичность, нужна иногда особенная тонкость сужденія, особенная проницательность и догадка и тогда тотъ, кто въ данномъ случаѣ угадалъ общую всѣмъ правду, увлекаетъ другихъ, которые прежде были другого мнѣнія.

Внѣшнія юридическія формы неподвижны и мертвы. Въ нихъ много рутины и безсознательности. Онѣ не считаются съ капризными и пестрыми оттѣнками дѣйствительности. Онѣ учатъ обобщать, подводить къ однообразію, а жизнь разнообразна и пестра. Здѣсь постоянная возможность несправедливости, внѣшняго отношенія къ дѣлу,

духовнаго усыпленія. А совѣсть безсонна и зорка. Она взвѣшиваетъ малѣйшій жизненный оттѣнокъ, внутренній смыслъ всякой подробности и поэтому всегда остается началомъ творческимъ. И этотъ голосъ совѣсти, откуда бы онъ ни шелъ, будитъ совѣсть другихъ людей, которые сошлись въ общину ради общаго дѣла въ единеніи духа. Тамъ, гдѣ нѣтъ этого единенія, тамъ нѣтъ и не можетъ быть ни общины, ни общаго дѣла, ни свободы. Тамъ область насилія и произвола,—область случайнаго преобладанія, неправой побѣды, хотя бы и въ оболочкѣ внѣшней легальности.

При умственномъ и нравственномъ разложеніи общества девизомъ общественной свободы является циничный девизъ: „плевать на всѣхъ“; отсюда распущенность, преступность и порочность, что пролагаетъ дорогу девизу постоянной амнистіи.

Этотъ вопросъ о свободѣ личности въ общественной жизни—является лучшимъ показателемъ здоровья или разложенія общества и народа. Общество дряхлѣетъ, разлагается и падаетъ, гдѣ свобода одинокой личности осуществляется за счетъ свободы другихъ членовъ общества.

Вотъ почему и русскія городскія революціи претятъ русскому мужику, потому что они грозятъ честной и разумной организаціи общиннаго дѣла. Здѣсь столкнулись два міра, два враждебныхъ начала и пытаться объединить ихъ—дѣло большой близорукости и неразсудительности. Кто побѣдитъ? Отвѣтъ простъ и ясенъ. Городское населеніе—часто мѣняется. Ему приходится примѣняться къ обстоятельствамъ, которыя скоро мѣняются и сами. Поэтому оно неустойчиво и недолговѣчно. Деревня отъ тревожной жизни города—далека и считается со стихійными силами, которыя всегда—тѣ-же. Временная побѣда города—миражъ, который въ свое время пропадетъ безслѣдно.

Это, впрочемъ, отнюдь не исключаетъ возможности временной побѣды города,—вѣрнѣе, пролетаріата, потому что все городское населеніе до извѣстной степени проникнуто пролетарскою тенденціею отъ низшихъ слоевъ до высшихъ и поэтому, располагая всѣми орудіями власти и военной силы, можетъ предписать деревнѣ свою случайную волю. Мораль и психологія пролетаріата, охватывая все городское населеніе случайнымъ и временнымъ ожесточеніемъ, разжигая страсти злобами текущаго дня, подталкивая людей на тираннію и терроръ,

можетъ дать такое-же торжество и такую-же побѣду, какія иногда падаютъ на долю всякой хорошо организованной и вооруженной разбойничьей шайки. Но въ такой побѣдѣ уже таятся сѣмена скораго пораженія.

XXIII.

„Что растетъ, то юно".

Въ настоящее время роль общины совсѣмъ не блестяща. Вотъ уже почти двѣсти лѣтъ прошло, какъ деревня сообща, всѣми своими силами вынуждена отбояриваться отъ реформаторовъ, то изъ помѣщиковъ, то изъ начальства, то изъ интеллигенціи, то изъ пролетаріата. При постоянномъ давленіи и натискѣ на деревню это, конечно, дѣло нелегкое. На него община истощаетъ всѣ свои силы. Некогда думать о широкой политической жизни, о честномъ строѣ земли сверху донизу. Не до жиру, быть бы живу.

Но это борьба за существованіе. Это послѣдняя карта, послѣ которой пропадать придется. Такъ жить мужику, какъ его учатъ господа и интеллигенты, конечно, нельзя. Опытъ давно показалъ, что имъ нельзя вѣрить: они сами не умѣютъ жить честно и поэтому не могутъ научить этому и другихъ. И нужно много смѣтливости, изворотливости и находчивости, чтобы перетерпѣть нестерпимую тяготу барскихъ идей, барскаго самодурства и барскаго пролетаріата.

Но это единственное живое зерно во всей нашей жизни. Пока оно было здоровымъ и сильнымъ, оно приносило богатые плоды. Наши историки и теоретики, изучая только дѣла правительства, и высшаго общества, просмотрѣли факты огромнаго значенія. Какое дѣло мужику до русской исторіи двухъ послѣднихъ столѣтій? И что собственно русскаго въ этой исторіи? На немъ никакой вины нѣтъ. На верху дѣлали не свое, а чужое дѣло. А онъ, пока могъ, свое дѣло дѣлалъ. Онъ отощалъ, осѣлъ и угомонился, когда нашей интеллигенціи весьма хитрыми средствами удалось довести его до пролетаризаціи или, вѣрнѣе, до нищеты. То, что имъ сдѣлано, ни для кого не тайна. Это на глазахъ у всѣхъ. Русское государство создано мужикомъ, а не господами. Это лучшее свидѣтельство стойкости и творчества мужика.

Здѣсь мы подходимъ къ самому щекотливому для западниковъ вопросу. Въ русской исторіи они видятъ только нелѣпость, самодурство и произволъ. Это, конечно, и вѣрно, поскольку дѣло идетъ о культурныхъ слояхъ общества. Но вотъ несомнѣнный и очевидный фактъ: русское государство. Безъ ума, безъ совѣсти, безъ энергіи его было сдѣлать нельзя. Кто-же это дѣлалъ? И здѣсь Герценъ ушелъ отъ западниковъ.

„Все то, что ставится такъ дорого другимъ народамъ, Россіи не было зачтено ни во что, или, хуже, послужило ей-же въ обвиненіе: ни то, что она уцѣлѣла подъ татарскимъ игомъ, ни то, что втихомолку выросла и сложилась въ огромное государство, отбившееся отъ всѣхъ сосѣдей и сохранившее самостоятельность; ни ея 1612, ни 1812 годы. О пожарѣ Москвы говорятъ только потому, что слишкомъ много иноплеменниковъ видѣли зарево. Избавила-ли Россія Европу отъ грубаго солдатскаго гнета или замѣнила его другимъ,— объ этомъ можетъ быть вопросъ. Но что Россія спасла Германію отъ французскаго ига, въ этомъ нѣтъ никакого вопроса. Разверните Штейна, Арндта и другихъ современниковъ и посмотрите, какъ въ черную годину для Германіи лучшіе люди ея глядѣли на Александра I и на Россію. Что-же вышло изъ этого? Полнѣйшая ненависть не къ русскому правительству, не къ русскому вмѣшательству, а къ русскому народу, ко всякому нашему успѣху, ко всякому нашему человѣческому порыву. Такъ и узнаешь въ современныхъ публицистахъ Германіи измѣщанившихся братій ливонскихъ рыцарей, не пропускавшихъ въ XVI в. докторовъ въ Россію. Не странно-ли все это?

„Вотъ вамъ еще примѣръ. Англія, ломящаяся отъ тучности и избытка силъ, выступаетъ за берега, переплываетъ черезъ океаны и создаетъ новые міры. Ей удивляются—и она заслуживаетъ удивленія. Но такъ-ли смотрятъ на подвиги колонизаціи Сибири, на ея почти безкровное завоеваніе? Горсть казаковъ и нѣсколько сотъ бездомныхъ мужиковъ перешли на свой страхъ океаны льда и снѣга—и вездѣ, гдѣ осѣдали усталыя кучки въ мерзлыхъ степяхъ, забытыхъ природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами. И это отъ Перми до Тихаго океана... И такія колоссальныя событія едва помѣчены исторіей, или помѣчены для того, чтобы поразить воображеніе дантовскимъ образомъ ледянаго острога въ нѣсколько тысячъ верстъ". (VI, 221—222).

Такихъ словъ не говорятъ наши западники. У нихъ клещами не

вырвешь признанія въ этомъ несомнѣнномъ и неоспоримомъ фактѣ. У Герцена хватило мужества и прямоты для этого вывода. Здѣсь онъ говоритъ языкомъ Н. Я. Данилевскаго въ его книгѣ „Европа и Россія“. Объясненіе этого факта—просто и естественно. Наслѣдственная привычка къ общинной жизни спаяла и цементировала народныя силы, давала прочность и устойчивость каждому новому починку и поселку, создавала изъ ничего живой и крѣпкій организмъ. Интеллигенція, дома всѣмъ и всему чужая, всюду вносила рознь и вражду, принципы одинокаго эгоизма, проповѣдывала „распыленіе“ населенія, превращеніе народа въ народныя массы, а этихъ уже полумертвыхъ массъ въ атомы, чтобы наполнить ряды безземельнаго пролетаріата, ради минутной потѣхи готоваго разбивать то, что строилось на вѣка. Пролетаріи и босяки—дѣти русской интеллигенціи, которая съ самаго своего начала усвоила себѣ черты богемы и ежедневнаго отрицанія. Ей удалось придушить творческія зиждительныя силы народа, сбросивъ его на дно, и она надѣется, что ея старческая истощенность и духовное оскопленіе дадутъ источникъ „новой жизни“ и новую правду. Теперь на пространствѣ всей Россіи идетъ борьба между этими двумя началами. Кто одолѣетъ? Сказать трудно. Ограниченность и лживость, безпощадность и наглость случайныхъ авантюристовъ и кондотьеровъ, наслѣдственныхъ паразитовъ и тунеядцевъ,—огромная разрушительная сила. Погибая сами, они нанесутъ гибельный ударъ и народу. Мужикъ—строитель по инстинкту, по вѣрѣ и по совѣсти, какъ-нибудь обстроится и послѣ этого набѣга басурманской орды, но погибнетъ многое, что выросло и на народной почвѣ.

Видѣлъ въ мужикѣ эту творческую способность и Герценъ. „Что ростетъ, то юно“,—говорилъ онъ.

„И тотъ-же юный пластицизмъ! Чему смѣялся Іосифъ II на закладкѣ Екатеринослава, говоря, что императрица положила первый камень города, а онъ послѣдній? Не городъ тамъ построился, а государство. Новороссійскій край лучшее доказательство, какова пластическая сила Руси. А вся Сибирь? А теперешнія поселенія на берегахъ Амура, гдѣ на дняхъ будетъ развѣваться звѣздчатый флагъ американскихъ республикъ? Да и самыя восточныя губерніи европейской Россіи?

„Читая лѣтопись семейства Багровыхъ, я былъ пораженъ сходствомъ старика, переселившагося въ уфимскую провинцію съ „сетлерами“, переселяющимися изъ Нью-Іорка куда-нибудь въ Висконсинъ или въ Иллинуа. Совершенно новая расчистка нежилыхъ мѣстъ и обращеніе ихъ на хлѣбопашество и гражданскую жизнь. Когда Багровъ сзываетъ со всѣхъ сторонъ народъ засыпать плотину для мельницы, когда сосѣди съ пѣснями несутъ землю и онъ первый торжественно проходитъ по побѣжденной рѣкѣ, такъ и кажется, что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона. А вѣдь это всего вѣкъ тому назадъ. Тоже было въ Саратовскомъ краю и въ Пермскомъ. Въ Вяткѣ въ мое время еще трудно было удержать крестьянъ, чтобы они не переселялись въ лѣса и не начинали тамъ новыя селенія (починки). Земля для нихъ была все еще общимъ достояніемъ, той res nullius, на которую каждый имѣетъ право“. (V, 334—335).

Багровъ, можетъ быть, съ внѣшней стороны и походилъ на „сетлеровъ“. Но, несомнѣнно, во многомъ отъ нихъ и отличался. Иной воздухъ въ уфимской степи, и иной—въ американскихъ преріяхъ. Того нравственнаго цемента, который объединяетъ людей одной вѣры, одной совѣсти и дружной общей жизни у сетлеровъ не было и не могло быть. И тѣмъ не менѣе психологія русской колонизаціи подмѣчена вѣрно. Если нашъ мужикъ, приткнувшись кое-какъ на новомъ мѣстѣ, строится какъ-нибудь, на спѣхъ и наскоро, если личное удобство и комфортъ онъ отлагаетъ на будущее, то это только потому, что надо прежде всего покорить себѣ землю и природу, чтобы потомъ, когда первый напряженный трудъ придетъ къ концу, заняться этимъ уже на досугѣ. Если эта особенность народной души не сгибла подъ игомъ татаръ и помѣщиковъ, можно думать, что она не сгибнетъ подъ игомъ нигилистовъ и соціалъ-демократовъ, и многоименныхъ пролетаріевъ, которые всѣмъ набьютъ оскомину своею младенческою сказочкою про бѣлаго бычка.

XXIV.

Трудно своротить русскій народъ съ его родной дороги.

Отмѣтивъ съ такою опредѣленностью самобытность русскаго народа, Герценъ сдѣлалъ попытку указать на главныя черты этой самобытности. Эта попытка ему не удалась. Онъ пѣлъ съ чужаго, нѣмецкаго голоса, а это всегда выходило у него неважно и, принимая съ вѣтру чужую мысль, онъ и самъ не замѣчалъ, что становится въ противорѣчіе съ собою.

„Воспріимчивый характеръ славянъ, ихъ *женственность*, недостатокъ самодѣятельности и большая способность усвоенія и пластицизма дѣлаютъ по преимуществу народомъ, нуждающимся въ другихъ народахъ. Они не вполнѣ довлѣютъ себѣ. Оставленные на себя, „славяне легко убаюкиваются своими пѣснями", какъ замѣтилъ одинъ византійскій лѣтописецъ, „и дремлютъ". Возбужденные другими, они идутъ до крайнихъ слѣдствій. Нѣтъ народа, который бы глубже и полнѣе усваивалъ себѣ мысль другихъ народовъ, оставаясь самимъ собою. Того упорнаго непониманія другъ друга, которое существуетъ теперь, какъ за тысячу лѣтъ, между народами германскими и романскими, между ими и славянами нѣтъ. Въ этой симпатичной, легко усвояющей, воспринимающей натурѣ лежитъ необходимость отдаваться и быть увлекаемымъ.

„Чтобы сложиться въ княжество, Россіи были нужны варяги.

„Чтобы сдѣлаться государствомъ, монголы.

„Европеизмъ развилъ изъ царства московскаго колоссальную имперію петербургскую.

„Но при всей своей воспріимчивости не оказали-ли славяне вездѣ полнѣйшую неспособность къ развитію *современнаго* европейскаго государственнаго чина, постоянно впадая или въ отчаяннѣйшій деспотизмъ или въ безвыходное неустройство?

„Эта неспособность и эта неполнота—великіе *таланты* въ нашихъ глазахъ". (11, 411).

Нѣмцы—большіе мастера на такіе комплименты. Они хотятъ видѣть въ славянствѣ *женственность*, чтобы держать ихъ въ своей опекѣ. Они приписываютъ славянамъ довѣрчивость и наивность, чтобы отказать имъ въ талантѣ управленія. И въ этомъ есть, конечно, своя доля правды. Но вспомнимъ то, что Герценъ говорилъ объ „юномъ пластицизмѣ" русскаго народа. Эта работа и подвигъ крѣпкаго мужа, а не слабой женщины. Чтобы сразу и прочно осѣсть на новомъ мѣстѣ, нужна прежде всего способность самоуправленія, способность, охраняя свободу личности, всѣхъ привлечь къ общему дѣлу. Въ этой именно способности и заключается тайна роста русской государственности. Эта способность сказывалась и въ томъ, что каждый русскій, дѣлая свое личное дѣло, былъ убѣжденъ, что въ то-же время онъ дѣлаетъ и государево дѣло. Какъ ни разнообразны типы и характеры отдѣльныхъ людей, но всѣ они дѣлали одно общее дѣло и въ этомъ со-

знаніи общенія и единства почерпали руководящее начало всей своей дѣятельности. Наслѣдственный неистребимый инстинктъ всегда подсказывалъ вѣрную цѣль и ближайшую къ ней дорогу.

Сложность государственной организаціи не по душѣ мужику. Ему дороги и понятны только самыя общія схемы государственнаго механизма. Онъ врагъ регламентаціи и формалистики. Онъ никогда не создавалъ того, что называется правительствомъ. Царя онъ зналъ и видѣлъ въ немъ идеалъ правды и справедливости. А на правительство смотрѣлъ, какъ на стихійную силу, съ которой такъ или иначе надо считаться, но въ которой его правды и его совѣсти нѣтъ. Онъ предпочиталъ стоять на своихъ ногахъ, признавая надъ собою только царскую волю и во всемъ повинуясь ей, а въ остальномъ руководствоваться своею совѣстью и своимъ здравымъ смысломъ. Онъ не былъ за бояръ въ московской Руси и за чиновниковъ въ петербургской. Въ эти рамки его душа не вмѣщалась.

Когда подходили въ томъ или другомъ столѣтіи двѣнадцатые годы, какъ въ 1812 и особенно 1612, когда онъ видѣлъ, что опасность грозитъ самымъ основамъ государственнаго строя,—онъ поднимался, чтобы устранить разруху и привести дѣло въ порядокъ. Это—главное дѣло и, сдѣлавъ его, онъ уходилъ въ свой маленькій мірокъ. Къ мелочамъ политической жизни, какъ и къ политикѣ вообще, онъ равнодушенъ. Его желаніе—въ томъ, чтобы его по возможности оставили въ покоѣ и дали возможность заниматься своимъ и мірскимъ дѣломъ.

Теперь, когда ему приходится создавать себѣ правительство, контролировать и мѣнять его, онъ стоитъ передъ такою задачею, которая не проясняется ни прошлымъ опытомъ, ни настоящими потребностями. Да, придти къ царю разъ и сказать ему всю правду,—это ему дѣло знакомое и понятное. Но его правда—не пролетарская: она не на годъ и не на два. Она неизмѣнчива. Что-же толку повторять ее изъ году въ годъ? А слѣдить за всѣми мелочами и частностями—въ своемъ міру онъ привыкъ и умѣетъ, а прилаживаться къ борьбѣ партій—ему не по душѣ. Нельзя забывать, что онъ, пахарь и кормилецъ родной земли, будетъ имѣть дѣло съ людьми, мнѣнія и желанія которыхъ онъ считаетъ грѣхомъ и неправдой. Онъ занятъ дѣломъ и любитъ дѣло. Онъ не охочъ до ежедневной полемики, на которой его противники зубы съѣли и внѣ которой они круглый нуль. Ему придется слушать рѣчи тамъ, гдѣ надо рѣшать и рѣшать серьезно общее

дѣло, которое онъ привыкъ рѣшать по Божьи и по совѣсти, съ общаго по возможности согласія всѣхъ.

Если-бы Дума выросла на почвѣ деревенскаго самоуправленія, постепенно поднимаясь снизу вверхъ, онъ-бы безъ лишнихъ рѣчей и словъ самымъ точнымъ образомъ высказалъ-бы свою мысль. Но переходъ отъ деревенскаго схода къ Государственной Думѣ такой головоломный скачекъ, что простому мужику не сообразиться съ такою перемѣною декорацій. Несомнѣнно, что на первый планъ выступятъ не его интересы, не его желанія. Дѣло будетъ рѣшаться не по его совѣсти и не по его вѣрѣ. Опытные говоруны закидаютъ его словами и собьютъ съ толку. Онъ снова увидитъ, что господа пустили его въ правительство только для мебели и эффекта. Барская затѣя покажется ему барскимъ пустякомъ. И онъ снова выкинетъ ту-же штуку, которую онъ не разъ уже выкидывалъ въ исторіи: онъ снова забастуетъ для исторіи и будетъ ждать лучшихъ временъ.

„Трудно своротить русскій народъ съ его родной дороги. Онъ упрется, ляжетъ на ней, врастетъ въ землю и притаится спящимъ, мертвымъ". (VI, 287).

Но этотъ сонъ будетъ не подъ крѣпостнымъ правомъ, съ которымъ народъ какъ-никакъ мирился, а подъ Батыемъ и подъ Мамаемъ. Народъ будетъ знать, что наверху настоящій врагъ: онъ стрѣлялъ изъ револьверовъ въ образа и издѣвался надъ его вѣрой.

XXV.

„Народъ не съ ними".

На нашихъ глазахъ двухвѣковая трагикомедія приходитъ къ концу. Полный разрывъ становится очевиднымъ даже очень близорукимъ. Мнимые друзья народа явно стали его непримиримыми врагами. Отнынѣ когда-то затаенная и прикрытая вражда снимаетъ свою маску. Мужику приходится начинать эту борьбу и довести до конца. Лукавой рѣчью и хитрымъ словомъ не замажешь трещины.

Чуткіе и проницательные люди, въ томъ числѣ и Герценъ, давно уже видѣли эту трещину и указывали на нее. Но праздномысліе и празднословіе всегда имѣли неотразимое вліяніе на передовые умы и кондотьеры слова долго съ успѣхомъ отлыгались отъ истины.

„Каждое событіе, каждый годъ подтверждалъ имъ (русскимъ доктринерамъ нѣмецкой складки) страшную истину, что не только правительство противъ нихъ, но что и *народъ не съ ними* или, по крайней мѣрѣ, что онъ совершенно чужой. Если онъ недоволенъ, то совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ они недовольны".

„Народъ не съ вами,—говорилъ Герценъ французскимъ демократамъ,—потому что въ вашей борьбѣ онъ не находитъ своей, потому что ваша борьба—борьба двухъ правительственныхъ формъ—не его борьба... Вы воображаете, что пріобрѣли дѣло, когда произнесли слово, а народу дѣла нѣтъ до словъ. Народъ не съ вами, наконецъ, потому, что вы должны быть съ нимъ". (V, 144).

Въ послѣднихъ словахъ та магическая формула, которая одна только и выводитъ изъ заколдованнаго круга праздныхъ словъ и праздной жизни. Не орлами ширять по поднебесью, не озарять свѣтомъ новой правды все человѣчество, а быть вѣрными слугами народа, т. е. мужика, должны бы тѣ русскіе люди, которые за счетъ мужика получаютъ знаніе и образованіе. Стать внѣ народа и брать на себя какую-то самостоятельную роль—могутъ только люди грубаго и черстваго сердца, безпочвенные мечтатели, полумертвые доктринеры. Но эта простая истина русской интеллигенціи была недоступна и поэтому все, что она дѣлала, было пародіею и каррикатурою, туманной картиной волшебнаго фонаря, мимолетной тѣнью, не оставляющею слѣдовъ на холстѣ.

„Масса русская не идетъ въ правильную слойку. На этомъ держится доля всѣхъ надеждъ. При чрезвычайной впечатлимости и поверхностной подражательности, у насъ все перенималось—и ничего не пустило корней. Всѣ монополи, исключительныя права привиллегіи, сословныя разграниченія являлись съ каррикатурными преувеличеніями—грубо, дерзко и нестерпимо ярко, окраски (большею частью казенныя) были линючи, не могли выдержать перваго ливня. Одна сильная метель—и все исчезнетъ, какъ исчезли военныя поселенія, стоившія столько-же жизней, какъ сраженіе, и вдвое болѣе страданій, чѣмъ цѣлая война... И какъ исчезнетъ? Не оставляя по себѣ ни жалости, ни другаго слѣда, кромѣ пыльныхъ бумагъ въ архивѣ, да изумленія, что *это было*, что это *могло быть* въ самомъ дѣлѣ" (VI, 374).

Такъ исчезли военныя поселенія, такъ неудалась организація го-

родскаго сословія, такъ исчезло крѣпостное право, такъ исчезнетъ все, что создаетъ русская интеллигенція. И теперешніе ея замыслы— только мыльные пузыри, какъ они ни ярки и ни пестры. Крѣпко только то, что дѣлаетъ самъ народъ. А ему уже два вѣка ничего дѣлать не давали.

„Царь Борисъ былъ большой просвѣтитель и прикрѣпленіе мужиковъ онъ не выдумалъ, а взялъ у балтійскихъ нѣмцевъ".

„Цѣпь, коварно положенная около сельской общины, затягивалась болѣе и болѣе до тѣхъ поръ, пока Петръ I заперъ ее замкомъ нѣмецкой работы". (V, 189).

„И съ положеніемъ перваго камня на балтійскомъ берегу начался новый актъ трагедіи: его характеръ—открытое расторженіе народа на двѣ части: одну нѣмую, другую постороннюю народу, безхарактерную". (VI, 110).

„Петръ разрушилъ въ правительствѣ единство съ народомъ. Онъ отвлеченныя понятія поставилъ вмѣсто косныхъ, непосредственныхъ понятій, вызвалъ полярность, противопоставилъ одни элементы другимъ. Родные братья, вовлеченные въ борьбу, не узнавали другъ друга. И тутъ ихъ вина болѣе, нежели переворота: они безсознательно были братья и поэтому инстинктъ не устоялъ противъ революціи. Правительство заняло относительно народа совсѣмъ другое мѣсто. Оно не его мысль выражало, а мысль европеизма и отвлеченной централизаціи. Оно сочло себя—за одно желаніе образованія—образованнымъ и смотрѣло на народъ, какъ на стадо". (VI, 111—118).

Интеллигентное русское общество явилось только сколкомъ съ петровскаго правительства: и до сихъ поръ, оно считаетъ себя образованнымъ за совершенно платоническое преклоненіе передъ какой-то наукой, никому невѣдомой и вымышленной. И за это считаетъ себя призваннымъ быть вожакомъ народнаго стада, хотя совершенно не знаетъ, куда его вести и какъ вести.

Оно всегда было чужимъ въ народѣ и инстинктивно искало другой почвы. Ему показалось, что его родина—западъ и что оно, оторвавшись отъ темнаго и невѣжественнаго роднаго народа, можетъ войти, какъ полноправный членъ, въ семью западныхъ народовъ. Но это была только барская блажь, которая блажью остается и до нашего времени.

Н. М. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Миссіонерскій отдѣлъ.

Къ вопросу о преподаваніи исторіи и обличенія раскола и сектъ въ дух. семинаріяхъ.

(По поводу статьи проф. Н. И. Ивановскаго въ янв. кн. „Мисс. Об." за 1906 годъ).

О постановкѣ преподаванія обличенія расколо-сектантства въ духовныхъ семинаріяхъ и о болѣе правильной, а главное—болѣе жизненной, организаціи миссіонерскаго дѣла вообще, поднимались уже давно вопросы, но отвѣта опредѣленнаго и твердаго, кажется, не было.

Проведенная Н. И. Ивановскимъ мысль о желательности сокращенія преподаванія исторіи и обличенія расколо-сектантства, въ надеждѣ на уроки по церковной исторіи, — несомнѣнно вѣрна. И это, полагаю, можетъ подтвердить каждый изъ проходившихъ въ семинаріи церк. исторію и истор. раск.-сект. съ обличеніемъ его, а также подтвердятъ и преподаватели, знакомые съ обличеніемъ раскола не по учебнику только, но и практически.

Я съ своей стороны считаю не лишнимъ высказать и свои соображенія по сему вопросу.

Сокращенное въ сравненіи съ настоящимъ преподаваніе исторіи и обличенія раскола не дастъ ничего хорошаго, но и настоящее немного даетъ. Укажу нѣсколько фактовъ.

Я самъ въ семинаріи „проходилъ" расколъ. Были у насъ (въ Томскѣ) попытки и вести бесѣды съ раскольниками, которыя подъ наблюденіемъ нашего преподавателя велъ миссіонеръ-начетчикъ. И вотъ, бывало, пока говоритъ нашъ защитникъ православія, такъ и

1906. **Сентябрь.** **XI.**

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136.
1906.

Редакція „Миссіонерск. Обозр."
Невскій, 153. Телеф. № 5226.

Содержаніе сентябрьской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе" за 1906 годъ.

По общимъ вопросамъ православной вѣры и церковной жизни.

Миссіонерскій отдѣлъ.

По сектовѣдѣнію.

По расколовѣдѣнію.

ХРОНИКА.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи Церкви.

По общимъ вопросамъ вѣры и церковной жизни.

Къ вопросу о приходѣ [1]).

I.

Съ разрѣшенія архипастырей, въ цѣляхъ возможно большаго уясненія поставленнаго здѣсь на обсужденіе вопроса о приходѣ, рѣшаюсь и я сказать въ настоящемъ пастырскомъ собраніи нѣсколько словъ. О значеніи прихода, о необходимости мѣропріятій къ его оживленію говорить мнѣ не приходится; если бы по этой части все у насъ обстояло благополучно, то, конечно, излишнимъ было бы и настоящее наше собраніе. Равнымъ образомъ, я далекъ отъ мысли предложить какой-либо опредѣленный и детально разработанный проектъ устроенія приходской жизни въ епархіи: человѣкъ новый въ Москвѣ, проведшій всю свою жизнь и службу въ условіяхъ, весьма отличныхъ отъ тѣхъ, которыя приходится наблюдать въ центрѣ русской жизни, я совершенно не подготовленъ къ такой работѣ и долженъ не мало и долгое время здѣсь присматриваться и поучаться отъ другихъ, а не предлагать свои проекты, которые у меня могутъ быть выведены только изъ теоретическихъ положеній.

Задача моего настоящаго сообщенія другая.

Прошлая моя скитальческая служба дала мнѣ возможность видѣть устройство приходской жизни въ разныхъ мѣстахъ Россіи и даже за рубежомъ ея: видѣлъ я приходы на Амурѣ и въ Приморской обла-

[1]) Докладъ, читанный въ пастырскомъ собраніи московскаго духовенства.

Герценъ и наши дни [1]).

—

XXVI.

Холопство передъ Европой.

„Наши отношенія къ западу до сихъ поръ были похожи на отношенія деревенскаго мальчика къ городской ярмаркѣ. Глаза мальчика разбѣгаются, онъ всѣмъ удивленъ, всему завидуетъ, всего хочетъ—отъ сбитня и пряничной лошадки съ золотымъ пятномъ на гривѣ до отвратительнаго нѣмецкаго картуза и подлой гармоники, замѣнившей балалайку. И что за веселье, что за толпа, что за пестрота! Качели вертятся, разносчики кричатъ, паяцы кричатъ, а выставокъ-то — винныхъ, кабаковъ... И мальчикъ почти съ ненавистью вспоминаетъ бѣдныя избушки своей деревни, тишину ея луговъ и скуку темнаго шумящаго бора". (VI, 275).

Образъ — рельефный и яркій. Онъ превосходно передаетъ мысль Герцена. Но деревенскій мальчикъ превращается въ деревенскаго парня, а потомъ и въ деревенскаго мужика, который отлично понимаетъ ярмарочную мишуру и базарные нравы. А вотъ есть другіе мальчики, которые никогда не растутъ и на всю жизнь остаются мальчиками. Это русская интеллигенція, которая всегда на ярмаркѣ и кромѣ ярмарки ничего не знаетъ и не любитъ.

„Духъ подражанія иностранцамъ насъ не оставилъ. Мы все еще, какъ мѣщане въ дворянствѣ, хвастаемся своимъ образованіемъ, и стараемся заявить, что имѣемъ либеральныя идеи". (VI, 54).

Но хвастовство хвастовствомъ и остается, и съ образованіемъ — несовмѣстимо. Эта подражательность въ первую голову истребляетъ

1) См. „Мисс. Обозр." 1906 г. №№ 7—8.

здравый смыслъ. Въ Тучковѣ Герценъ дивился тонкости практическаго ума. „У насъ это большая рѣдкость. Мы или животныя, или идеологи, какъ и азъ грѣшный". (VI, 54).

Въ такомъ положеніи дѣло тянулось и до нашихъ дней. Практическаго ума умные люди не нажили, а съ однимъ теоретическимъ люди умными не бываютъ. И—чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ: порой между животными и идеологами нельзя ставить „или" въ смыслѣ противопоставленія, а правильнѣе ставить соединительное и.

„Въ Россіи люди, подвергнувшіеся вліянію этого (революціоннаго) мощнаго западнаго вліянія, вышли не историческими людьми, а людьми оригинальными. Иностранцы дома, иностранцы въ чужихъ краяхъ, праздные зрители, испорченные для Россіи западными предразсудками, для запада русскими привычками,—они представляли какую-то умную ненужность и терялись въ искусственной жизни, въ чувственномъ наслажденіи и въ нетерпимомъ эгоизмѣ". (II, 62).

Это Герценъ говоритъ въ „Быломъ и Думахъ", говоритъ о далекомъ прошломъ. Но это прошлое дошло и до насъ. Типъ оставался съ тѣмъ-же отличительнымъ признакомъ. Ненужность, въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ быть, и умной, но чаще идейной, т. е. ограниченной и малограмотной. Гамлетъ щигровскаго уѣзда, лишніе люди, нигилисты и соціалисты, народники и марксисты — все это типы изъ музея ненужныхъ рѣдкостей, которыми дивятъ толпу на рынкахъ и базарахъ. Коллекція этихъ никому не нужныхъ людей, занимаетъ слишкомъ видное мѣсто въ исторіи русской такъ называемой культуры, если даже и въ наши дни не стыдно тревожить это почтенное имя. Когда жизнь войдетъ въ здоровое русло, будущій историкъ русской культуры прямо вычеркнетъ этихъ лакеевъ запада, носившихъ идейный западный мундиръ. Они были и шумѣли, но не жили и поэтому имъ въ исторіи нѣтъ мѣста.

„Русскій вырывается за границу въ какомъ-то опьяненіи: сердце настежь, языкъ развязанъ. Прусскій жандармъ въ Лауцагенѣ намъ кажется человѣкомъ. Кенигсбергъ свободнымъ городомъ. Мы любили и уважали этотъ міръ заочно. Мы входили въ него съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Мы съ умиленіемъ попираемъ почву, на которой совершалась великая борьба независимости и человѣческихъ правъ.

„Сначала все, кажется, хорошо и притомъ, какъ мы ожидали. По-

томъ мало-по-малу мы начинаемъ что-то не узнавать, на что-то сердиться. Намъ недостаетъ пространства, шири, воздуха, - намъ просто неловко. Со стыдомъ прячемъ мы это открытіе, ломаемъ прямое и откровенное чувство и прикидываемся закоснѣлыми европейцами. Это намъ не удается.

„Напрасно мы стараемся придать старческія черты молодому лицу, напрасно одѣваемъ выношенный уже кафтанъ. Кафтанъ рано или поздно порется и *варваръ* является съ обнаженною грудью, краснѣя своего неумѣнія носить чужое платье". (IѴ, 160—161).

„При Николаѣ западъ становился намъ дорогъ, какъ запрещенный плодъ, какъ средство оппозиціи". (ѴI, 274).

„Европа намъ нужна, какъ идеалъ, какъ упрекъ, какъ благой примѣръ. Если она не такая, ее надо выдумать". (III, 330).

„Мы до сихъ поръ смотримъ на европейцевъ и Европу въ томъ родѣ, какъ провинціалы смотрятъ на столичныхъ жителей,—съ подобострастіемъ и чувствомъ собственной вины, принимая каждую разницу за недостатокъ, краснѣя своихъ особенностей, скрывая ихъ, подчиняясь и подражая". (II, 92).

„Кліентизмъ нашъ передъ западными авторитетами шелъ изъ той же канцеляріи, изъ той же казармы и изъ той-же передней,—только въ другія двери, и именно обращенныя къ барину, начальнику и командиру. Въ нашей бѣдности поклоненія чему-бы то ни было, кромѣ грубой силы и ея знаменій, потребность имѣть нравственную *табель о рангахъ* очень понятна. Но за то передъ кѣмъ и кѣмъ не стояли въ умиленіи лучшіе изъ нашихъ соотечественниковъ?" (III, 198—199).

Но и за это холопское прозябаніе въ передней запада русскимъ приходилось платить.

„У большей части нѣмцевъ слишкомъ привита племенная ненависть къ намъ. Мы знаемъ, что нѣмецкій общественный дѣятель работаетъ въ пользу нѣмецкаго народа, не удивляемся этому и уважаемъ его. Но нѣмецъ ждетъ отъ русскаго и славянина, чтобы онъ презиралъ свой народъ и несъ бы нѣмецкую цивилизацію своимъ дикарямъ, забывая, что у насъ на это, сверхъ Петербурга, есть Куръ-Эстъ и Лифляндія, а у чеховъ и западныхъ славянъ—Австрія". (ѴI, 323).

Въ концѣ концовъ годы идейнаго лакейства и безсознательнаго прислужничества принесли свой плодъ. Наша интеллигенція усвоила

себѣ нѣмецкое презрѣніе къ русскому народу и работать во славу русскаго народа стыдится.

XXѴII.

Такимъ образомъ, русская интеллигенція, чужая дома, не стала своею и на чужой сторонѣ. Въ отношеніяхъ къ западу она всегда играла служебную, чиновничью роль. Постоянное сознаніе превосходства чужого ума и чужого характера уродовало природныя способности, принижало личность, развивало чувство своей ненужности и непригодности, развивало рабскіе инстинкты мечтательности и въ корень истребляло пониманіе дѣйствительности.

Это основной мотивъ въ исторіи русской интеллигенціи. Онъ никогда не мѣнялся въ существенныхъ чертахъ. Мѣнялись только формы и внѣшняя оболочка словъ. Это-же основной мотивъ и русской литературы. Отходили въ сторону и стояли совсѣмъ особнякомъ нѣкоторые великіе поэты и романтисты, нашъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Достоевскій и т. п. У нихъ была своя мысль и своя мѣрка жизни. Но огромное большинство тянулось по своей торной дорогѣ съ затаеннымъ сознаніемъ своей несерьезности, своей ненужности, своей призрачности, своего паразитизма.

Новыя вѣянія были только новыми словами въ той-же спертой и душной атмосферѣ.

„Русскій, *снимая съ себя цѣпи*, становится самымъ свободнымъ человѣкомъ въ Европѣ. Что можетъ его остановить? Уваженіе къ прошедшему? —Новая исторія начинается съ полнѣйшаго отрицанія преданій". (Ѵ, 163).

Было бы хорошо, если бы культура, порвавши старыя преданія, создала свои, новыя. Но культурной традиціи у русской интеллигенціи - нѣтъ. Изъ отрицанія и разрушенія традицій не создаютъ. Нули никакой величины не составляютъ.

Пусть безгранично свободна совѣсть русской интеллигенціи, оторвавшейся отъ народныхъ преданій, но на этой свободѣ лежитъ печать непрактичности, ненужности и мечтательности. Изъ могучаго рычага творчества и созиданія она превращается въ дикій таранъ разрушенія и опустошенія. Это свобода преступленія и злодѣйства, наркоза и

ничтожества. Это безотвѣтственная свобода громилы и поджигателя, забастовщика и хулигана, — гнуснѣйшая каррикатура на гражданскую свободу запада. На нашихъ глазахъ политическая свобода начала съ насилія и терроризма, поставивъ своею задачею полное истребленіе огромныхъ пластовъ населенія, казаковъ и поповъ, чиновниковъ и лавочниковъ и т. п. Это свобода палача и убійцы.

„У насъ что засорило умъ?.. Какое великое воспоминаніе отклонило его?.. Этотъ почтенный вѣковой мохъ, какъ сѣдая плѣсень на нашихъ мысляхъ,—что-то подозрительное и сильно сбивается на жженую хлопчатую бумагу, которой для новичковъ обертываютъ бутылку молодого вина... Мы *прикидываемся* тѣмъ, чѣмъ европейцы стали на старости лѣтъ и, страстные актеры, оканчиваемъ добросовѣстно, но каррикатурно сживаясь съ маской.

„На берегахъ Средиземнаго моря есть раковины, въ которыхъ живутъ крустацеи. Это вещь очень смѣшная: креветка маленькая, находя пустую раковину, помѣщается въ ней. Комнатка, отдѣланная перламутромъ, ей нравится. Она ростетъ себѣ въ ней, выпуская клещи и ноги,—и ростетъ до того, что вылѣзти не можетъ. И тогда креветка таскаетъ на себѣ всю раковину, едва передвигая ноги... Наши русскіе западники очень похожи на этихъ креветокъ въ маскарадномъ платьѣ, Они даже, какъ раки вообще, пятятся назадъ, думая идти впередъ". (VI, 272).

При такой опустошенности души приходится довольствоваться чужимъ соромъ и заваливать имъ мозгъ, чтобы замаскировать имъ торричелліеву пустоту. А это дѣло рискованное и довольно опасное.

„Образованіе у насъ кладетъ предѣлъ, за который много гнуснаго не ходитъ. На Западѣ это не такъ. И вотъ почему русскіе мечтатели, вырвавшись на волю, отдаются въ руки всякому человѣку, касающемуся съ сочувствіемъ святынь ихъ, понимающему ихъ завѣтныя мысли, забывая, что для него эти святыни давно перешли въ обычную фразу, въ форму, что большею частью онъ ихъ повторяетъ, пожалуй и добросовѣстно, но въ томъ родѣ, въ которомъ попъ, думая вовсе о другомъ, благословляетъ встрѣчнаго. Мы забываемъ, сколько другихъ стихій напутано въ сложной, усталой, болѣзненно пробившейся душѣ западнаго человѣка, сколько онъ уже источенъ, изношенъ завистью, нуждой, тщеславіемъ, самолюбіемъ и въ какой страшный эпикуреизмъ высшаго болѣзненно-

нервнаго порядка перегнулись перенесенныя имъ униженіе, нищета и горячечный бой соревнованія". (V, 382).

Надо перевернуть всю жизнь русскаго общества и русскаго народа, чтобы у всѣхъ и каждаго нашлось свое прямое и простое дѣло, чтобы осѣлъ, наконецъ, туманъ праздной и лѣнивой идейности, чтобы жизнь пріобрѣла строгій и честный смыслъ, чтобы въ жизни было поменьше лишнихъ людей и чтобы пролетаріатъ зналъ свое настоящее мѣсто.

„Но гдѣ-же предѣлъ европейскаго развитія?—спрашиваетъ Герценъ. Гдѣ препятствія, на которыя оно запнулось.

„Во-первыхъ, въ сознаніи необходимости кореннаго переворота, въ сознаніи нелѣпости государственной, юридической и экономической жизни, отставшей вѣками отъ общественной и научной. Во-вторыхъ, *въ немоготѣ не только совершить этотъ соціалистическій переворотъ, но даже формулировать его.*

„Вотъ на чемъ оборвались реформаціи и революціи, республики и конституціи. Вотъ на чемъ запнулся смѣлый бѣгъ запада и, смутившись, бросился въ цезаризмъ, націонализмъ и тупой смѣхъ надъ соціальными вопросами, напоминающій намъ тупой смѣхъ римскихъ патриціевъ и доктринеровъ надъ назореями. Плакать надобно, а не смѣяться. Мы ждали четырнадцать лѣтъ. Слово если и было сковано, мысль не была скована, да и есть слова и мысли, которыхъ не скуешь. Гдѣ это слово? Гдѣ эта мысль? Что прибавилось къ торжественному протесту противъ общественной лжи и неправды, сдѣланному сенъ-симонистами и ихъ товарищами? Что къ грозному обличенію, раздавшемуся передъ кровавой битвой іюньскихъ дней?" (VI, 320).

Великихъ словъ и думъ у образованнаго человѣчества, а поэтому и русской интеллигенціи нѣтъ. Къ великимъ задачамъ честной и достойной жизни для блага своего народа, какъ ни кривляются народные трибуны и періодическіе народолюбцы, мало. Никто не хочетъ отказаться отъ претензій на сверхъ-человѣческое величіе и отъ праздной жизни, чтобы честно и разумно дѣлать маленькое дѣло. Мы въ области тѣхъ маленькихъ словъ и мимолетныхъ думъ, которымъ въ видѣ своеобразнаго шантажа придается неземное величіе и значеніе.

XXVIII.

Въ русскомъ обществѣ каждое отдѣльное поколѣніе, одинаково не мѣняя общественныхъ формъ жизни и не сливаясь съ народомъ, стоитъ какъ-то одиноко, особнякомъ, имѣетъ совсѣмъ свои и, повидимому, совсѣмъ новыя вѣрованія и убѣжденія. Это, конечно, обманъ и отводъ глазъ, мѣняющаяся форма той-же сущности и той-же отвлеченности. И Герценъ иногда старался оправдать такое положеніе дѣла.

„Тѣ народы пусть отвѣчаютъ за свое прошедшее, которымъ пуповина съ исторіей не разрѣзана, которые горды своимъ прошедшимъ. Мы, напротивъ, только разрываясь съ нимъ, идемъ впередъ. Мы скорѣе похожи на двуутробку, бѣгущую съ обнищалаго поля, унося съ собой свое будущее поколѣніе, — чѣмъ на верблюда, несущаго черезъ степи кивотъ съ старымъ завѣтомъ.

„То, что было съ московскимъ періодомъ, будетъ неминуемо съ петербургскимъ. И такъ, какъ реформа Петра убила московскій порядокъ, такъ предстоящая реформа убьетъ петербургскій. Первая *органическая* мысль, которая пробилась въ этихъ снѣжныхъ вершинахъ, носитъ въ себѣ зародышъ освобожденія отъ нѣмецкаго ига". (VI, 294)

Какъ ужасенъ, безотраденъ и сиротливъ этотъ образъ бездомной и безпріютной двуутробки, таскающей свое будущее поколѣніе съ одного поля на другое! Нѣтъ у нея ни дома, ни родины, ни мѣста успокоенія. Но контрастъ ей — не въ верблюдѣ, конечно. Верблюдъ донесъ ковчегъ до скиніи и пока ковчегъ стоялъ въ скиніи на своемъ мѣстѣ, въ своемъ храмѣ, роль двуутробки была печальнѣе, чѣмъ судьба Агари въ пустыни. Это не символъ прочной осѣдлой жизни. Это символъ кочующаго номада, передвижнаго хищника, истощающаго поля и неблагодарнаго имъ за хлѣбъ, безпріютнаго бродяги, скучающаго туриста.

Но онъ вполнѣ подходитъ къ русской интеллигенціи и Герценъ вполнѣ правъ, когда говоритъ о неизбѣжной гибели петербургскаго періода. Въ исторіи русскаго народа онъ былъ чужимъ, иностраннымъ, мечтателемъ у чужихъ рубежей. Два вѣка двуутробка перебѣгала съ поля на поле, не связанная съ землей, устраиваясь какъ попало среди новыхъ сосѣдей, мало знакомыхъ, часто совсѣмъ чужихъ.

Эти наднародные пласты,—каждый по своему,—отмѣчены различными признаками. Герценъ не разъ говорилъ о церемонномъ маскарадѣ вельможъ конца XVIII и начала XIX столѣтія, объ этихъ величественныхъ волтерьянцахъ и вольнодумцахъ, которые такъ неискусно прятали русское обличье подъ западный камзолъ. Они-то собственно и были родоначальниками породы русскихъ двуутробокъ, но вполнѣ зоологическій типъ сложился гораздо позднѣе. Укажемъ тѣ черты, которыя Герценъ отмѣтилъ на своихъ сверстникахъ и на представителяхъ ближайшаго къ нему поколѣнія.

XXIX.

„Мысль растетъ. Смѣхъ Пушкина замѣняется смѣхомъ Гоголя. Скептическая потерянность Лермонтова составляетъ лиризмъ этой эпохи.

„Печальны, но изящны были люди, вышедшіе тогда на сцену. Съ сознаніемъ правоты и безсилія, съ сознаніемъ разрыва съ народомъ и обществомъ, безъ вѣрной почвы подъ ногами, чуждые всему окружающему, не знавшіе будущаго, они не сложили рукъ, они проповѣдывали всю жизнь, какъ Грановскій, какъ Бѣлинскій, оба сошедшіе въ могилу, рано изношенные въ суровой и безотрадной борьбѣ.

„Они по духу, по общему образованію принадлежали Западу. Ихъ идеалъ былъ въ немъ. Русская жизнь ихъ отравляла на всякомъ шагу— и между тѣмъ съ какой святой непослѣдовательностью они любили Россію и какъ безумно надѣялись на ея будущее!.. И если когда въ минуты безконечной боли они проклинали неблагодарный, суровый родительскій домъ, то вѣдь это одни крѣпкіе на умы не слыхали въ ихъ проклятіяхъ—*благословенія*.

„Грановскій и Бѣлинскій стоятъ на рубежѣ. Далѣе въ ихъ направленіи нельзя было идти. Послѣдніе благородные представители западной идеи, они не оставили ни учениковъ, ни школы. Молодое поколѣніе *выслушало* результаты, до которыхъ они домучились и, предостереженное ихъ примѣромъ, не впадало въ непослѣдовательность. Спокойное и разсудительное, оно или примирилось съ „разумной дѣйствительностью" русской гражданской жизни или, какъ подсолнечникъ, склонило свой тяжелый цвѣтокъ къ садящемуся на западѣ солнцу. Изъ нихъ-то и составились наши *доктринеры-бюрократы* и *западные*

доктринеры,—послѣдняя фаланга петровскаго войска, лучшіе нѣмцы изъ русскихъ, умные, образованные, но не русскіе—и именно потому способные съ наилучшими намѣреніями надѣлать бездну вреда". (VI, 263).

Много горькой правды въ этихъ словахъ Герцена. Они были изящны, Грановскій и Бѣлинскій, они проповѣдывали—и не оставили ни школы, ни учениковъ. Теперь, когда такъ часто и всегда неудачно пробуютъ связать нить культурной исторіи русской интеллигенціи,—часто упоминаютъ ихъ имена, какъ первоучителей и основоположниковъ. Но Герценъ правъ. Школы нѣтъ: нѣтъ учителей, нѣтъ учениковъ. Спросите у самыхъ пламенныхъ — на словахъ — ихъ поклонниковъ: „чему-же собственно училъ Бѣлинскій?"—и никакого опредѣленнаго отвѣта вы не получите. Онъ думалъ вслухъ и *ничему не училъ*, а только критиковалъ и анализировалъ.

Школа прежде всего предполагаетъ методъ. Бѣлинскій крупнымъ ученымъ и мыслителемъ не былъ и метода не создалъ. Послѣ него его мнимые ученики пошли каждый по своей дорогѣ и къ своей спеціальной цѣли, снова поддаваясь вліянію Запада и не сохраняя никакой органической связи съ прошлымъ.

Школа предполагаетъ ученіе, опредѣленную систему взглядовъ, общіе и общеобязательные выводы. Но такихъ выводовъ нѣтъ еще и теперь. И теперь все еще тонетъ въ первобытномъ хаосѣ. Въ многоразличныхъ литературныхъ лагеряхъ нѣтъ ни одного установившагося понятія. Каждое новое поколѣніе начинаетъ все съ начала, не оставляетъ отъ старыхъ храмовъ камня на камнѣ — и идетъ напроломъ якобы впередъ, на каждомъ шагу составляя новую азбуку и новое правописаніе. Гдѣ нѣтъ опредѣленной мысли, тамъ нѣтъ ни школы, ни идейнаго преемства.

Они погибли „въ безотрадной и суровой борьбѣ?" Но съ кѣмъ-же и противъ кого-же они боролись? За Западъ противъ Россіи? Но эта борьба безумна. Это безплодная затѣя изящной двуутробки перенести свое будущее поколѣніе съ обнищалыхъ русскихъ полей на тучныя пажити Европы. Убѣжать туда, какъ это сдѣлалъ самъ Герценъ, можно, но перетащить сюда Западъ — нельзя. Двуутробки убѣгутъ, потому что имъ вездѣ хорошо. А мужику уйти отъ своего поля — некуда: на западѣ полей для него не запасено. Пусть ихъ изящество

съ ихъ „святой непослѣдовательностью" при нихъ и остается. Но все же они считали себя двуутробками, которымъ будетъ привольно подъ любымъ небомъ и на любомъ полѣ.

XXX.

Подражательность идейныхъ варваровъ.

Всѣ эти двуутробки для Россіи были, конечно, лишними людьми. Такими-же двуутробками были представители слѣдующаго поколѣнія—съ Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и Писаревымъ во главѣ. Это „желчевики", по терминологіи Герцена.

„Лишніе люди сошли со сцены. За ними сойдутъ и *желчевики*, наиболѣе сердившіеся на лишнихъ людей. Они даже сойдутъ очень скоро: они слишкомъ угрюмы, слишкомъ дѣйствуютъ на нервы, чтобы долго держаться. Жизнь, несмотря на восемнадцать вѣковъ христіанскихъ сокрушеній, очень языческимъ образомъ предана эпикуреизму à la longue не можетъ выносить наводящія уныніе лица невскихъ Даніиловъ, мрачно упрекающихъ людей, зачѣмъ они обѣдаютъ безъ скрежета зубовъ и, восхищаясь картиной или музыкой, забываютъ о всѣхъ несчастіяхъ міра сего".

„Типъ желчныхъ людей мы изучили не на мѣстѣ и не по книгамъ. Мы его изучили по экземплярамъ, выѣзжавшимъ за Нѣманъ, а иногда и за Рейнъ съ 1850 года.

„Первое, что насъ поразило въ нихъ, это легкость, съ которой они отчаивались во всемъ,—злая радость ихъ отрицанія и страшная безпощадность. Послѣ событій 1848 года, они разомъ были поставлены на высоту, съ которой видѣли пораженіе республики и революціи, вспять идущую цивилизацію, поруганныя знамена — и не могли жалѣть незнакомыхъ бойцовъ. Тамъ, гдѣ нашъ братъ останавливался, оттиралъ, смотрѣлъ, нѣтъ-ли искры жизни,—они шли дальше пустыремъ логической дедукціи и легко доходили до тѣхъ рѣзкихъ послѣднихъ выводовъ, которые пугаютъ своей радикальной бойкостью, но которые, какъ духи умершихъ, представляютъ сущность, уже вышедшую изъ жизни,—а не въ жизнь. Въ этихъ выводахъ русскій вообще пользуется предъ европейцемъ страшнымъ преимуществомъ: у него тутъ нѣтъ ни тра-

дицій, ни родного, ни привычки. Всего безопаснѣе по опаснымъ дорогамъ проходитъ человѣкъ, не имѣющій ни чужого добра, ни своего.

„Это освобожденіе отъ всего традиціоннаго доставалось не здоровымъ юнымъ натурамъ, а людямъ, которыхъ душа и сердце были поломаны по всѣмъ суставамъ.

„Потомъ они завяли безъ лѣта, не зная ни свободнаго размаха, ни вольно сказаннаго слова. Они носили на лицѣ глубокій слѣдъ души помятой и раненой. У каждаго былъ какой-нибудь типъ и, сверхъ этого личнаго типа, у всѣхъ одинъ общій: какое-то съѣдающее ихъ раздражительное *и свернувшееся* самолюбіе. Отъ обиды, отъ униженій, отъ отрицанія всѣхъ правъ личности — у нихъ развилось затаенное притязаніе на удивленіе. Эти неразвившіеся таланты, неудавшіеся геніи скрывались подъ личиною униженія и скромности. Всѣ они были ипохондрики и физически больны, — не пили вина и боялись открытыхъ оконъ. Всѣ въ измученномъ отчаяніи смотрѣли на настоящее и напоминали монаховъ, которые изъ любви къ ближнимъ доходили до ненависти ко всему человѣчеству— и проклинали все на свѣтѣ изъ желанія что-нибудь благословить.

„Половина ихъ постоянно каялась, другая постоянно карала.

„Да, у нихъ остались глубокіе рубцы на душѣ. Петербургскій міръ, въ которомъ они жили, отразился въ нихъ самихъ. Вотъ откуда ихъ безпокойный тонъ, языкъ saccade и вдругъ расплывающійся въ бюрократическое празднословіе, — уклончивое смиреніе и надменные выговоры, надменная сухость и готовность по первому поводу осыпать ругательствами, оскорбительное принятіе впередъ всѣхъ обвиненій и безпокойная нетерпимость директора департамента.

„Этотъ fion директорскаго распекательнаго слога, презрительный и съ прищуренными глазами, для насъ противнѣе генеральскаго соннаго крика, напоминающаго гулкій лай остепенившейся собаки, ворчащей больше по общественному положенію.

„Тонъ—не бездѣлица.

„Das was innen—das ist draussen!

„Добрѣйшіе по сердцу и благороднѣйшіе по направленію, они, т. е. желчные люди наши, тономъ своимъ могутъ довести ангела до драки и святого до проклятія. Къ тому-же они съ такимъ aplomb преувеличиваютъ все на свѣтѣ—и не для шутки, а для огорченія,—что просто терпѣнія нѣтъ. На всякое „бутылками и пребольшими“ у нихъ готово мрачное: „нѣтъ,—бочками сороковыми“ (V, 544—546).

XXXI.

Лишніе люди и бандиты.

Необходимая подробность. Когда Герценъ говорилъ о Бѣлинскомъ и Грановскомъ, онъ хотя и вскользь, намекнулъ на то, что съ грѣхомъ пополамъ можно было бы назвать и ихъ идеологами. Говоря о желчевикахъ, онъ этого не дѣлаетъ. Легкій намекъ на дѣланный и лукавый аскетизмъ говоритъ не о доктринѣ, а о напускной манерѣ рѣчи и поведенія.

Это очень знаменательно. Вѣдь мы имѣемъ дѣло съ трибунами нигилизма, а нигилизмъ, какъ голое отрицаніе, ни доктрины, ни идеологіи не даетъ и дать не можетъ. Изъ области мышленія мы переходимъ въ область настроеній и вѣяній, манеры и слога. Отъ логики и философіи ничего не остается. Начинается психологія,—искусственная, вычурная, вымученная и сплошь подражательная. Съ запада чуть не каждый годъ проникаютъ новые оттѣнки теорій, на минуту охватываютъ собою все и потомъ безслѣдно исчезаютъ. Такъ сказать идейное содержаніе ихъ никакого значенія не имѣетъ, а все сводится къ такъ называемой безтолковой „сознательности“, къ „прогрессивности“, т. е. къ умѣнію держать носъ по идейному вѣтру. А психологическая,—вѣрнѣе истерическая подкладка только одна и остается устойчивою. Вѣрованіями и убѣжденіями называются модные термины и ходячіе обороты рѣчи, а основнымъ фондомъ остается обидчивое и притязательное стремленіе казаться непризнаннымъ и непонятымъ учителемъ человѣчества.

Но этотъ недугъ пролагалъ дорогу для другого недуга, уже совсѣмъ прозаическаго, прямо хищническаго, У желчевиковъ было что-то вродѣ истеріи, добровольнаго, но безкорыстнаго кривлянья, условнаго и жеманнаго позерства. Они дѣйствительно и учились изъ-за „идеи“, какъ бы ни безтолкова была эта идея. Но за ними шли люди съ лисьимъ хвостомъ и волчьими зубами, которые изъ идейной растерянности сдѣлали себѣ ремесло и стали въ мутной водѣ ловить рыбу.

Герценъ—ангеломъ не былъ, но если желчевики не довели его до драки, то довели до великолѣпной фотографіи литературнаго разбойника, бандита въ маскѣ идейности, прощалыги подъ флагами научности и прогресса.

„Въ блѣдной и обиженной цензурой литературѣ нашей до послѣдняго времени было множество всякихъ чудаковъ; но большей частью это были люди чистые, люди честные. Аферисты, плуты, дѣлатели фальшивыхъ и истинныхъ доносовъ, если и попадались, то они шныряли гдѣ-то по подваламъ и никогда не лѣзли на видныя мѣста, какъ тараканы въ Лондонѣ, держащіеся въ кухнѣ и не попадающіе въ салонъ. Такимъ образомъ сохранилась у насъ наивная вѣра въ поэта и въ писателя. Мы не привыкли къ тому, что можно лгать духомъ и торговать талантомъ такъ, какъ продажныя женщины лгутъ тѣломъ и продаютъ красоту. Мы не привыкли къ барышникамъ, отдающимъ въ ростъ свои слезы о народномъ страданіи, ни къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію оброчную статью. И въ этомъ довѣріи, давно не существующемъ на западѣ, бездна хорошаго. И намъ всѣмъ слѣдуетъ поддерживать его. Повѣрьте, что гонитель неправды, сзывающій позоръ и проклятіе на современный срамъ и запустѣніе и въ тоже время запирающій въ свою шкатулку деньги, явно наворованныя у друзей своихъ, при теперешнемъ броженіи всѣхъ понятій, при нашей распущенности и удобовпечатлительности — вреднѣе и заразительнѣе всѣхъ праздныхъ и лишнихъ людей, желчевыхъ и слезливыхъ“. (V, 348).

Герценъ судилъ по фактамъ и типамъ своего времени. Онъ однимъ изъ первыхъ увидѣлъ начало недуга. Но что бы онъ сказалъ теперь, когда его пророчество не только сбылось, но оказалось блѣднымъ, когда сочувствіе къ пролетарію и слезы о народѣ превратились исключительно въ коммерческое предпріятіе?

Мы все еще не привыкли къ тенденціозной лжи. Мы никакъ не можемъ совсѣмъ отказать въ довѣріи лживымъ баснямъ и вымышленнымъ слухамъ, пущеннымъ органомъ печати и подписаннымъ извѣстнымъ именемъ. Мы думаемъ, что не все наврано, что дыму безъ огня не бываетъ, что въ чудовищномъ преувеличеніи есть доля истины. Но факты скоро показываютъ, что все отъ перваго до послѣдняго слова сплошная ложь, что ничего подобнаго не было и, по здравомъ размышленіи, быть не могло, что это только коммерческій пріемъ, разсчитанный на довѣрчивость и простоватость публики. И это особенно часто дѣлаютъ такъ называемые „уважающіе себя“ органы печати. Выходитъ, что чѣмъ больше они себя уважаютъ, тѣмъ меньше достойны уваженія.

Опроверженій эти органы не терпятъ. Они упорно стоятъ за свое право лгать и пускать въ оборотъ небылицы. При такихъ условіяхъ эти органы становятся страшной, но грязной и нечистоплотной силой, пользующейся ложью и обманомъ ради самыхъ низкихъ и ничтожныхъ цѣлей, узкой и неосмысленной партійности.

Только за послѣднее время органы печати стали служить партіямъ. Это прямѣе и проще. Тутъ уже и не ждешь корректности и приличія. Прежде они служили принципамъ. А такъ какъ образованность въ нашемъ обществѣ вообще явленіе очень рѣдкое, а въ уличной прессѣ тѣмъ болѣе,—то получался такой идейный сумбуръ, который не оскорблялъ только слишкомъ неприхотливыхъ читателей.

Пресса становится все болѣе и болѣе уличною. Только улица, можетъ быть, не пойметъ и не замѣтитъ бездарности и невѣжественности газетныхъ трибуновъ, ихъ фельетонной несерьезности, ихъ безсодержательной болтливости, ихъ скудоумія. Теперь не рѣдкость — одинъ любопытный фактъ. Многіе перестаютъ читать газеты изъ величайшей брезгливости къ ихъ кровавой безшабашности, общественной распущенности, къ ихъ безпутному кривлянью. Чтобы сохранить здравый смыслъ и сознаніе дѣйствительности, мало-по-малу перестаютъ читать идейныя газеты. Идейность превратилась въ сумасшедшій домъ, гдѣ поджигаютъ къ пролитію крови, подталкиваютъ на насиліе, прославляютъ партійныхъ разбойниковъ, и воровъ и преднамѣренно путаютъ всѣ понятія съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы преступленія и порочность представлялись въ ореолѣ геройства и мученичества.

Общій недугъ прежде всего поразилъ печатное слово и вызвалъ на хищническую работу литературныхъ кондотьеровъ и идейныхъ дѣльцовъ журнальной биржи.

Н. М. Соколовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1906. Октябрь. XI.

МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЪ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Т-ва «СВѢТЪ» Невскій, 136.
1906.
Редакція „Миссіонерск. Обозр."
Невскій, 153. Телеф. № 5226.

Содержаніе октябрьской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе" за 1906 годъ.

При настоящей книжкѣ разсылается нашимъ подписчикамъ бланкъ почтоваго перевода для заявленія о подпискѣ на «Мисс. Обозр.» и газету «Колоколъ» въ 1907 году.

Издательница *Ю. А. Скворцова.* Редакторъ *В. М. Скворцовъ.*

По общимъ вопросамъ вѣры и церковной жизни.

О свободѣ вѣроисповѣданій.

(По воззрѣніямъ старообрядцевъ).

I.

Въ продолженіе двухъ съ половиною вѣковъ старообрядчество и мыслію и дѣломъ боролось за свободу своего вѣроисповѣданія. Поэтому представляется весьма любопытнымъ и практически нужнымъ выяснить ту идею, какую старообрядчество вложило въ понятіе о свободѣ, ту психику, которая, по старообрядческимъ воззрѣніямъ, свойственна человѣку свободному.

Задача эта важна и въ другихъ отношеніяхъ.

Идея свободы, свободы вѣрованія и свободы вообще, провозглашаемая теперь, привела многомилліонный русскій народъ къ почти не извѣстному въ исторіи человѣчества взаимному ожесточенію и какъ будто-бы къ умственному убожеству, и государственно-общественной дряблости величайшаго и сильнѣйшаго въ мірѣ народа. Идея эта принесена къ намъ съ запада, какъ отпрыскъ великой французской рево-
кой же нѣ-
этого пере-
а никакихъ
оятельности,
ческія при-
стой народъ,
въ продол-
но, какъ на
[illegible] русской народности. Своимъ внутреннимъ существомъ, своимъ разумомъ народъ не прикоснулся къ этой идеѣ и въ настоящее зловѣщее время.

Герценъ и наши дни [1]).

XXXI.

Мечты и дѣйствительность.

Герцену время отъ времени казалось, что русская интеллигенція свѣжѣе, трезвѣе западной, не такъ заморожена въ идейныхъ предразсудкахъ, способна на живую жизнь смотрѣть живыми глазами. Правда, онъ говорилъ это не безъ существенныхъ оговорокъ.

„Распущенность-ли наша, недостатокъ-ли нравственной осѣдлости, опредѣленной дѣятельности, юность-ли въ дѣлѣ образованія, аристократизмъ-ли воспитанія, но мы въ жизни, съ одной стороны, больше художники, съ другой—гораздо проще западныхъ людей: не имѣемъ ихъ спеціальности, но зато многостороннѣе ихъ. Развитыя личности у насъ рѣдко встрѣчаются, но они пышно, размашисто развиты, безъ шпалеръ и заборовъ. Совсѣмъ не такъ на западѣ“ (II, 381).

Герценъ предсказывалъ,—и его предсказаніе сбылось,—что „европейская трагедія“ перейдетъ и къ намъ.

„Она выйдетъ у насъ грубѣе, но гораздо проще. У насъ *старое-то ново* и не пустило корней. У насъ морщины на кожѣ, но кровь молода“ (VI, 318).

Здѣсь Герценъ обсчитался. Молодости у русской интеллигенціи нѣтъ и не было. Въ колыбели она ухватилась за старческій костыль запада и передвигаться иначе—не могла и не умѣла. Простоты—дѣйствительно, грубой и примитивной,—было много. Но толку изъ этого не вышло. Ничего своего ни у кого за душой не было.

„... Странная судьба русскихъ—видѣть дальше сосѣдей, видѣть мрачнѣе и смѣло высказывать свое мнѣніе,—русскихъ, этихъ „нѣмыхъ“, какъ говорилъ Мишле“ (V, 167).

1) См. „Мисс. Обозр.“ 1906 г. №9.

Это примѣнимо только къ Герцену и славянофиламъ. Остальная интеллигенція смотрѣла на западъ очень жизнерадостно, только потому, что никакихъ своихъ мнѣній не имѣла.

Пало крѣпостное право. Герцену показалось, что „русское образованное меньшинство“ пріобрѣло себѣ мѣсто на родной почвѣ и энергично примется за работу.

„... Время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ *лишнихъ* людей. Теперь, напротивъ, къ нашимъ огромнымъ запашкамъ недостаетъ рукъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пенять не на кого, тотъ въ самомъ дѣлѣ *пустой* человѣкъ, свищъ или лѣнтяй“—писалъ Герценъ въ 1869 г. въ „Колоколѣ“.

„Смѣна имъ уже идетъ. Мы уже видимъ, какъ изъ дальнихъ университетовъ, изъ здоровой Украйны, съ здороваго сѣверо-востока являются совсѣмъ иные люди съ непочатыми силами и крѣпкими мышцами и, можетъ быть, намъ старикамъ еще придется черезъ болѣзненное поколѣніе протянуть руку кряжу свѣжему, который кротко простится съ нами и пойдетъ своей широкой дорогой“ (V, 344).

Чудная, завѣтная мечта, полная свѣжести и молодой вѣры! Какъ было не ждать этой дѣловой и энергичной смѣны! Вездѣ гниль и мертвечина. То, что называется нынѣ наукой, схоластика и рутина. Творчество—изсякло. То, что теперь называется беллетристикой,—одинъ изъ пріемовъ газетной полемики. Повѣствователи и романисты лгутъ на жизнь во имя идеи. Умственные интересы понизились до самаго дешеваго читателя, до лубочной мазни, до площадной шутки, до нездоровой сальности. Болѣзненныя мечты—гдѣ-то высоко, высоко—летятъ „безъ руля и безъ вѣтрилъ“.

„Отъ сѣвера, и запада, и моря, и востока“—пришелъ не „здоровый кряжъ“, а тѣ же пустые люди, свищи и лѣнтяи—и остались лишними людьми. Ничего не сдѣлано. Все надо сдѣлать за-ново. Но не для пустыхъ людей и не для свищей эта работа.

Придетъ-ли имъ на смѣну „новый кряжъ“ изъ настоящей мужицкой деревни? Если и придетъ, то не скоро. Для этого нужны десятки лѣтъ. А до тѣхъ поръ—предсмертныя корчи и агонія отжившаго и вялаго интеллигентнаго поколѣнія.

„Тѣ,—говорилъ Герценъ,—которые, имѣя глаза, не хотятъ смотрѣть, посвящены богамъ ада. Какъ ихъ спасти?“ (V, 314).

XXXII.

Страховъ и г. Скабичевскій.

Теперь послѣдній,—самый спорный вопросъ, хотя поводомъ для спора послужилъ не самъ Герценъ, а партійныя побужденія и страсти. Основная мысль Герцена сама по себѣ ясна и никакихъ споровъ не возбуждаетъ. Ученые критики и рецензенты, которые пишутъ о Герценѣ, не ознакомившись съ его произведеніями, утверждаютъ, что онъ былъ и остался западникомъ. Грѣхъ остается на ихъ совѣсти и невѣжествѣ.

Въ декабрьской книжкѣ „Міра Божьяго“ за 1905 годъ г. С. Ашевскій, въ статьѣ „По поводу изданія сочиненій Герцена“, между прочимъ въ сжатой формѣ опредѣляетъ два противоположныхъ мнѣнія по этому вопросу.

По мнѣнію Страхова, въ лицѣ Герцена „*отчаявшійся западникъ* превратился въ *нигилистическаго славянофила*, а во многихъ отношеніяхъ оказался истинно *русскимъ человѣкомъ*“ (курсивъ Страхова). По болѣе справедливому мнѣнію г. Скабичевскаго: „Герценъ сходился съ славянофилами только въ томъ, что Европа гніетъ и будущее принадлежитъ Россіи, но за этими общими основаніями Герценъ и славянофилы расходились въ двѣ противоположныя стороны“, не только въ религіозныхъ, но и политическихъ взглядахъ“ (190).

Сперва поправимъ неточность въ выраженіи г. Скабичевскаго. „Западъ гніетъ“,—говорили славянофилы. Герценъ говоритъ, что западъ умеръ, что онъ пережилъ себя, что у него нѣтъ ни одного духовнаго,—теоретическаго или моральнаго,—начала, которое обладало-бы жизненностью и творческою силою. Его пѣсенка спѣта. Жизнь должна пробиться въ другихъ мѣстахъ и изъ другихъ источниковъ. Именно въ Россіи и изъ общиннаго быта.

По нашему мнѣнію, справедливѣе мнѣніе Страхова. Но пока спорить не будемъ. Сдѣлаемъ выводы и изъ этой формулы. Прежде всего думаю, что Герцена, провозглашавшаго смерть запада и даже проповѣдывавшаго смерть западу, называть западникомъ могутъ только идейные фельетонисты и ученые рецензенты, которые никогда не читаютъ того, о чемъ пишутъ. Во-вторыхъ, отмѣчать духовное банкротство запада и его интеллигенціи,—дѣло не только славянофиловъ, но и другихъ мыслителей, съ другой исходной точкой зрѣнія. Въ третьихъ, выраженіе „западъ гніетъ“ пущено именно Страховымъ, какъ резюме основной мысли Герцена, а безпечальные фельетонисты приписали ее славянофиламъ и на протяженіи пятидесяти лѣтъ били Герцена, полагая, что бьютъ славянофиловъ.

Гибель запада и жизнь Россіи въ общинѣ—вѣдь это все-же много, очень много. Тутъ уже minimum двѣ трети славянофильства. Остаются только, по словамъ г. Ашевскаго, „религіозные и политическіе взгляды“. Это требуетъ поясненія.

Невѣръ и атеистъ „отъ младыхъ ногтей“, Герценъ, конечно, всегда игнорировалъ религіозную сторону вопроса. Онъ такъ же не вѣрилъ въ православіе славянофиловъ, какъ и въ православіе простого народа. Религія для него не существовала и служила ему только для цѣлей юмора и полемики. Правъ-ли онъ былъ въ этомъ для себя,—его личное дѣло. Но выкидывать это начало изъ анализа русской жизни—значитъ отказываться отъ пониманія и объясненія этой жизни.

XXXIII.

Герценъ и славянофилы.

„Борьба между нами (и славянофилами) давно кончилась и мы протянули другъ другу руки. Но въ началѣ сороковыхъ годовъ мы должны были встрѣтиться враждебно. Этого требовала послѣдовательность нашимъ началамъ. Мы могли бы не ссориться изъ-за ихъ дѣтскаго поклоненія дѣтскому періоду нашей исторіи. Но принимая за серьезное ихъ православіе, но видя ихъ религіозную нетерпимость въ обѣ стороны, въ сторону науки и въ сторону раскола, мы должны были враждебно стать противъ нихъ. Мы видѣли въ ихъ ученіи новый елей, новую цѣпь, налагаемую на мысль, новое подчиненіе совѣсти византійской церкви.

„На славянофилахъ лежитъ грѣхъ, что мы долго не понимали ни народа русскаго, ни его исторіи. Ихъ иконописные идеалы и дымъ ладана мѣшали намъ разглядѣть народный бытъ и основы сельской жизни.

„Православіе славянофиловъ, ихъ историческій патріотизмъ и преувеличенное, раздражительное чувство народности были вызваны край-

постями въ другую сторону. Важность ихъ воззрѣнія, его истина и существенная часть вовсе не въ православіи и не въ исключительной народности, а въ тѣхъ *стихіяхъ* русской жизни, которыя они открыли подъ удобреніемъ искусственной цивилизаціи" (П. 398—399).

Пока пусть будетъ такъ. Отмѣтимъ только, что „дѣтскій періодъ русской исторіи" для огромной части населенія продолжается и доселѣ и, встрѣчая старческій періодъ въ исторіи русской интеллигенціи, создаетъ весь трагизмъ настоящаго и грозитъ катастрофами въ будущемъ. Самъ-же Герценъ говоритъ, что дѣло идетъ не объ историческихъ воспоминаніяхъ, а о несомнѣнномъ фактѣ наличной жизни. „Стихіи русской жизни"—вѣдь и по его убѣжденію,—общинный бытъ и мірское ея самоуправленіе.

И еще одна оговорка. О православіи византійской церкви и расколѣ—Герценъ говорилъ не серьезно. Отъ пониманія дѣла онъ отбивался сарказмами и ироніей. Тутъ онъ вовсе не спеціалистъ и дѣлаетъ промахи, достойные бойкаго фельетониста. Великой заслуги Хомякова въ дѣлѣ объясненія православія и его духа онъ вовсе не зналъ и поэтому о церковныхъ и религіозныхъ дѣлахъ онъ говорилъ, какъ слѣпой о краскахъ.

„Возвращеніе къ народу они (славянофилы) тоже поняли грубо,— въ томъ родѣ, какъ большая часть западныхъ демократовъ,— принимая *его совсѣмъ готовымъ*. Они полагали, что дѣлить предразсудки народа—значитъ быть съ нимъ въ единствѣ, что жертвовать своимъ разумомъ, вмѣсто того, чтобы развивать разумъ въ народѣ—великій актъ смиренія. Такая натянутая набожность, исполненіе обрядовъ, которые при наивной вѣрѣ трогательны—и оскорбительны, когда въ нихъ видна преднамѣренность. Лучшее доказательство, что возвращеніе славянъ къ народу не было дѣйствительнымъ, состоитъ въ томъ, что они не возбудили въ немъ никакого сочувствія. Ни византійская церковь, ни Грановитая палата ничего больше не дадутъ для будущаго развитія славянскаго міра. Возвратиться къ селу, къ артели работниковъ, къ мірской сходкѣ, къ казачеству—другое дѣло. Но возвратиться не для того, чтобы ихъ закрѣпить въ неподвижныхъ азіатскихъ кристаллизаціяхъ, а для того, чтобы развить, освободить начала, на которыхъ они основаны, очистить отъ всего наноснаго, искажающаго, отъ дикаго мяса, которымъ она обросла—наше призваніе" (II, 409—410).

Герценъ измѣняетъ себѣ: начинаетъ учить, какъ дѣлать эксперименты. Опять старая сказка про бѣлаго бычка. Нельзя отрекаться отъ *своего* разума, а Герценъ-же доказалъ, что этого разума въ общественной жизни запада и русскаго образованнаго слоя—нѣтъ. Въ народѣ надо „развить" разумъ, значитъ, въ народѣ разума нѣтъ, а Герценъ-же доказалъ, что во всей Европѣ, кромѣ русской общины, общественная жизнь неразумна и только въ русской общинѣ стоитъ на здоровыхъ и разумныхъ началахъ.

Зачѣмъ возвращаться къ какимъ-то „азіатскимъ кристаллизаціямъ?" Если эти кристаллизаціи что-то неподвижное и мертвенное—прочь ихъ! Къ чему одряхлѣвшія формы, стѣсняющія правду и силу общественныхъ отношеній? „Надо выходить на просторъ жизни",—какъ говорятъ студенты, бросая лекціи и отправляясь въ кафе-шантанъ. Но если это не кристаллизаціи, а что-то живое и дѣятельное, чистить дикаго мяса не придется: на живомъ и здоровомъ организмѣ его не бываетъ. При разумности своей жизни намъ пришлый разумъ ни къ чему: тамъ жизнь идетъ и безъ того разумно, а наше фельдшерское усердіе будетъ только мѣшать дѣлу и, конечно, вызоветъ протестъ. Тамъ Герценъ блудилъ среди трехъ сосенъ, принимая всѣ посылки славянофильства, кромѣ одной, главной.

Секретъ въ сущности очень простъ.

„Для васъ,—говоритъ Герценъ въ „Письмахъ къ противнику", славянофилу,—русскій народъ преимущественно народъ *православный*, т. е. наиболѣе христіанскій, наиближайшій къ *веси небесной*. Для насъ русскій народъ преимущественно соціальный, т. е. наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той земной веси, къ которой стремятся всѣ соціальныя ученія" (VI, 382).

Вотъ въ самой сжатой формулѣ та аргументація, которая создала за послѣдніе десятки лѣтъ огромную литературу. Марксисты и народники, враги и друзья общины, церковники и противоцерковники на тысячи ладовъ варіировали эту мелодію и видѣли непримиримое противорѣчіе тамъ, гдѣ никакого противорѣчія нѣтъ. Въ экономическихъ собраніяхъ и съѣздахъ, въ спорахъ религіозно-философскаго общества

между вѣрующими мірянами и идейными клириками уже давно прошелъ девизъ: прочь все небесное, свято все земное.

Смѣшно было бы видѣть въ русской общинѣ „небесную весь". По крайней мѣрѣ, изъ славянофиловъ никто этого не утверждалъ. Но если русскій народъ преимущественно соціальный, то только потому, что онъ преимущественно православный. Отношеніе къ землѣ, только какъ къ землѣ, какъ къ орудію производства, не имѣло бы никакого разумнаго смысла, если-бы оно не было основано на отношеніи къ ближнему, какъ брату и православному христіанину. Отношенія къ землѣ нельзя ставить особнякомъ и самостоятельно: на первомъ мѣстѣ стоятъ—отношенія къ ближнему. И въ этомъ—все.

У народовъ не православныхъ—община не сохранилась. У православныхъ—она идеалъ жизни. Примѣсь „небесной веси", т. е. наличность нравственнаго начала, любовнаго и братскаго общенія—„земной веси" дала только наибольшую прочность и устойчивость. Это пока единственная форма, которая даетъ maximum личной свободы при maximum'ѣ общественной справедливости и дружной работы. Здѣсь вполнѣ автономная личность добровольно подчиняется общему соглашенію, принятому по возможности единогласно, а не по механическому подсчету голосовъ. Здѣсь максима Канта: „Поступай всегда такъ, чтобы каждое твое рѣшеніе могло стать закономъ для всего человѣчества",—самая широкая формула свободы самодержавной и самоотвѣтственной личности,—вполнѣ примиряется съ общиннымъ соглашеніемъ по опредѣленному общественному дѣлу, которое нельзя выполнить отдѣльными и одинокими усиліями, а можно сдѣлать только сообща.

Обвиненіе въ византинизмѣ и пристрастіи къ обряду—старая нелѣпость. Герценъ, конечно, не читалъ статей А. С. Хомякова, которыя вошли во II томъ послѣдняго изданія его сочиненій. Кто не читалъ, тому, конечно, извинительно повторять старыя бабьи сказки либеральной рутины. Когда это дѣлаетъ Милюковъ, спеціалистъ по каждому отдѣлу и параграфу общенаучной энциклопедіи, это понятно: онъ слишкомъ ученъ, чтобы знать что-нибудь точно. Но Герценъ обыкновенно говоритъ только о томъ, что онъ знаетъ. Здѣсь этого нѣтъ. И въ данномъ случаѣ, впадая въ постоянныя противорѣчія, допуская сбивчивую и смутную декламацію, онъ приноситъ свою дань либеральному обскурантизму. Логически невозможно стоять за общину и отрицать православіе. Борьба съ общиной—есть борьба съ русскимъ православіемъ,—откуда-бы она ни шла, отъ Розанова и Тернавцева или отъ оберъ-прокурора Синода, отъ митрополитовъ и епископовъ или отъ Милюковыхъ и Трачевскихъ. Византійствующіе богословы и іерархи—не идеологи русскаго православія. Его истолкователь—А. С. Хомяковъ.

XXXIV.

Вѣтка оливы.

Говорить о розни по „политическимъ" вопросамъ—было бы слишкомъ долго. И по этимъ вопросамъ съ должною опредѣленностью Герценъ не высказался. Демократическую республику онъ проклялъ съ такою же ненавистью, какъ и всѣ безпочвенныя мечтанія демократовъ. И у славянофиловъ на первомъ планѣ стояли не эти вопросы. Больше всего ихъ занималъ вопросъ общиннаго самоуправленія и рѣшеніемъ этого вопроса предрѣшались всѣ другіе.

Но за славянофилами Герценъ признавалъ одну—и крупную заслугу. На этомъ мы теперь и остановимся.

„Мнѣ не надо было,—писалъ въ „Колоколѣ" Герценъ въ 1864 г.,—внѣшняго побужденія, чтобы заявить въ пятидесятыхъ годахъ, насколько я ошибался въ спорѣ съ нашими славянами,—и я не очень испугался западныхъ авторитетовъ, обличая и уличая ихъ революціонную несостоятельность—такъ какъ мнѣ она открылась въ 1848 г. (VI, 381).

„Въ его (И. В. Кирѣевскаго) взглядѣ (и это я оцѣнилъ гораздо послѣ) была доля тѣхъ горькихъ, подавляющихъ истинъ объ общественномъ состояніи запада, до которыхъ мы дошли послѣ бурь 1848 г." (II, 420).

Эти „горькія и подавляющія истины" Кирѣевскій и Хомяковъ говорили до 1848 г. Послѣ Герцена ихъ говорили и освѣщали Аксаковы, Самаринъ, Данилевскій. За эти истины наши западники подняли бурю противъ славянофиловъ. Герценъ—ни отъ кого не прятался и никого не боялся. Современники знали, что онъ не запад-

никъ. Отчего-же такъ долго держится лживая легенда о западничествѣ Герцена?

Герценъ говоритъ о значеніи Крымской войны для русскаго общества.

„Нравственное освобожденіе отъ Европы было началомъ освобожденія отъ петербургской традиціи, основанной на подчиненіи всего русскаго всему иностранному и на мысли превосходства русскаго войска надъ всѣми въ мірѣ, сокрушенной неудачной войной. Начать вѣрить въ свою нравственную самобытность и перестать вѣрить въ грубую силу и превосходство своего кулака — въ самомъ дѣлѣ начало премудрости“ (VI, 214).

Славянофилы „попавъ на мысль, что Русь русскую не уразумѣешь изъ однихъ иностранныхъ книгъ, отправились искать *ее, живую*, въ лѣтописяхъ, — такъ, какъ Марія Магдалина искала Іисуса во гробѣ, въ которомъ Его не было.

„Надъ ними смѣялись и они дѣйствительно были смѣшны, юродствовали, переѣзжали за два вѣка назадъ, наряжались по-русски— такъ, какъ ихъ предки наряжались по-нѣмецки,—отращивали бороду, которую полиція имъ брила, натягивали подогрѣтое православіе, сомнѣвались, слѣдуетъ-ли имъ ѣсть телятину, и не сомнѣвались, что иконопись выше живописи. Мы смотрѣли на нихъ съ негодованіемъ и были правы: мы искали свободы совѣсти,— они, исполненные раскольнической нетерпимости, проповѣдывали православное рабство. Мы не понимали (да и они сначала сознательно не понимали), что у нихъ, какъ у старовѣровъ, подъ археологическими обрядами бился живой зародышъ, что они, повидимому, защищая одинъ вздоръ, въ сущности отстаивали въ уродливо-церковной формѣ — вѣру въ *народную жизнь*“.

„Пока продолжалась борьба свободной совѣсти противъ рабства и партіи не могли другъ друга понять, грянула февральская гроза и перемѣшала всѣ карты въ Европѣ. Когда она улеглась, полюсы шара земного были перемѣнены“.

„Западники, безземельные дома, теряли теперь шагъ за шагомъ свои владѣнія въ обѣтованной землѣ. Славянофилы, думая отрывать трупы на кладбищѣ, по дорогѣ пахали поле. Западная партія была разбита на западѣ. Кирпичное, въ одинъ камень, зданіе политической экономіи покривилось и осѣло. Теорія общественнаго процесса падала въ безплодную реторику. Франція, какъ покорное стадо единаго пастыря, и Германія, какъ покорное стадо множества пастырей, утратили—разъ за-разъ — свободныя учрежденія, личную безопасность, право рѣчи, утратили талантъ, серьезность. Общее паденіе, какъ неотразимый рокъ, влекло Европу въ хаосъ разложенія. Явились трогательныя, печальныя личности, упорно остающіяся вѣрными всякому паденію, надѣющіяся, что храмъ западный, какъ храмъ Соломоновъ, скоро воскреснетъ во всей славѣ и силѣ, лишь бы только отдѣлаться отъ соціализма и *невѣжества массъ*...“ (VI, 203 — 204).

Отбросивъ полемическую шелуху, мы получаемъ опредѣленный выводъ. Герценъ смѣялся надъ славянофилами, пока ихъ не понималъ. Но, когда онъ ихъ понялъ, онъ увидѣлъ, что они дѣлаютъ серьезное и большое дѣло. Рѣчи объ ихъ мнимой безсознательности подняты, конечно, только для того, чтобы повторить любимый герценовскій припѣвъ: „и я былъ правъ“.

„Чѣмъ больше западная партія удалялась отъ реальной почвы и переносила шатры свои въ абстрактную науку, тѣмъ тверже становились славяне на практическій грунтъ. Вопросъ объ общинномъ владѣніи вывелъ ихъ, по счастью, изъ церкви и изъ лѣтописей на пашню...

„И вотъ, какъ роковымъ колебаніемъ историческихъ волнъ, *люди прогресса* стали въ свою очередь консерваторами, старообрядцами реформы, стрѣльцами западной цивилизаціи, хвастающимися неподвижностью своихъ мнѣній!“ (VI, 204).

„Славянофилы поняли, что ихъ истина плохо выражается западной номенклатурой. Они пытались науку сдѣлать русской, православной, остриженной въ скобку,—такъ, какъ пытались архитектуру и живопись свести на византизмъ. А въ сущности они достигаютъ совсѣмъ другого—высвобожденія истины отъ обязательныхъ колодокъ нѣмецкой работы, набитыхъ на нашъ умъ западнымъ воззрѣніемъ.

„Вотъ почему мы, не хвастающіеся достоинствомъ Симеона Столпника, стоявшаго шестьдесятъ лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, оставаясь вѣрнымъ нравственнымъ убѣжденіямъ нашимъ... *живые*, т. е. измѣняющіеся „теченіемъ времени“, стали гораздо ближе къ московскимъ славянамъ, чѣмъ къ западнымъ старообрядцамъ и къ русскимъ нѣмцамъ во всѣхъ родахъ различныхъ“ (VI, 265).

Герценъ былъ ихъ лучшій судья и это его признаніе для спора имѣетъ, конечно, рѣшающее значеніе.

XXXV.

Славянофильство и русскій народъ.

„Намъ доказывать свою народность было бы еще смѣшнѣе, чѣмъ нѣмцамъ. Въ ней не сомнѣваются даже тѣ, которые насъ бранятъ. Они насъ ненавидятъ отъ страха, но не отрицаютъ, какъ Меттернихъ отрицалъ Италію. Намъ надо было противопоставить нашу народность противъ своихъ ренегатовъ. Эту домашнюю борьбу нельзя было поднять до хаоса. Появленіе славянофиловъ, какъ школы и какъ особаго ученія, было совершенно на мѣстѣ. Но, если-бъ у нихъ не нашлось другого знамени, какъ православная хоругвь, другого идеала, какъ „Домострой" и очень русская, но чрезвычайно тяжелая жизнь допетровская, они прошли бы курьезной партіей оборотней и чудаковъ, принадлежащихъ другому времени. Сила и будущность славянофиловъ лежала не тамъ. Кладъ ихъ можетъ и былъ спрятанъ въ церковной утвари старинной работы, но цѣнность-то его была не въ сосудѣ и не въ формѣ. Они не дѣлили ихъ сначала". (II, 399).

„Славянизмъ или руссицизмъ, не какъ теорія, не какъ ученіе, а какъ оскорбленное народное чувство, какъ темное воспоминаніе и вѣрный инстинктъ, какъ противодѣйствіе исключительно иностранному вліянію, существовалъ со времени обритія первой бороды Петромъ I" (II, 400).

„Всѣ раскольники славянофилы.

„Все бѣлое и черное духовенство славянофилы другого рода.

„Солдаты, требовавшіе смѣны Барклая-де-Толли за его нѣмецкую фамилію, были предшественники Хомякова и его друзей.

„Война 1812 года сильно развила чувство народнаго сознанія и любви къ родинѣ. Но патріотизмъ 1812 года не имѣлъ старообрядчески-славянскаго характера. Мы его видимъ въ Карамзинѣ и Пушкинѣ, въ самомъ Императорѣ Александрѣ. Практически онъ былъ выраженіемъ того инстинкта силы, который чувствуютъ всѣ могучіе народы, когда чужіе ихъ задѣваютъ. Потомъ это было торжественное чувство побѣды, гордое сознаніе даннаго отпора" (II, 400).

Герценъ до конца дней своихъ любилъ Россію. Это знаютъ его друзья. Въ этомъ не должны сомнѣваться и его враги. Много разъ онъ пытался запрятать отъ всѣхъ, скрыть свою любовь—изъ того ложнаго стыда, которымъ болѣетъ вся мыслящая, т. е. барская Россія. Правда, онъ никогда не доходилъ до того пошлаго холопства, съ которымъ униженно и ласкательно поклоняются западу наши доморощенные инородцы по сознанію и чувству. Но и у него срывались иногда слова и намеки ради суетной похвальбы ренегатствомъ.

И все-таки эта любовь пробивалась наружу все съ большей и большей страстью, вплоть до мучительной тоски по родинѣ. Эта любовь и вызвала, конечно, только что отмѣченныя строки. При такой постановкѣ дѣла не только славянофилы и духовенство, не только солдаты 1812 г., а всѣ русскіе люди—славянофилы. Интеллигенція, конечно, въ этотъ счетъ не идетъ.

Развѣ русскій народъ,—простой, деревенскій людъ,—не чувствовалъ себя могучимъ и великимъ? Развѣ его инстинктъ спалъ, когда такъ недавно стали задѣвать его чужіе? Не его вина, если 1812 г. не повторился. Въ этомъ, конечно, много правды.

Но Герценъ, какъ и многіе другіе изъ искреннихъ и честныхъ западниковъ, опускаетъ одну сторону дѣла. Влад. Соловьевъ рѣчь о національномъ вопросѣ начинаетъ съ того, что Россіи нѣтъ нужды думать о своемъ существованіи; всѣ ея думы должны быть только о достойномъ существованіи. Герценъ думалъ, что народность такой яркій и непререкаемый фактъ русской жизни, что отрицать его—безумно.

Оба они ошибались. Россіи теперь приходится думать именно о существованіи, о существованіи, какъ Россіи. Русскому народу приходится отстаивать свою народность не передъ иностранцами, а въ Россіи. Ревнивая и беззавѣтная любовь славянофиловъ давно подсказывала роковую опасность. За декораціями внѣшняго величія они видѣли внутреннее нестроеніе,—неспаянность слоевъ народа, подвижность и неустойчивость имущихъ классовъ, отсутствіе духовнаго единенія съ народомъ... Они первыми замѣтили опасность и призывали стать на стражѣ. Съ рѣдкой геніальностью Хомяковъ указалъ и почву, и форму общаго единенія всѣхъ на почвѣ не византійскаго, а вселенскаго православія, которое включаетъ въ себѣ не одно только духовенство, не

только „трудящіяся народныя массы“, какъ говорятъ демократы, но весь народъ сверху до низу, не уничтожая никакихъ правъ личной свободы, никакихъ бытовыхъ особенностей, не подводя всѣхъ подъ одинъ ранжиръ по манерѣ соціалистическихъ утопій.

Этотъ идеалъ единаго одухотвореннаго народа въ общеніи труда и совѣсти—стоитъ надъ русскимъ сознаніемъ и понынѣ и будетъ крѣпнуть и развиваться, какъ онъ всегда развивался въ дни испытанія и историческаго гнета. Теперь выходятъ съ шумною надеждою на полное торжество враждебныя ему силы. Онъ отвѣтитъ на ихъ вызовъ постояннымъ и все возростающимъ сопротивленіемъ. И чѣмъ полнѣе будетъ казаться торжество этихъ не-русскихъ началъ, тѣмъ ближе они будутъ къ гибели.

Скрытый недугъ вышелъ наружу. Добрый знакъ. Значитъ возможна борьба и побѣда.

XXXVI.

Переломъ русской мысли.

Герценъ никогда не былъ высокомѣрнымъ. Онъ умѣлъ и могъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ. Но въ непогрѣшимость своего остроумія онъ вѣрилъ слѣпо. Онъ способенъ утверждать, что онъ былъ правѣе своихъ противниковъ даже тогда, когда онъ ошибался. Сознаніе своего огромнаго превосходства надъ всѣмъ и всѣми не оставляло его всю жизнь. Когда онъ—всегда искренній и правдивый—видѣлъ, что ему приходится принести повинную, онъ дѣлалъ видъ, что дѣлаетъ это только изъ снисхожденія.

Съ этой манерой рѣчи надо примириться и сквозь пестрый градъ задорныхъ и вызывающихъ словъ читать простую боль сердца, муки безнадежной скорби, тяжелое раздумье, разочарованіе.

Вдумайтесь въ слѣдующія его признанія.

„Не обвиняйте насъ въ безнравственности, потому что мы не уважаемъ то, что вы уважаете,—писалъ Герценъ къ Ш. Риберолю, издателю журнала „L'Homme“.—Съ какихъ поръ дѣтямъ въ воспитательныхъ домахъ ставятъ въ упрекъ, что они не почитаютъ родителей? (V, 169).

Какъ тяжко обвиненіе и какъ дѣтски безпомощна защита! Противъ

обвиненія въ безнравственности, разъ она доказана, никакихъ оправданій нѣтъ.

Это изъ письма къ иностранцу. Значитъ воспитательный домъ Россія? Откуда такое чудовищное сравненіе? Развѣ въ Россіи нѣтъ законныхъ дѣтей у законныхъ родителей? Все пріемыши и подкидыши? По деревнямъ, по крайней мѣрѣ, не всѣ дѣти родятся такъ экстравагантно. Тамъ есть не только дѣти и родители, но даже внуки и дѣды. Тамъ есть и уваженіе къ родителямъ, потому что ряды поколѣній дѣлаютъ одно и то же дѣло.

Или это опять намекъ на рознь господъ и крѣпостныхъ, интеллигенціи и народа? Тогда отповѣдь пріобрѣтаетъ своеобразный оттѣнокъ. Какъ роскошенъ и хорошъ воспитательный домъ для незаконныхъ дѣтей и подкидышей и какъ тяжела въ деревенскихъ избахъ судьба дѣтей законныхъ!

„Не обвиняйте насъ въ безнравственности,—говоритъ Герценъ въ письмѣ къ И. Мишле („Русскій народъ и соціализмъ“),—потому что мы не уважаемъ того, что вы уважаете. Можно-ли упрекать найденыша за то, что онъ не уважаетъ своихъ родителей? Мы независимы, потому что начинаемъ жить съизнова. У насъ нѣтъ ничего, кромѣ нашего организма, нашей народности. Это наша сущность, наша плоть и кровь, но отнюдь не связывающій авторитетъ. Мы независимы, потому что ничего не имѣемъ. Намъ почти нечего любить. Всѣ наши воспоминанія исполнены горечи“ (V, 280).

Дѣйствительно, положеніе много хуже губернаторскаго. И какъ только Герценъ не надоѣлъ знатнымъ иностранцамъ вызывающимъ признаніемъ въ своей безнравственности и еще болѣе вызывающимъ объясненіемъ ея! Да кто-же, наконецъ, эти найденыши и подкидыши? Весь русскій народъ? Только господа интеллигенты?

Смыслъ этихъ затѣйливыхъ и сомнительныхъ образовъ Герценъ, должно быть, не хотѣлъ объяснять иностранцамъ. Онъ это сдѣлалъ въ статьѣ „Колокола“ въ надгробныхъ словахъ Аксакову.

„Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ—*сдѣлали свое дѣло.* Долго-ли, коротко-ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать, и, если они не могли остановить фельдъ-егерской тройки, посланной Петромъ и въ которой сидитъ Биронъ и колотитъ ямщика, чтобы тотъ скакалъ

по нивамъ и давилъ людей,—то они остановили общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей.

„Съ нихъ начинается *переломъ русской мысли*. И когда *мы* это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи.

„Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была *одна* любовь, но *не одинаковая*.

У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество,—чувство безграничной, охватывающей все существованіе любви къ русскому народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны—въ то время, какъ *сердце билось одно*.

„Они всю любовь, всю нѣжность перенесли на угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки,—поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка,—и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ, да потому, что ея пѣсни были роднѣе водевилей. Мы сильно полюбили ее, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна. Въ ея комнатѣ было намъ душно. Все почернѣлыя лица изъ-за серебряныхъ окладовъ, все попы съ причтомъ, пугавшіе несчастную, забитую солдатами и писарями женщину. Даже ея вѣчный плачъ объ утраченномъ счастьѣ раздиралъ наше сердце. Мы знали, что у нея нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній. Мы знали и другое,—что ея счастье впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ,—это нашъ меньшій братъ, которому мы безъ чечевицы уступимъ старшинство. А пока—

Mutter, Mutter, lass mich gehen
Schweifen auf die wilden Höhen.

„Такова была наша разладица, лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ и мы встрѣтили горный духъ, остановившій нашъ бѣгъ,—и они вмѣсто міра мощей натолкнулись на живые русскіе вопросы. Считаться намъ странно: патентовъ на пониманіе нѣтъ. Время, исторія, опытъ—обличали насъ—не потому, чтобы они насъ перетянули къ себѣ или мы ихъ, а потому, что и они, и мы ближе теперь къ истинному воззрѣнію, чѣмъ были тогда, когда безпощадно терзали другъ друга въ журнальныхъ статьяхъ, хотя

и тогда я не помню, чтобы мы сомнѣвались въ ихъ горячей любви къ Россіи или они въ нашей.

„На этой вѣрѣ другъ въ друга, на этой общей любви имѣемъ право и мы поклониться ихъ гробамъ и бросить нашу горсть земли на ихъ покойниковъ—съ святымъ желаніемъ, чтобы на могилахъ ихъ, на могилахъ нашихъ расцвѣла пышно и широко молодая Русь" (II, 428).

XXXVII.

Гувернантка и мать.

Герценъ опять правъ. Французская гувернантка была красивѣе и жила веселѣе, чѣмъ родная мать. Въ ея комнатѣ было тѣсно и онъ ушелъ блуждать по дикимъ вершинамъ, гдѣ ничего цѣннаго не нашелъ. Налетъ овидіанскаго легкомыслія, эпикурейской безпечности наброшенъ на полную трагизма картину. Но много внутренней затаенной горечи, безнадежнаго отчаянія и сознанія вины звучитъ въ этихъ по виду легкомысленныхъ и равнодушныхъ словахъ. Это полное сознаніе блуднаго сына.

Удивительно, какъ наши идейные критики пробуютъ ослабить и— увы, другого слова нѣтъ,—опошлить смыслъ и значеніе грустной отповѣди.

Приведя часть этой цитаты, г. К. Бѣлозерскій въ книжкѣ „А. И. Герценъ, славянофилы и западники" дѣлаетъ такой выводъ.

„Изъ этихъ строкъ ясно видно, въ какую Россію вѣрилъ Герценъ: это Россія будущая, но никакъ уже не прошедшая, даже не настоящая. Онъ вѣрилъ въ будущее своей родины, какъ мы вѣримъ вообще въ будущее народа молодого, имѣющаго свою исторію въ прошломъ, полнаго юношескихъ стремленій въ настоящемъ"... „Періодъ преобразованія Россіи въ европейское государство, потребовавшій столько неистовыхъ и кровавыхъ мѣръ, приходитъ къ концу и долженъ смѣниться положительной ролью европейско-національной державы, въ которой она и предстанетъ міру со временемъ" (42).

Можно-ли такъ каррикатурно искажать мысли Герцена?

Развѣ г. Бѣлозерскій не знаетъ, какъ настойчиво и много разъ повторялъ онъ свой символъ вѣры?

„Мы ничего не примемъ изъ вражьяго стана.

„Россія никогда не станетъ juste milieu.

„Она не возстанетъ только для того, чтобы получить въ награду представителей—царей, судей—императоровъ, полицію—деспотовъ".

Да въ этой тирадѣ вовсе не о будущемъ сынѣ, который, не будучи первенцемъ, долженъ получить первородство, и рѣчь. Дѣло идетъ о гувернанткѣ и матери.

Герценъ ушелъ отъ нея, потому, что она была бѣдна и некрасива. Славянофилы остались съ ней потому, что она—мать. Герценъ и вернулся къ ней съ попреками въ ниществѣ и уродствѣ. Славянофилы думали, какъ сдѣлать ея комнатку не тѣсной. Какой великій, вселенскій смыслъ въ ея невзрачныхъ святыняхъ, сколько простой правды въ ея терпѣливомъ и любящемъ сердцѣ. Въ признаніи Герцена звучитъ, что въ этой семьѣ онъ, если не совсѣмъ чужой, то какой-то двоюродный и мало цѣнитъ тѣхъ, которые искали мощей и нашли источники жизни, а онъ, альпійскій туристъ, свелъ знакомство только съ недобрымъ духомъ горной вершины.

Но, если такое отношеніе къ матери не вызываетъ ни умиленія, ни восторга, если у сына такой уже характеръ, чтобъ потѣшить свою волюшку, погулять въ свою голову, то ничего прямо безчеловѣчнаго и противоестественнаго въ этомъ еще нѣтъ. Бываютъ дѣти худшаго сердца: родную мать выгоняютъ подъ старость на улицу изъ ея-же собственнаго дома.

XXXVIII.

Горные духи и бездны.

Несовмѣстимость славянофильства и западничества теоретически была отмѣчена давно. Теперь споръ перешелъ на реальную почву. Народъ, именемъ и совѣстью котораго говорили славянофилы, не принимая никакого участія въ борьбѣ, потерялъ все, въ чемъ видѣлъ правду и смыслъ жизни. Интеллигенція—побѣдила. Но эта побѣда мимолетная и только кажущаяся.

Какая бы ни была внѣшняя оболочка событій, какими-бы грозными катастрофами ни сопровождался мятежъ змѣеногихъ гигантовъ, сколько-бы крови ни пролилось по городамъ,—все это не исторія народа. Это удальство и ушкуйничество разгулявшейся вольницы, которое уляжется, когда перестанетъ дѣйствовать буйный хмѣль. Жертвы будутъ и ихъ будетъ много, но это ни къ чему не приведетъ. Это историческая метелица, которая перенесетъ огромныя тучи снѣга съ одного мѣста на другое и испортитъ дороги. Но русскому мужику не привыкать стать пролагать себѣ дорогу цѣлиной. Онъ привыкъ считаться съ суровыми требованіями жизни, а не съ господствующими вѣяніями теоріи. Пролетаріи примкнули къ барской, господской партіи, у которой такъ мало историческаго опыта и здраваго смысла. Ихъ дѣло—погибшее. Однимъ изъ средствъ борьбы они признаютъ финансовое разореніе государства. Но отъ голода придется умирать имъ первымъ. Революціонные эксперименты, которые такъ основательно и всесторонне изучилъ Герценъ и отъ которыхъ онъ всѣхъ предостерегалъ съ 1848 г. до своей смерти—явились новымъ изданіемъ старой ошибки, опредѣлить которую легко было и до этихъ экспериментовъ.

Герценъ недаромъ блуждалъ по горнымъ вершинамъ, вглядывался въ пропасти и бездны. Недаромъ онъ встрѣтился и съ горнымъ духомъ, который разсказалъ ему, какъ глубоки пропасти и какъ опасно паденіе. Онъ принесъ намъ отрицательный выводъ: на западѣ счастья нѣтъ.

И все-таки, Герценъ—западникъ?

Н. М. Соколовъ.